АРТИГАС

Хесуальдо

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена национальному герою Уругвая, одному из руководителей Войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, Хосе Артигасу (1764–1850).

- Хесуальдо
  - К советскому читателю
  - Предки Артигаса
  - Детство и юность Хосе Хервасио Артигаса
  - Юный Артигас обретает независимость
  - Артигас-ополченец
  - Артигас в борьбе против английской интервенции
  - Участие Артигаса в Майской революции
  - Битва при Лас-Пьедрас и первая осада Монтевидео
  - Борьба Артигаса за автономию Восточной провинции
  - Великий исход
  - Борьба против интриг. Вторая осада Монтевидео
  - Апрельский конгресс и «Инструкции 13-го года»
  - Аргентинская политика и конец испанского владычества в
  - Неосуществленная мечта о конституции. Разгром
  - Федеральная лига и протекторат Артигаса
  - Конгресс в Арройо-де-ла-Чина и лагерь Артигаса в
  - Артигас управляет Восточной провинцией
  - Деятельность и принципы правительства Артигаса. Несколько слов о его личной жизни
  - Борьба Артигаса с португальскими захватчиками
  - Борьба против централизма Буэнос-Айреса
  - Война провинций Междуречья. Бегство от
  - Эпилог
  - Послесловие переводчика
  - Основные даты жизни и деятельности Хосе Артигаса
  - Краткая библиография
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Хесуальдо
АРТИГАС

К советскому читателю

Эта книга, с которой советские читатели познакомятся благодаря издательству «Молодая гвардия», посвящена отцу уругвайской нации Хосе Артигасу.

Мне хотелось изобразить в ней не только этого героя. Опираясь на свои предыдущие работы, я решил рассказать историю всей семьи Артигасов, начиная с деда — первого из них, кто явился на берега Рио-де-ла-Плата, чтобы служить королю в здешних колониях. Эта семейная история переплетается с историей нашей страны от основания города Монтевидео, столицы Восточной провинции Уругвай (как станет она потом называться), и до революционной войны за независимость, которая началась в 1810 году и закончилась для Уругвая в 1820 году, когда его вождь потерпел поражение и был интернирован в Парагвае.

Таким образом, эта биография является (или по крайней мере претендует на то, чтобы являться) своего рода краткой историей перехода нашей страны от колониального строя к независимости. В ней затрагиваются проблемы, характерные для нашей территории: коренное индейское население и его борьба за свои земли; скотоводство и его продукты — главное богатство страны; предприимчивые люди (пастухи, пираты, контрабандисты); торговля, ополчение и его роль; борьба иностранных держав за то, чтобы обосноваться в этих областях и развитие национального хозяйства — словом, все, что определило особенности формирования политического сознания и образа жизни нашего региона. Эти особенности в людях и прежде всего в гаучо придают неповторимый отпечаток этим южным районам западного континента.

Семья Артигасов неизменно принимала участие в этом историческом процессе. И тот, которому посвящаю я книгу, национальный герой уругвайского народа, одаренный выдающимися талантами и гениальным инстинктом, позволившим ему предвидеть судьбу своей родины и своих соотечественников, соединил в себе самые истинные и передовые черты своего времени. Его действия, его образ мыслей, общественные установления, которые он заложил и отстаивал, как бы вобрали в себя лучшие традиции борьбы за создание демократической нации.

Стремясь достигнуть некоего синтеза, я тем не менее не скупился на факты, которые могут помочь читателю разобраться в наиболее значительных проблемах первого века существования

нашей Провинции (ныне Восточной республики Уругвай), где жили и действовали Артигасы. Я стремился показать внутренние причины событий и их общий смысл. И в то же время мне хотелось по возможности доходчивей рассказать эту сложную историю области Ла- Платы — историю, которую мы только что начали изучать на основе более или менее научных критериев.

Предлагая эту биографию на ваш критический суд и надеясь на ваше доброжелательное внимание, я хочу выразить благодарность всем тем, кто помог мне рассказать об одном из великих сынов Америки. Я думаю, что эти люди вносят свой вклад в борьбу за настоящий интернационализм, за братское единение народов, за конструктивный и плодотворный мир для всех, за более свободное и счастливое общество, простирающееся от одного до другого конца нашей земли.

ХЕСУАЛЬДО

Монтевидео, февраль 1966 года

Предки Артигаса

Имя Артигасов появляется в испанских хрониках в начале XVII века. Из этого рода и происходит тот Хуан Антонио Артигас, который столетие спустя взойдет на корабль и отправится в порт Буэнос-Айрес, чтобы вступить в здешний гарнизон.

Хуан Антонио родился в 1693 году там же, где и его предки, — в маленькой арагонской деревушке Пуэбла-де-Альбортон. Совсем молодым он был солдатом армии, отстаивающей права Филиппа V на трон. Но кампания окончилась; все более плачевным становилось экономическое положение Испании, которая уже ничего не могла предложить своим беднякам (хотя бы они и звались идальго), и Хуан Антонио решил уехать в Америку.

Заморские земли со времени их открытия неизменно притягивали к себе юношей, стремившихся попытать счастья; сколько рассказов и сказочных историй привозили оттуда конкистадоры и колонизаторы! Многие думали, и не без основания, что в этих краях находится чуть ли не земной рай. Не один верил в истинность легенды об Эльдорадо — Золотой стране, которая кружила головы людям. И в самом деле, почему не могли быть правдивыми рассказы о короле этой таинственной страны, который каждое утро покрывал свое тело золотым порошком? Где находились его владения — в Новой Гранаде, в Венесуэле, в Париме, в Лас Омагуас или, быть может, на территории Рио-де-ла- Плата? Эта Золотая страна была призраком, который, казалось, ускользал от испанцев и к которому они продолжали стремиться.

А между тем жизнь в Испании становилась все тяжелее. Семейство Артигасов, как и семьи других старых воинов, имена которых канули в Лету, разделяло судьбу своей родины. Одно за другим совершались события, усиливавшие их тревогу. Территориальное единство страны, доставшееся Изабелле Инквизиторше такой дорогой ценой, рушилось. Португалия отделилась от остальной империи. Государство распадалось, нравственные устои приходили в упадок. Войско утратило боевой дух, лишилось сил, потеряло надежду. И так как война уже не могла оставаться основным занятием, людей, солдатам приходилось заново искать себе места в обществе.

Но если испанцы уже не видели свой идеал в войне, то не видели они его и в труде, в промышленности — двигателях нового времени. К концу XVII столетия Испания вступает в пору своего заката. Завершается варварское ограбление заморских

колоний. Корабли, возвращавшиеся когда-то из Индии с грузом золота и серебра, привозят теперь совсем иные вещи — кожи, сало, диковинные плоды, редкостных животных (к которым причисляли и туземцев). И в то время как в Европе капитализм поднимается на основе промышленного развития, а буржуазия завоевывает власть, Испания, прикованная к скале феодализма, остается в стороне от этих процессов. Она выглядит скорее продолжением Африки, чем оконечностью Европы.

Принадлежавшие к сравнительно новой касте, Артигасы не знавали тех лучших времен, о которых помнили так называемые старые кастильцы.

Впрочем, теперь все и вся охватывал неумолимый и быстрый упадок. Начиная со второй половины XVII века сельское население вымирало от голода. У Испании уже не было ни флота (его уничтожила Англия), ни войска, ни администрации, ни литературы, ни денег — даже на пропитание самого короля! На что могли надеяться Артигасы, если специальные комиссии под предводительством священников ходили по улицам и собирали милостыню для удовлетворения нужд королевского стола? Империя стояла на краю пропасти.

Потомки тех Артигасов, о которых упоминали хроники, занимались виноделием и сельским хозяйством. Они собирали урожай со своих оливковых деревьев, обрабатывали землю и сеяли пшеницу. Этот труд давал им уверенность, что их дети не пополнят собой толпы оборванцев и попрошаек. Однако скромные угодья отца в арагонской деревне сулили не очень-то привлекательное будущее честолюбивому юноше, уже обладавшему некоторым военным опытом. Тогда-то Хуан Антонио, крепкий двадцатитрехлетний парень, решил отправиться в Америку в поисках счастья, как это уже раньше сделали, и не без успеха, многие его соседи и друзья.

В середине 1717 года корабль, на котором он плыл, причалил к скалистому берегу, к пристани Риачуэло. То был бедный и скучный порт Буэнос-Айрес, в гарнизон которого он вступил солдатом. Так началась жизнь в Америке первого из Артигасов. Хотя он не умел написать свою фамилию, у него были такие личные качества, которые компенсировали недостаток образования, в котором отказала ему родина.

Буэнос-Айрес в те времена был единственным портом и единственным населенным пунктом, которым обладали испанцы в этом крае. Это был маленький город с приземистыми, грубо сколоченными домами и грязными улицами. Сразу же за домами начиналась бесконечная равнина, пампа, как называли этот обширный степной район, охватывавший всю провинцию Буэнос-

Айрес. Единственное, чем отличался город, — это множество церквей — городских и приходских.

В то время вся территория, занятая ныне Уругваем, — восточное побережье реки, носящей то же название, — входила в состав губернаторства Ла- Плата, а позднее — губернаторства Буэнос-Айрес и находилась под властью вице-короля Перу. Здесь бродили огромные стада дикого рогатого скота и лошадей, которых завез сюда почти сто лет назад испанец Эрнандариас. Это никому не принадлежащее богатство превратилось в легкую добычу для португальцев, французов и пришельцев других национальностей, которые мародерствовали, пользуясь полной безлюдностью, незащищенностью этих бескрайних степей. Кожи и сало — вот что составляло богатство Ла-Платы вопреки ее названию,[1] а ведь именно серебро было предметом вожделения для захватчиков и первооткрывателей. Однако позднее кожи и сало стали здесь столь же важными продуктами, как драгоценные металлы в Мексике и Перу.

Сторожевой службы у Испании на этих берегах не было, и это способствовало процветанию всяческих авантюр и краж. Особенно дерзкими были португальцы, которые в 1680 году обосновались в Колонии-дель- Сакраменто, на восточном берегу реки Ла-Платы, как раз напротив Буэнос- Айреса. Закладка Колонии-дель-Сакраменто положила начало тяжбе за территориальные права между Испанией и Португалией.

Сто лет Испания и Португалия вели битвы — захватывали, теряли и вновь отвоевывали эту территорию друг у друга. Испания стремилась вытеснить пришельцев с захваченных ею земель; Португалия жаждала закрепиться на новых берегах и землях. В этих битвах участвовал и солдат Хуан Антонио Артигас. Он принимал участие также и в карательных экспедициях, которые организовывались в Буэнос-Айресе против французского пирата Моро, заплатившего жизнью за свои похождения в этих краях.

Успех португальцев, основавших Колонию-дель-Сакраменто, побудил Испанию расширить свои владения и тоже основать новый город на этих берегах — Монтевидео. Губернатором Ла-Платы был в то время молодой блестящий военный Бруно Маурисио де Сабала. Он продолжил борьбу против португальцев и вытеснил их из Колонии. По указанию, поступившему из Испании, он основал форт в прекрасном заливе Монтевидео с целью превратить его в оборонительный аванпост против португальцев. Город был заложен в 1724 году; в этом участвовали некоторые семьи из Буэнос-Айреса, иногда оказывавшиеся связанными родственными узами. Их объединяло стремление

улучшить свое положение и избавиться от трудностей, которые они испытывали ранее в городе, территория которого была уже разделена между первопоселенцами.

Хуан Антонио Артигас также отправился в Монтевидео. К этому времени он был женат на креолке из Буэнос-Айреса по имени Игнасия Хавьера Карраско и у него уже было четверо детей, старшему из которых исполнилось шесть лет. Как один из основателей города он получил некоторые привилегии, землю и орудия труда. Он поселился на берегу реки, по соседству со своим шурином Бургесом.

В 1730 году Сабала сформировал городскую власть. В состав первого капитула (городского совета) Монтевидео, который должен был управлять только что отстроенным городом, был включен и Артигас, назначенный на пост алькальда в сельском комиссариате Санта-Эрмандад.

Бескрайни и пустынны были плодородные пастбища, расположенные на Восточном берегу реки Уругвай (позднее их жителей станут называть Восточными). Однако эти хорошо орошаемые земли с умеренным климатом не были абсолютно безлюдны. Здесь жили потомки туземных племен. Это были этнические группы, происхождение которых еще недостаточно выяснено, — чарруа, чанае, боаны, геноа и другие. В результате конкисты они были беспощадно истреблены. В культурном отношении эти племена находились на стадии каменного века. Язык их был примитивен. Раньше они жили охотой и рыболовством, а затем занялись скотоводством, сделались ловкими наездниками и торговцами скотом. Они сопротивлялись конкистадорам всеми доступными им средствами, но были побеждены и истреблены испанцами. Когда пришли новые колонизаторы, они застали лишь остатки индейских племен, находившихся на той же ступени развития, что и в эпоху завоевания. Они жили в грубо сколоченных хижинах, покрытых кожей, и разговаривали односложными словами. Они не знали никаких ремесел, даже религия их находилась в зачаточном состоянии. С плодородных земель колонизаторы оттесняли их в глубь страны. Именно из-за боязни сопротивления индейцев они установили постоянную сторожевую службу.

Почти до самой своей смерти в 1775 году Хуан Антонио Артигас занимал различные должности — городского советника (рехидора), капитана местного войска и др. Монтевидео был прекрасным портом и был расположен в красивой и плодородной местности. Постепенно город расширялся, особенно тогда, когда к первым поселенцам стали прибавляться выходцы с Канарских островов и из других мест, а также когда работорговля достигла и

этих берегов.

Вместе с ростом Монтевидео росла и семья Артигасов. Седьмой сын Хуана Антонио, родившийся в 1736 году, был окрещен именем Мартин Хосе. Он оказался самым способным среди своих братьев, и ему предстояло принять активное участие в развитии родного города. Это и был будущий отец создателя уругвайской нации — Хосе Хервасио Артигаса.

Мартин Хосе рос в такой же обстановке, что и его сверстники. Он был сильным, живым, энергичным мальчиком. Эти качества были свойственны не только ему лично, но и были типичными для той среды, которая его окружала. Подобно другим юношам, он прошел школу и городской и сельской жизни. В городе он посещал гимназию, основанную иезуитами, которым колониальное правительство поручило дело образования детей состоятельных переселенцев. А в деревне он работал на земле, принадлежавшей его отцу в окрестностях Монтевидео. Часто он сопровождал отца в его набегах на индейцев и разделял его сельские заботы. Памятуя, как сам он пострадал от своей неграмотности (из-за нее Хосе Антонио вынужден был уйти с поста рехидора), отец следил, чтобы Мартин не пренебрегал образованием, хотя бы в таких скромных масштабах, как в иезуитской школе. Таким образом, Мартин и его братья усвоили все то, чему только могли учить: в то время: читать, писать и считать и, конечно, получили солидную порцию основ католического богословия, а также «преданности пресвятой Марии, любви, уважения и послушания родителям».

В те времена, когда Мартин ходил в иезуитскую школу, Монтевидео был еще весьма бедным городом. Его грязные Улицы связывали не столько здания, сколько пустыри. А сельская жизнь протекала уже в полнейшем монотонном спокойствии, которое изредка оживлялось сообщениями о контрабандистах, о прибывшем корабле или слухами о злодействах дикарей-индейцев в усадьбах, расположенных на окраинах Монтевидео. Часто происходили стычки между гражданскими и военными чинами, так как между ними не было строгого разделения власти. Кровопролитные вооруженные столкновения на больших дорогах послужили причиной того, что сами правители Буэнос-Айреса, безуспешно пытавшиеся управлять городом Монтевидео при посредстве своего вице-губернатора, попросили короля образовать в Монтевидео собственное губернаторство.

В 1751 году был назначен первый губернатор Монтевидео — Хосе Хоакин де Виана. Это был военный, происходивший из высших слоев общества и женившийся на дочери богатого и ловкого дельца, Франсиско де Альсаибар, переправлявшего

жителей Канарских островов в Монтевидео.

Мартин Хосе Артигас, которому тогда было 16 лет, работал вместе с отцом, торгуя кожами и возделывая землю. Вместе с тем он вступил в армию, несмотря на то, что по испанским законам он, как и другие креолы, никогда не смог бы достигнуть чина выше, чем капитан, так как он родился в колонии.

Губернатор Виана установил новые порядки в колониальной администрации и новые правила для замещения должностей в городском совете. Теперь для занятия должности было уже недостаточно честности и преданности делу, от рехидоров требовалась грамотность. Старые правители были заменены более молодыми, имевшими некоторое образование. Из-за этого-то и потерял свое место в городском совете старый Артигас. Мартин Хосе, обладавший незаурядным характером и твердостью, едва достигнув двадцати четырех лет, получил пост в судебном управлении. Тремя годами раньше он женился на Франсиске Антонии Асналь, уроженке Монтевидео, родители которой также были первопоселенцами Монтевидео. В приданое она получила поместье Косупа (Флорида), а также землю в местечке Саусе (Канелонес), в четырех лигах от местечка Лас-Пьедрас. Эти земли и были основой их экономического благосостояния) которое, однако, не очень-то возрастало. В Саусе Мартин Хосе Артигас построил хозяйский дом. Здесь позднее пройдет большая часть детских лет Хосе Артигаса и здесь же произойдут некоторые события будущей революции.

Каков же был облик Монтевидео, каковы были его быт и нравы в те годы, когда Мартин Хосе Артигас занимал различные посты в его городском управлении?

По свидетельствам многочисленных путешественников, Монтевидео имел превосходную естественную гавань. Город стоял на реке и был окружен лесами. Городское население состояло, с одной стороны, из испанских чиновников, собственников земельных владений и торговцев, а с другой — из огромной массы негров-рабов, которые во второй половине XVIII века составляли треть населения города. Негры выполняли всевозможные работы, начиная от кормления и воспитания детей и кончая ремеслами и торговлей. Пыльные и грязные улицы города имели запущенный вид и всегда были пустынны. Лишь изредка неспешно проедет всадник, останавливаясь, чтобы выкурить сигару в обществе соседа или посудачить о городских новостях. Обычно горожане собирались поболтать в цирюльнях или лавчонках. Наибольшее оживление создавали торговцы. И хотя лавок было не так уж много, все же почти не было людей, которые чем-нибудь не торговали бы. Торговцы, ремесленники, а

главное рабы — вот кто действительно был занят делом. На них-то и держалась вся общественная система испанской колонии, а их труд обеспечивал богатство и благоденствие помещиков.

Дома строились просто, по старым канонам испанской архитектуры, мебель и убранство были аскетическими. И когда бы гость ни зашел в дом, его всегда встретят женщины — летом в креслах, с ковриками под ногами и веерами в руках, а зимой — сидящие на кожаных подушках. Обычно дамы играли на струнных инструментах, чаще всего на гитаре; рабы подавали знаменитое мате.[2]

Население одевалось на испанский манер. Обычным видом одежды было пончо — накидка, ее носили все, начиная с губернатора. Длина пончо соответствовала общественному положению. Так, у губернатора пончо было коротким, легким, расшитым золотом и серебром; рабы были одеты в длинное, До пят, пончо из грубой темной материи. Дамы носили корсет, обычно белый, с украшениями, кружевные мантильи и вуали, закрывающие лицо и руки.

Домашний быт был весьма прост. Обильные обеды состояли главным образом из мяса и белого хлеба; зелени почти не употребляли; к этому надо добавить варенье и стакан вина — вот пожалуй, и все. Сиеста — продолжительный дневной сон — была почти ритуалом в летнее время; зимой его заменяли беседы в семейном кругу.

Так медлительно и монотонно текла ленивая жизнь колониального Монтевидео.

В этой обстановке выполнял свои разнообразные чиновничьи функции Мартин Хосе Артигас. На всех постах и при всех обстоятельствах отец и сын Артигасы были верными вассалами короля, послушно выполняющими королевские приказы в далекой колонии.

Детство и юность Хосе Хервасио Артигаса

Третий сын рехидора Мартина Хосе Артигаса и Франсиски Антонии Асналь родился в Монтевидео 19 июня 1764 года и при крещении получил имя Хосе Хервасио. Запись о его рождении в первой метрической книге церкви Матрис была сделана спустя некоторое время после его рождения, и это дало повод полагать, что Хосе Хервасио родился не в Монтевидео, а в местечке, где его отец имел землю и где он обычно проводил рабочий сезон.

Ко времени рождения Хосе Хервасио Артигаса (его полное имя, по обычаю, было сокращено, и его звали просто Хосе Артигас) в Монтевидео был уже новый губернатор — Агустин де ла Роса. Он прибыл сюда, чтобы проводить политику Карла III, озабоченного введением новых экономических и политических принципов во взаимоотношениях с колониями; новыми методами он хотел укрепить гибнущее величие. Так или иначе, на одном из первых заседаний городского совета де ла Роса поставил вопрос о мерах, дотоле невиданных здесь, — о возведении виселицы на публичном месте.

Виселица, ваше высочество? — спрашивал удивленный алькальд.

Да, да, виселица! — подтвердил губернатор. — А что вас так страшит? Ведь согласно королевским законам она должна была быть построена в городе сразу же после его основания.

Члены совета возражали, указывая, что в подобной мере до сих пор не было необходимости и они сомневаются в том, что она возникнет, да к тому же это потребует расходов. Однако губернатор прекратил эти споры, заявив:

— Пусть виселицу бесплатно построят плотники! Таким образом сам народ ее воздвигнет. И задрожат тогда конокрады, контрабандисты и всяческие возмутители спокойствия и увидят, как осуществляет справедливость дон Агустин де ла Роса Кейпо дель Льяно и Сиенфуэгос!

Через шестнадцать дней после этого заседания городского совета родился Хосе Артигас.

О детстве его имеется мало достоверных сведений. Ко времени его рождения в семье уже было двое детей — шестилетняя Мария Мартина и четырехлетний Хосе Николас. Старший брат был его первым наставником. Оба мальчика, видимо, увлекались боями диких быков на площади, где их отец имел почетное место, как о том свидетельствует семейная

хроника.

Вместе с братом он посещал начальную школу при францисканском монастыре Сан-Бернардино в Монтевидео. Ордену францисканцев городской совет поручил дело школьного образования после изгнания иезуитов. Францисканцы были менее строгими, чем иезуиты, и менее жадными к приобретению земель. Но их методы преподавания были такими же, а знания, которые они давали своим ученикам, были столь же ничтожны: они учили читать и писать, обучали некоторым правилам грамматики и элементарным арифметическим действиям. Главное место, разумеется, занимал закон божий.

В эту-то школу и ходил Хосе Хервасио вместе с другими юношами из креольских семей. Однако главную роль в его образовании сыграло близкое знакомство с крестьянской жизнью. Начальное обучение он совмещал с постоянными поездками в отцовское угодье Карраско или в Пандо, где высился каменный дом, покрытый соломой, или со скотобойным промыслом в имении Касупа. Там его жизнь протекала в обществе пеонов, индейцев, негров-рабов. Именно в этой школе жизни, более важной, чем букварь и молитвы на латинском языке в францисканском монастыре, начали развиваться индивидуальные особенности характера молодого Аргигаса — Пепе, как звали его товарищи по классам и играм.

Говоря о той среде, в которой формировался Артигас, необходимо вспомнить роль гаучо и негров, в особенности последних. Не раз уже отмечалась роль негров-рабов в жизни колониального общества. Негры, как правило, были не только домашней прислугой, но и воспитателями детей. В доме Мартина Хосе Артигаса было двенадцать слуг-негров. Некоторые из них сопровождали Артигаса до конца его жизни. Вполне естественно сделать предположение, что сочувствие к этим обездоленным людям, неизменно проявлявшееся у Хосе Хервасио, впервые возникло еще в детстве, когда он жил в тесной близости с рабами.

Какова же была жизненная обстановка, окружавшая Артигаса и повлиявшая на него как на будущего вождя?

Испанские колонизаторы, которые прибывали сюда в XVIII веке, предпочитали заниматься сельским трудом. В неосвоенных внутренних районах страны искали они применения своим силам. Здесь они начинали обрабатывать землю, которую считали ничейной, отнимая ее у индейцев и прежних поселенцев. Отнимали они не только землю, но и рогатый скот и лошадей, которые во множестве размножались на бескрайних плодородных пастбищах.

Этому помогала и сама география. Кругом расстилались

широкие просторы почти не пересеченной местности, без горных хребтов и пустынь. Это была огромная равнина, слегка холмистая, перерезанная лишь реками и ручьями, по берегам которых стояли леса. Здесь не было никаких препятствий, преодоление которых представляло бы особые трудности. Эти плодородные земли были (да и остались до настоящего времени) благодатным полем для человеческого труда. К этому следует добавить мягкий, ровный климат без резких переходов погоды — ни тропической жары, ни снега, ни внезапных геологических сотрясений. А на морском побережье — множество естественных бухт, способствующих предпринимательству и развитию различных промыслов.

Путешественников поражало здесь несметное количество быстро размножавшегося скота. Здесь его никто не клеймил, не приручал. Огромные стада дикого скота сами находили себе пастбища. В тех местах, где имелась хорошая трава, табуны насчитывали по 20–30 тысяч голов.

Для этих одичалых животных самыми страшными врагами были скотобои. Они действовали большими группами, вооруженные лассо и ножами. Заарканив животное, они спутывали ему ноги, а затем распластывали и сдирали с него шкуру. Покончив со своей жертвой, они шли дальше и снова производили такую же расправу. Путь этих скотобоев (их называли чангадорами) был усеян трупами ободранных животных, становившихся добычей ягуаров и диких собак, которые были настоящим бичом этих мест. Шкуры вывешивались для просушки на жердях, потом их сгружали на речные пристани и затем отвозили в Монтевидео. Бывало и иначе: торговцы из Рио-Гранде, находившегося на территории португальской колонии Бразилии, спускались по рекам до этих мест и как контрабанду увозили эти шкуры с собой.

Чтобы положить конец этому стихийному живодерству, собственники усадеб начали объединяться и вести организованную борьбу против беспорядочного истребления животных. Имения постепенно становились своего рода феодальными крепостями, с вооружением и армией.

Но не только землевладельцы, пеоны, скотобои-чангадоры были действующими лицами на этой своеобразной арене. Здесь участвовали и другие группы населения, прежде всего контрабандисты, служившие посредниками между трудом и промыслом, с одной стороны, и незаконной торговлей — с другой. И чем рискованнее была эта торговля, тем больше выгод она приносила. Контрабандист, смелый, неустрашимый авантюрист, был фигурой, типичной для колониального

общества, задыхавшегося от торговой монополии.

Испания владела монопольным правом торговли в своих колониях, и только она могла ввозить сюда товары, причем по ценам, произвольно ею назначаемым. В конце XVIII века, когда промышленность Испании находилась в полнейшем упадке, она не могла снабжать колонии необходимыми им продуктами. Не в состоянии она была также и приобретать то, что здесь производили. Кризис торговли привел к тому, что местные власти не только терпели, но даже способствовали тайному ввозу и вывозу различных товаров. Это было неизбежно: речь шла о том, чтобы просто не умереть с голоду.

Контрабандисты прибывали из северных районов, граничивших с Бразилией, и достигали берегов Каррaско, где они имели свои тайные пристанища. Они делали рейсы в обоих направлениях. С севера они привозили табак, сахар, спиртные напитки, ткани, а нередко и живой товар — рабов. А на обратном пути они забирали шкуры, сало, солонину. История колониальных времен полна романтических историй, связанных с контрабандистами. Это как бы оборотная сторона официальной истории колониальной эпохи, причем гораздо более реальная.

Но самой характерной фигурой этого своеобразного мира пампы был гаучо. Гаучо — это бродячие пастухи, не имеющие крова, парии общества; здесь были и освобожденные или беглые негры-рабы, занимавшиеся разбоем, в том числе и женщины; беглые арестанты, бежавшие из городов и собиравшиеся здесь в шайки; индейцы, искавшие пропитания. Из этого пестрого населения постепенно складывался тот человеческий тип, который получил название гаучо. Это слово стало синонимом свободного жителя степей: ловкого наездника, отважного и неустрашимого, не имеющего никаких навыков цивилизации, но способного на большие чувства, человека, не привыкшего к труду и удовлетворяющегося тем немногим, что ему дает природа, неистощимо изобретательного в способах находить себе средства к существованию. Но самое замечательное качество гаучо — это врожденное глубокое свободолюбие и непримиримый индивидуализм.

Артигас не только знал эту среду, он сам жил этой жизнью. Его увлекали похождения гаучо, впрочем, так же как и празднества, которые давались в городском совете или в форте Монтевидео. Он с удовольствием поддерживал отношения с образованной молодежью, а также со священниками — друзьями дома. В то время многие из францисканцев отлично знали труды французских энциклопедистов и знакомили детей богатых креолов с новыми идеями. Можно предположить, что Артигас

знал произведения такого рода — ведь многие из его политических концепций, которые он выскажет в дальнейшем, имеют именно такие истоки. И все же в то время Артигаса более всего притягивала крестьянская жизнь. Навыки и образ жизни гаучо он освоил прекрасно.

Артигас стал правой рукой отца. Сельский труд способствовал его возмужанию, и уже в восемнадцать лет он был признанным главой своего круга. Он был худощав, но крепкого сложения, среднего роста, слегка сутулый, со спокойными движениями; нервозность не была ему присуща. Он был одарен теми же способностями, что и гаучо: прекрасно владел лассо и ножом, а также играл на гитаре и гармонии. Лицо у него было белое, загорелое, но не сожженное солнцем, лоб широкий, с намечавшимися залысинами; негустые, каштанового цвета, гладкие волосы. Глаза были светлые, неопределенного цвета. Отмечали, что он никогда не смотрел в упор на собеседника.

Его одежда и привычки были такими, как это было принято среди гаучо. Он был сдержан в выражении своих чувств и скрытен. Хотя Артигас часто бывал на танцах, где заслужил славу сердцееда, он чаще всего был серьезен. Когда же речь шла о деле, которым он руководил, он был очень четок и быстр в решении сложных проблем. Он всегда находил остроумный и оригинальный выход из опасных ситуаций, как, например, тогда, когда он во время похода против португальских налетчиков проснулся рядом с лежащим ягуаром. Как и все гаучо, Артигас блестяще и умело вел себя в стычках и при укрощении животных, смело и отчаянно выходил из сложных положений, знал толк в играх и выпивке. Он был хорошим товарищем, знал каждого из тех, кто вместе с ним участвовал в походах, сочувствовал и помогал им, если с кем-нибудь из них случалась беда. Никто лучше его не знал, как трудна походная жизнь гаучо.

Когда же ему приходилось бывать в официальной обстановке, в городском обществе, он одевался тщательно, по этикету: сапоги из тонкой кожи, брюки из дорогой ткани, рубашка из шерстяной шотландки, зимняя бурка, изредка пончо, широкое сомбреро лучшего качества. К большим звенящим шпорам добавлял еще обычные, а к большому острому ножу, вызывающе висевшему на поясе (это было в моде у сельских жителей), еще и обычный нож, который он держал в сбруе.

К тому времени, когда юноша обычно начинает только приучаться к самостоятельной жизни, Артигас уже был созревшим человеком. Он стал таким благодаря упорному труду, когда он вместе со своими родственниками руководил большими отрядами пеонов или участвовал в скотобойном промысле.

Пройдя суровый опыт жизни в степи, он решает покинуть отчий дом и начать самостоятельную жизнь.

Юный Артигас обретает независимость

Надо было обладать недюжинными способностями, чтобы возглавлять какое-либо серьезное предприятие в этих диких степных районах. Артигас такими способностями обладал. Первое, чем он занялся, был промысел скотобоев-чангадоров, а затем гуртовщика. Вскоре он занялся продажей крупного рогатого скота и лошадей на границе с Бразилией. Оттуда он воз вращался с португальскими товарами, которые были необходимы в хозяйстве как его собственной семьи и семей его друзей, так и других его земляков. Артигас со своим трезвым и дальновидным взглядом на жизнь ясно понимал, в каком трудном положении находилась тогда торговля.

В течение нескольких лет Пепе Артигас исходил и изъездил страну вдоль и поперек, собирая для продажи и перевозя к границе скот и все, чем была богата родная земля. Таким образом он не только обеспечивал собственное благосостояние, но и помогал снабжать товарами свою страну и этим поддерживал борьбу креолов против монополистической политики метрополии. Именно тогда он стал задумываться над сложными социальными проблемами, мучившими его родину.

Своими смелыми походами во главе отрядов пеонов, своими ловкими маневрами, ставившими в тупик его преследователей, Артигас приобрел почти легендарную славу среди соотечественников. В этих отважных авантюрах проявились его упорство, храбрость и другие качества, свидетельствовавшие о необыкновенной силе его личности. Он становится еще более сдержанным в поведении, никогда не позволяет себе кричать. Вообще он обычно говорил мало, но его приказы были точны и не допускали возражений.

Рассказывают, что однажды, преследуемый по пятам испанцами, Артигас, потеряв всякую надежду найти спасительное укрытие для своего измученного отряда и обессилевших лошадей, решился на отчаянный шаг. Он приказал своим людям остановиться, убить часть лошадей и из их трупов устроить баррикаду, из-за которой отряд отстреливался от преследователей. Другая часть людей увела оставшихся лошадей на отдых. Скрытый этим импровизированным бруствером отряд Артигаса вел отчаянную перестрелку с врагом, пока не вернулись их товарищи с отдохнувшими лошадьми. Тогда отряд умчался, спасшись таким образом от верной смерти.

Существует немало свидетельств и документов, в которых Артигас предстает как руководитель вооруженных пеонов. Как уже говорилось, с этими отрядами он осуществлял торговые операции с Бразилией. Конечно, не раз приходилось ему иметь столкновения с королевскими войсками, которые чаще всего бежали от Артигаса.

Во время этих походов, на привалах, при свете костров, среди пеонов, конечно, велись разговоры о судьбе родины, которую им предстояло защитить. Племянница Артигаса позднее вспоминала, что ее дядя хотел вооружить своих гаучо для того, чтобы бороться за свободу родины.

Такая жизнь постепенно вырабатывала в Артигасе качества вождя. О нем шла слава как о человеке умном и проницательном. Он был знаменит и как умелый гуртовщик и как ловкий, не боящийся риска торговец. Эта слава распространялась от Рио-Гранде — границы с Бразилией и далее по рекам Парана и Уругвай. Достигла она и Монтевидео. И тогда испанские власти начали подумывать о том, что этого человека следует подчинить себе.

Несколько раз испанские офицеры, преследовавшие Артигаса, возвращались ни с чем. И вот один капитан, ветеран многих войн, дал клятву поймать Артигаса и привезти его в Монтевидео.

Во главе своего отряда он подошел к лагерю Артигаса. Душной летней ночью отряд расположился на привал среди густых зарослей кустарника. С одной стороны от них находился ручей, с другой — труднопроходимый холм. В этом защищенном месте капитан считал себя вне всякой опасности и поэтому даже снял стражу в узком проходе. Усталые солдаты растянулись на земле и вскоре уснули.

Артигас, внимательно следивший за ними, приказал своим людям нарезать веток с деревьев, и глубокой ночью с ветками в руках они ворвались в спящий испанский лагерь. Внезапно разбуженные неожиданным налетом, перепуганные солдаты оказались в руках Артигаса, который легко мог их перебить.

Однако он приказал своим мучачос (ребятам) пустить в ход ветки и хлестать ими и солдат и их лошадей. Переполох в лагере был настолько велик, что лошади мгновенно умчались, а солдаты начали бесцельно стрелять и затем разбежались в разные стороны. Гаучо из отряда Артигаса исчезли с такой же быстротой, с какой они ворвались сюда, а испанцы так и не поняли, что это было за вторжение деревьев, напавших на них среди ночи.

Множество подобных историй показало испанцам, как трудно победить Артигаса и как важно привлечь его на свою сторону. Вместе с тем и Артигас, которому было уже больше тридцати лет,

испытывал беспокойство насчет своего будущего. Ему хотелось начать жить по-другому, ведь по уму он намного превышал свое окружение. И когда ему предложили перемирие и пригласили вступить на военную службу колониальной власти, Хосе Артигас решил ответить согласием. Он порвал со своим прошлым и вступил в недавно созданный отряд улан.

Артигас-ополченец

К концу XVIII века положение во внутренних районах страны, особенно на севере от реки Рио-Негро, стало крайне плачевным. В докладах вице- королей Ла-Платы не раз говорилось о настоятельной необходимости ликвидировать в сельских местностях разбойничьи банды, из-за которых и без того небольшое и совершенно запуганное местное население вынуждено было бежать в Монтевидео. В последнее десятилетие VIII века помещики не раз просили правительство о помощи, так как местные власти были бессильны справиться с растущей анархией.

Вместе с тем начинал приобретать все большее значение скотобойный промысел на Восточном берегу реки Уругвай. Как свидетельствовала статистика, только за 1791–1794 годы с причалов Монтевидео было вывезено больше миллиона шкур. В связи с этим испанские власти пришли к выводу о необходимости организовать вооруженные отряды копьеносцев, как это было уже сделано в Буэнос-Айресе. Эти отряды защищали население от набегов индейцев, препятствовали незаконному убою скота и охраняли собственность помещиков. Отряды должны были формироваться не из солдат, находящихся на военной слзжбе, а из жителей данной местности, наездников, способных проделывать большие переходы и пересекать многоводные реки. Содержание этих войск должны были обеспечивать те, кого они защищали. Так в стране появились отряды улан, представлявших собой, по существу, ополченцев.

Ополчение было сформировано в 1796 году, в период губернаторства Олагера-и-Фелиу. Для поступления в эти войска требовалось иметь собственных лошадей, не менее пяти на каждого человека. В ополчение вступали многие богатые креолы-помещики и их сыновья, которые брали с собой своих пеонов и друзей. Таким образом, каждый офицер имел свой собственный отряд солдат. Артигас также вступил в ополчение во главе отряда из своих людей.

Переговоры о вступлении Артигаса в ополчение велись в 1797 году, когда ему было тридцать три года. В эти переговоры вмешались его родные и его отец, пользовавшийся уважением губернатора. Дело было нелёгким, ведь в течение нескольких лет, когда Артигас занимался контрабандой, он, собственно говоря, находился вне закона. Но в это время была объявлена королевская амнистия, и вопрос был улажен.

В первое время существования ополчения штаб его находился

в Мальдонадо. Через полгода Артигас был назначен командиром части. Вскоре окрестные помещики стали просить о том, чтобы именно его часть была прислана в их местность; никто не умел так быстро ликвидировать шайки бродяг, как он. Слава о его подвигах опять начала расти. По бескрайним степным просторам носились его солдаты, прекращая разбои и принося населению безопасность и спокойствие. Испанские власти также были спокойны, имея таких защитников порядка. Военный опыт Артигаса, его знание местности и людей были использованы испанскими властями для решения еще одной тяжелой задачи. Речь идет о борьбе с постоянным вторжением португальцев на территорию Восточной провинции. Португальцы уже давно проводили тактику постепенного, не очень заметного продвижения в глубь страны, с севера на юг: они создавали то небольшое поместье, то вооруженное укрепление, то пристань на реке. Это было замечено испанским моряком и ученым Феликсом Асара, прекрасным знатоком этих, районов. Асара составил меморандум, в котором предлагал как самое надежное средство защиты границы — заселение приграничных районов. Он предложил также план раздела земель между переселенцами.

Для осуществления этих мер Асара выбрал людей надежных и опытных, и среди них Артигаса. Вместе с семьями переселенцев Артигас в первых числах ноября 1800 года выехал на границу. Объехав и изучив районы Ибикуй, Санта- Мария и Ягуари, Асара решил основать поселение Сан-Габриэль, а также Батови, где были расположены сторожевые войска.

Асара был человеком необыкновенным — образованным, талантливым. Артигас работал вместе, с ним и вскоре, оставив оружие, взял в руки инструменты землемера. Он начал руководить постройками новых домов, а также скотобойным промыслом для снабжения населения.

К сожалению, в этот короткий период мирной и созидательной деятельности произошел очередной разрыв отношений между Испанией и Португалией, в результате которого были изменены существовавшие пограничные линии. Португальцы немедленно вторглись в только что созданное поселение. Асара, будучи человеком осторожным, приказал оставить эти места, Артигас же был готов защищать Сан-Габриэль до последнего. Однако в это время он получил указание возвращаться в Монтевидео. Здесь он провел почти целый год (1802), так как здоровье его сильно пошатнулось.

К этому времени относится начало его романа с его двоюродной сестрой Рафаэлой Росалией Вильягран, дочерью доньи Франсиски Артигас, сестры его отца. Артигас чувствовал

себя очень усталым от многих лет тяжелой походной жизни. У него обнаружились ревматизм и артрит, которые, как видно из медицинских документов, не поддавались лечению. Поэтому он решил остаться в Монтевидео, чтобы отдохнуть и подлечиться.

Монтевидео, где он давно не был, изменился очень мало. Каждый новый губернатор пытался применять более строгие меры, чем его предшественник, отчего, однако, не было никакой пользы; власть Испании становилась все более слабой. Олагера-и-Фелиу на посту губернатора сменил Хосе Бустаман-те-и- Герра, человек более прогрессивных взглядов. Он сразу же оценил экономическое значение порта Монтевидео и будущее этого города и принялся за его переустройство. Он улучшил состояние улиц, очистил окружавшие город пустыри, привел в порядок общественные здания. В начале XIX века в Монтевидео насчитывалось свыше 15 тысяч жителей — больше трети всего населения Восточной провинции, составлявшего 40 тысяч человек. И хотя соседний порт Буэнос-Айрес был больше и по значению и по количеству населения, Монтевидео ни в чем ему не уступал. Сотни больших пароходов входили в его прекрасную гавань, не считая множества каботажных суденышек, способствовавших развитию прибрежных поселений.

Политика Бустаманте, направленная на развитие Монтевидео, не мешала ему со вниманием относиться к делам сельских местностей. А положение там было тяжелое. После роспуска ополчения — этого неутомимого и упорного стража — снова начались прежние беды: вторжение португальских захватчиков, нападения индейцев, рост контрабанды. Снова началась анархия, и жизненные интересы страны оказались в опасности.

Тогда вспомнили об Артигасе и обратились к вице-королю Ла-Платы Собремонте с просьбой послать Артигаса для борьбы с бандитизмом. Собремонте ответил согласием, и Артигас взялся за дело. Действовал он, как всегда, блестяще — ловил бандитов, приводил в панику тех, кто еще не попал в его руки. И снова в сельских местностях воцарилось спокойствие.

Возвратившись в Монтевидео после этой блестящей кампании в марте 1803 года, Артигас доложил полковнику Лекоку о выполнении задания и попросил его посредничества перед вице-королем для получения отпуска, чтобы восстановить здоровье, тем более что знакомый хирург обещал вылечить его без всякого вознаграждения. Зная о болезнях Артигаса и сочувствуя ему, Лекок согласился.

24 октября 1803 года Артигас написал прошение уже об отставке, перечислив все трудности, которые ему пришлось

перенести на протяжении последних шести лет и которые подорвали его здоровье. Он подтверждал это соответствующими медицинскими документами. Он писал также, что глубоко опечален невозможностью продолжать службу. Ответ от имени испанского короля был вручен ему 19 июня 1804 года. В отставке ему было отказано.

В этом же году Артигас был вынужден вернуться на службу. Его многочисленные доклады этого периода свидетельствуют о том, что он продолжал вести неустанную борьбу по очищению местности от преступников. Чаще всего он находился в районе Такуарембо и холмов Трес-Крусеса, жители которого постоянно просили о помощи Артигаса и его оборванных ополченцев, которые даже не находили себе достаточно пищи, так как португальцы систематически уводили отсюда скот. Нередко он получал специальные приказы непосредственно от нового губернатора — Паскуаля Руиса Уидобро, что вызывало недовольство испанских офицеров, считавших, что Артигасу предоставляется слишком большая свобода действий.

Когда подполковник Франсиско Хавьер де Виана (сын первого губернатора Монтевидео), для которого не существовало никаких преград в военной карьере, был назначен начальником карательной экспедиции, отправившейся в конце 1804 года в глубь страны, Артигас со своим отрядом вошел в состав его войска. Виана отдавал себе отчет, что ему не хватало не только военных сил, но и знания местности; поэтому помощь Артигаса была ему крайне необходима. Артигас со своими сорока двумя всадниками, одетыми в лохмотья, присоединился к отрядам Вианы в апреле 1805 года и вместе с ними вел мужественную борьбу против индейцев чарруа и минуанов. Единственным вознаграждением, которое Артигас получил за эту длительную службу, было никому не принадлежавшее поле в районе Сальто. Это поле было крохотным куском земли, прижавшимся к огромным владениям, которые захватили отец его командира и сам командир.

Здоровье Артигаса все время ухудшалось. 20 марта 1805 года из лагеря в Такуарембо-Чико он вновь направил петицию — на сей раз уже об окончательной отставке из армии. Хирург, находившийся при экспедиции Вианы, подтвердил, что Артигас не в состоянии продолжать военную службу из-за расшатанного здоровья. Отставка его была принята, и ему было предоставлено право пользоваться военными привилегиями и право ношения военной одежды. Для Артигаса началась новая жизнь гражданского человека.

В сентябре 1805 года отец Артигаса отправляет из своего

поместья письмо Дамасо Антонио Ларраньяге, священнику в Монтевидео, с просьбой начать переговоры о браке своего сына. Месяц спустя невеста передала в распоряжение Совета офицерских вдов три тысячи песо — таково было правило, установленное для женщин, вступавших в брак с военными. Свидетелем при этом был Бартоломе Идальго — в будущем известный поэт, связанный с семьей Артигасов давними узами Дружбы.

23 декабря Ларраньяга сочетал браком офицера ополчения Хосе Артигаса с Рафаэлой Росалией Вильягран, уроженкой Монтевидео. Церемония бракосочетания была весьма скромной, как вообще все, что он делал в своей жизни. Рафаэла Росалия стала второй женщиной, которая вошла в жизнь Артигаса. Первая из них, Исабель Веласкес, из испанской семьи в Сан- Доминго-де-Сориано, умерла незадолго до этого. От этого союза, как говорили, остался сын Мануэль, которому тогда было 14 лет. Артигас всегда заботился о сыне и помогал ему до последнего дня своей жизни на родине.

Так как Артигас был уволен с действительной военной службы, губернатор Руис Уидобро, покровительствовавший Артигаеу, назначил его офицером сторожевой службы, охранявшей местность от Кордона до Пеньароля. В эту должность Артигас вступил во время своего медового месяца.

Артигас в борьбе против английской интервенции

Неразумная политика Испании в отношении Англии все больше способствовала английским планам колониального проникновения в Испанскую Америку. Великобритания становилась теперь первым в мире центром промышленности и банковских операций. Уже давно намеревалась она вторгнуться на этот континент через Ла-Плату. Разбив в 1805 году у Трафальгара франко-испанскую эскадру, Англия стала владычицей морей. Обеспечив за собой всю торговлю с Ост-Индией и завладев базой на юге Африки, Англия теперь решила начать осуществление своего плана. При этом сыграли свою роль благоприятные сообщения английских торговцев в Буэнос- Айресе о незащищенности города и антииспанских настроениях населения. Во главе экспедиции стал адмирал Пофем, его помощниками были Верд и Кэрр Бересфорд. Экспедиция тронулась в путь. Подойдя к Монтевидео и обнаружив, что порт хорошо защищен и укреплен, она направилась дальше, к Буэнос-Айресу, который был атакован и взят в июне 1806 года без всякого сопротивления.

Полнейшая неподготовленность к отражению нападения, бегство вице- короля Собремонте, захватившего с собой драгоценности, а главное — легкость, с которой горстка англичан овладела городом с 60 тысячами жителей, наполнила стыдом сердца креолов. Многие из них, как писал впоследствии Бельграно, рыдали от ненависти и бессилия на улицах города.

Падение Буэнос-Айреса взволновало жителей Монтевидео, которые тотчас же начали готовиться оказать помощь населению столицы.

Поскольку вице-король бежал из столицы, город Монтевидео сам назначил губернатора Руиса Уидобро «верховным вождем», а экспедицию по изгнанию англичан из Буэнос-Айреса поручил возглавить испанскому полководцу французского происхождения Сантьяго Линье. Он погрузил войска на корабли и отправился в поход. Все население чем могло помогало войскам. Отец Аргигаса, например, безвозмездно снабдил войско своими лошадьми. Сначала предполагалось, что Артигас отправится в Буэнос-Айрес во главе кавалерийской части, но затем было решено послать только пехоту. Уланы же, в том числе и Артигас, должны были остаться для охраны Монтевидео и его окрестностей. Не желая мириться с такой пассивной ролью,

Артигас попросил губернатора дать ему какое-нибудь поручение. Руис Уидобро послал его к Линье с письмом, в котором просил передать через Артигаса сводку о военных действиях.

Артигас прибыл в Буэнос-Айрес в тот момент, когда войска вместе с населением города и его окрестностей направлялись отбивать у врага центральную часть Буэнос-Айреса — площадь Ретиро. Линье обратился к защитникам города с речью. Тотчас же после этого Артигас вручил ему послание Руиса Уидобро и немедленно присоединился к войску. Вместе с ним он проделал тяжелый путь по размокшим от ливней дорогам. Артиллерийские орудия, которые тащили лошади, подходили не сразу.

После длительного и напряженного сражения, в котором было много убитых с обеих сторон, Кэрр Бересфорд был вынужден сдаться. Это произошло после полуторамесячной оккупации города. Артигас поторопился отвезти это сообщение в Монтевидео. Достав в низовьях реки Уругвай какую-то утлую лодчонку, он пустился в путь. Но вскоре из-за сильного ветра лодка перевернулась. Артигас спас бумаги и добрался до берега вплавь. Известие о победе прибыло в Монтевидео вовремя и вызвало всеобщее ликование.

Хотя англичане потерпели поражение, они не оставляли своих захватнических планов. Лондонские торговцы нажимали на правительство, настаивая, чтобы оно послало в Ла-Плату новую мощную эскадру. Во второй половине января 1807 года более тысячи английских парусников под командованием нового начальника, Уайтлока, развернулись веером от острова Флорес до Пунта Карретас. Население, как и раньше, было полно решимости бороться с врагом. Но теперь положение Монтевидео было, неблагоприятным — там обосновался бежавший из Буэнос-Айреса трусливый вице-король Собремонте. Хотя у него такие закаленные и мужественные воины, как Артигас, сопровождавший его в Бусео, где высадились англичане, принятые им меры по обороне города были недостаточны. Объятый паникой, Собремонте снова бежал. Артигас и его уланы пытались по крайней мере осуществить достойное отступление. Отчасти им это удалось, но военное преимущество англичан, ветеранов многих войн в Европе, было так велико, что войскам испанцев и креолов оставалось только отступать. Сопротивление защитников у ворот города становилось все слабее и слабее.

Восемнадцать дней сопротивлялись защитники Монтевидео, главным образом уланы. Англичане, пустив в ход артиллерию, сделали брешь в главных воротах города Сан-Хуан и отсюда начали новые атаки. Защитники потеряли много убитых. Город был взят 3 февраля 1807 года. Буэнос-Айрес, к которому

обратились за помощью, не смог ее оказать. Там был созван Кабильдо Абьерто (открытое собрание муниципального управления), во время которого раздавались крики: «Долой вице-короля! Долой королевский суд! На виселицу всех их!» Линье не нашел в армии поддержки, необходимой ему для того, чтобы направить экспедицию в Монтевидео. Возможно, что в этом сыграла роль боязнь нового десанта английских войск в Буэнос-Айресе, как это вскоре и произошло.

Англичане, заняв крепость Монтевидео и получив подкрепление войсками, которые прибыли для предстоящего взятия Буэнос-Айреса, развернули бурную торговую деятельность, которая была конечной целью всех их военных походов. Вместе с войсками сюда прибыли более двух тысяч купцов, торговых посредников, просто авантюристов — они были верными спутниками захватчиков.

Англичане сразу же изменили условия жизни в городе, так же как во время первого захвата Буэнос-Айреса. Они объявили полную свободу торговли. Принципы этой экономической политики англичане постоянно пропагандировали в газете «Эстрелья дель Сур» («Южная звезда»), которая выходила на двух языках в течение всей оккупации Монтевидео, продолжавшейся шесть месяцев и шесть дней. Главная задача газеты заключалась в том, чтобы убедить жителей Америки в необходимости сбросить иго Испании.

Артигас, несмотря на выгоды, которые получило большинство населения Монтевидео, предпочел, однако, уйти со своими частями в глубь страны, в Ринкон-де-Серро. Здесь он начал организовывать партизанскую войну, продолжавшуюся весь период оккупации. Он стал осваивать тактику партизанского боя и пришел к выводу о ее важности в условиях оборонительной войны. Эта тактика состояла в том, чтобы неустанно, любым образом беспокоить врага, не давать ему покоя ни днем, ни ночью, захватывать боевых лошадей, сжигать поля, чтобы лишить вражеский скот кормов, обстреливать отдельные отряды, отбивать одну часть от другой, чтобы поодиночке разгромить каждую из них.

Этот новый тип войны крайне беспокоил англичан. Об этом впоследствии свидетельствовали английские офицеры, которых по возвращении в Англию привлекли к суду за потерю захваченных ими колоний. Артигас был душой этого движения сопротивления. Он не возвращался в Монтевидео до тех пор, пока английские войска не эвакуировали город. Англичане оставили Монтевидео после того, как генерал Уайтлок, командующий английской захватнической экспедицией, потерпел поражение в

Буэнос-Айресе. Здесь англичане встретились с отчаянным сопротивлением населения и восьми тысяч городских торговцев и волонтеров, во главе которых стояли Корнелио Сааведра, Хуан Мартин де Пуэррейдон и Мартин Родригес.

Артигас вернулся в Монтевидео и снова занял пост командира ополченцев. Опять началась прежняя жизнь — он продолжал преследовать преступников, воинственных индейцев и португальских авантюристов. В то время он был далек от жгучих политических дебатов, происходивших в Кабильдо Абьерто 1808 года. Кабильдо, возглавляемое ярым защитником испанской власти Элио, высказалось за отделение Восточной провинции. Таким образом Элио хотел отделаться от колеблющегося вице-короля Линье, находившегося в Буэнос-Айресе, и закрепить пошатнувшиеся принципы монополизма в торговле. В этих дебатах принимал участие начальник Артигаса Рами-рес, сам же он продолжал вести трудную жизнь командира ополченцев.

Материальное его положение было очень тяжелым — денег ополченцам почти не платили. Артигас стоически переносил нужду. Часто у него не хватало средств, чтобы обеспечить свою семью. А здесь одно несчастье следовало за другим. После рождения сына Хосе Мариа жена Артигаса заболела и осталась душевнобольной. Ее состояние резко ухудшилось, когда вскоре погиб ее второй ребенок. Только в редкие минуты к ней возвращалась ясность мыслей. Для Артигаса это было предметом бесконечных тревог. В письме к теще из Пасо-де- Поланкос, Датированном 1809 годом, сообщив о своих текущих делах, он пишет о том, как беспокоит его болезнь Рафаэлы, и просит тещу продать все, что есть в доме, чтобы лечить ее, ибо «это и есть самое главное», а также позаботиться о сыне Хосе Мариа, «для которого он не покладая рук работает».

На обоих берегах Ла-Платы после изгнания английских захватчиков жизнь, казалось бы, восстановила свой прежний ритм. Но все пережитое, а также события в Европе должны были рано или поздно отозваться в этих местах. Быть может, важнейшим последствием вторжения англичан было пробуждение у креолов самосознания, чувства собственной ответственности.

Многие из них даже вступали в контакт с англичанами, ища у них поддержки своим антииспанским настроениям. Англичане, в свою очередь, были заинтересованы поближе узнать о их умонастроении и их позиции в отношении существующего режима. Но союз с англичанами не мог решить проблемы, мучившей креолов. Мануэль Бельграно, один из будущих вождей освободительной войны, в разговоре с англичанином сказал: «Мы хотим либо иметь пока старого хозяина, либо не иметь

никакого… Хотя независимость и сможет быть достигнута под покровительством Англии, она нас покинет при первом же выгодном для нее случае, а нам придется тогда вновь попасть под власть испанской шпаги».

Однако было очевидно, что креолы положительно оценили опыт экономической политики англичан. Они оценили выгоду свободной торговли, идея которой станет одним из главных лозунгов будущей освободительной борьбы.

Участие Артигаса в Майской революции

Как уже было сказано, одной из непосредственных причин, ускоривших начало борьбы за независимость, были последствия английской интервенции. Казалось, Испания должна бы учесть опыт недавнего прошлого и принять соответствующие меры. Однако этого не произошло. Все события здесь были лишь отражением серьезнейшего кризиса, наступившего в Испании после вторжения в нее наполеоновских войск. Король Фердинанд VII был взят в плен. В Испании началась общенародная освободительная война. Фактически и законодательно рушилась навсегда политическая система, установленная метрополией в Испанской Америке.

В Ла-Плате сразу же определились две политические партии, отражавшие борьбу интересов различных слоев общества.

Эти партии наметились еще в конце 1808 года, когда встал вопрос о замене колеблющегося вице-короля Линье. (На этот пост он был поставлен креольской верхушкой после смещения Собремонте.)

«Испанцы» были партией монополистов, ростовщиков, откупщиков, которые ссужали государство и частных лиц деньгами. Они фактически владели богатствами вице-королевства, от них зависели производители товаров. Пользуясь огромным влиянием в области политики, они добивались важнейшей для них цели — не допускать в страну английских купцов. Представители этой партии занимали в колониальном управлении самые высокие посты — алькальдов, судей, членов консульства (торгового управления). Благодаря своим позициям в консульстве они сумели сорвать свободный вывоз и продажу кож. «Испанцев» поддерживало высшее офицерство. Они мечтали о создании собственной Хунты наподобие Центральной хунты в Испании, возникшей после падения монархии, и находились в прямом контакте с правительственной Хунтой, образованной в Монтевидео на заседании Кабильдо Абьерто 21 сентября 1808 года. Эта Хунта, которую возглавлял Элио, была откровенно происпанская.

Другую партию Ла-Платы — партию патриотов — составляли креолы. Это были уроженцы Америки, мечтавшие о самостоятельности. Идеологически они были близки энциклопедистам, передовым французским философам, и открыто выступали против монополизма. Однако они боялись

начать борьбу за образование собственной Хунты, чтобы не дать возможности испанской партии встать у ее руководства, как это произошло в Монтевидео.

Что касается позиции вице-короля Линье, то она была колеблющейся: он барахтался между двумя берегами.

Был, наконец, еще третий фактор, игравший определенную роль в этих исторических событиях, — английская дипломатия. Своим трамплином она избрала португальский двор, переехавший в Рио-де-Жанейро после занятия Португалии французскими войсками. Англия посылала в Буэнос-Айрес своих агентов и посланцев, а также свои эскадры, которые в данном случае играли роль «первостепенного дипломатического орудия».

В феврале 1809 года Центральная хунта в Севилье сместила Линье с поста вице-короля Ла-Платы и направила в Рио-Де-Жанейро ловкого дипломата маркиза де Каса Ирухо. Ему было поручено следить за принцессой Карлотой, сестрой свергнутого короля Испании, которую англичане хотели выдвинуть как претендентку на престол в Ла-Плате. А на место Линье Центральная хунта направила генерал-полковника Валтасара Идальго де Сиснероса, потерпевшего поражение от англичан в знаменитом Трафальгарском сражении. Сиснерос прибыл сначала в Монтевидео, где он провел около месяца, а затем, несмотря на маневры различных группировок, стремившихся сохранить Линье на его посту, переехал в Буэнос-Айрес и взял власть в свои руки. Он стал правителем Ла-Платы в тот момент, когда, как говорили, «лучше было быть последним солдатом самого ничтожного полка, чем вице-королем». Заняв свой пост, Сиснерос начал открыто поддерживать испанскую партию и душить все проявления недовольства.

Чтобы иметь возможность готовить войска для подавления развивавшегося движения за независимость, он обратился за займом к коммерсантам. Не получив от них ничего, кроме обещаний, Сиснерос был вынужден прибегнуть к внутренним налогам, а также удовлетворить просьбу англичан о свободной торговле. Она была крайне выгодна помещикам-креолам и привела к оживлению колониальной экономики.

Несмотря на то, что и Кабильдо и Консульство Буэнос-Айреса положительно отнеслись к этому, представитель консульства города Кадиса — центрального управления всей торговлей испанской империи — резко высказался против предоставленной англичанам свободы торговли. Один из представителей монополистических кругов, Фернандес де Агуэро, сделал попытку с помощью искусной софистики доказать, что английская торговля принесет колонии тяжелые бедствия. В ответ на это

помещики поручили блестящему молодому адвокату Мариано Морено выступить с защитой экономических интересов колонии и предложить наиболее срочные и решительные меры для улучшения положения.

Мариано Морено был креолом, выходцем из простой семьи. Он изучал каноническое и юридическое право в городе Чуки-саке и тогда же познакомился с наиболее значительными произведениями французской литературы, из которой возникли лозунги Великой Французской революции. В провинции Верхнее Перу (она в то время входила в состав вице-королевства Ла-Платы) он близко узнал жизнь перуанских индейцев, увидел, как жестоко их эксплуатировали. Постепенно у него сформировалось мировоззрение, истоками которого были самые передовые идеи века.

Морено составил так называемый «Меморандум скотоводов», в котором был сделан глубокий экономический, юридический и политический анализ положения дел; он сформулировал необходимые, с точки зрения интересов американцев, изменения в торговых отношениях с Испанией и высказался за свободные и открытые связи с английским рынком. В этом меморандуме Морено не только разбил в пух и прах изощренные софизмы и — аргументы Агуэро; доказав несправедливость и эгоистическую сущность режима колониальной торговой монополии, он обосновал необходимость немедленно ее ликвидировать.

Хотя меморандум был написан всего за несколько дней, он представлял собой плод долгих и глубоких раздумий Морено. В нем нетрудно заметить следы изучения философии физиократов и английской школы политической экономии, а также ссылки на Руссо и Адама Смита. Глубокое знание европейской и американской политики, ясное представление об исторических и социальных процессах в испанских колониях характеризовали этот документ.

6 ноября 1809 года Сиснерос утвердил декрет о непосредственной торговле Ла-Платы с союзниками и нейтральными странами. Результаты этого не замедлили сказаться: экспорт кож поднялся с 780 тысяч штук в предшествующем году до полутора миллионов только за шесть последующих месяцев; таможенный сбор поднялся с 4 миллионов до 6 миллионов песо.

В авторе «Меморандума скотоводов» партия патриотов нашла своего настоящего вождя, и с этого момента он стал руководителем всех политических акций. У Сиснероса же началась пора сплошных неудач. Вице-короля его же соотечественники-монополисты обвиняли в измене интересам

родины и требовали, чтобы он любой ценой отделался от Морено. Но Морено отвергал все предложения, которые делал ему Сиснерос. Морено имел уже свою партию, свое знамя борьбы и свою программу. В скором будущем должна была, наконец, появиться Хунта, за которую он боролся. Он мечтал стать ее мозгом и сердцем. Сиснерос поздно взялся за дело — революция теперь была неотделима от своего отважного вождя.

Напряжение, которое в последние годы так ясно ощущалось в экономической, политической, социальной жизни Ла-Платы, Достигло предела в мае 1810 года. Кризис разразился даже Раньше, чем ждали испанцы и сами американцы. Конечно, было очевидно, что это движение развивалось под идеологическим воздействием французской революции, что оно получило толчок от другой революции — борьбы Северной Америки за независимость. Но не менее очевидно было и то, что это движение имело свои собственные глубокие причины, что ему предшествовал процесс созревания сил сопротивления.

В мае 1810 года патриоты Буэнос-Айреса жили в лихорадочном ожидании, объединившись вокруг своих лидеров — Бельграно, Николаса Родригеса Пенья, Хуана Хосе Пасо, Хуана Хосе Кастельи. Многие выдающиеся креолы — интеллигенты, купцы, помещики, промышленники — стремились установить союз с народными массами, у которых были собственные молодые вожди — почтовый чиновник Доминго Френч и конторский служащий Антонио Луис Берути. Они организовали боевые отряды под названием «чисперос» и «манолос», которые действовали в беднейших кварталах.

Это состояние лихорадочного ожидания продолжалось до 13 мая, когда в порт Буэнос-Айреса прибыл английский фрегат, привезший новость — Севилья пала под ударом Наполеона. Это известие было подобно искре, попавшей в солому. Патриоты бросились к военачальнику Сааведре, вождю богатой креольской верхушки. Они считали, что революция созрела и надо торопиться. Сааведра полностью согласился с ними. «Сеньоры, — сказал он, — время настало, нельзя терять ни минуты». Он тотчас же направился в казармы, чтобы отдать приказ о приведении войск в полную готовность.

С этого момента и до 21 мая, когда было принято решение о созыве Кабильдо Абьерто, чего активно добивалась партия патриотов, она не прекращала свою кипучую деятельность. Это были лучшие минуты истории Буэнос-Айреса. Во всех сердцах жила одна мысль: «Сейчас или никогда». 22 мая был созван Кабильдо Абьерто; на это заседание, помимо официальных делегатов, пришли и патриоты, которые не числились в давно

устаревшем списке муниципалитета. Самым же главным было то, что вся площадь была заполнена народом, причем это была не просто толпа — марионетка в руках вождей; это была сознательная масса, стремившаяся добиться независимости.

В десять часов утра в присутствии муниципальных судей, членов Королевской аудиенсии (судебного управления), епископа и военачальников началось историческое заседание. Здесь присутствовали моряки, военные, адвокаты, врачи, священники, торговцы, помещики, служащие, домовладельцы.

Разумеется, вице-король и его приспешники стремились всячески удержать рушащуюся колониальную власть. Однако аргументы, выдвинутые первым оратором — епископом, были не только неубедительными, но прямо жалкими. «Высшая; власть принадлежит испанцам, — говорил он, — сколько бы их ни было, мало или много, а американцы обязаны им подчиняться и уважать их власть».

Патриотическое чувство креолов было глубоко задето этими устаревшими концепциями. Они ответили на них энергично и убедительно. Доктор Кастельи и доктор Пасо бросились в атаку и разбили вздорные тезисы защитников колониализма. Кастельи заявил, что власть Испании в американских странах изжила себя. Его слова вызвали гром оваций.

На заседаниях Кабильдо Абьерто, начавшихся 22 мая, образовались два крайних полюса, две противоположные партии. Лозунг партии испанцев сформулировал епископ Луэ, требовавший «защитить существующую власть и неоспоримое право испанцев управлять Америкой»; партия патриотов выдвинула революционный тезис Кастельи о том, что власть должна принадлежать народу. Между этими двумя лагерями образовалась третья сила — промежуточная примирительная партия, которая получила название партии Кабильдо. Она стремилась к тому, чтобы, передав власть в руки муниципального органа, свести на нет политические перемены и таким образом помешать патриотам немедленно захватить власть и свергнуть вице-короля и его правительство.

Таковы были три главные действующие силы, участвовавшие в драме, которая разыгралась в Буэнос-Айресе 22–25 мая. Народное волнение, охватившее город 22 мая, продолжалось и в последующие дни. Казалось, замыслы тех, кто хотел предать начавшуюся революцию, были близки к осуществлению — была назначена реакционная Хунта, возглавляемая вице- королем. Молодежь из отрядов Френча и Берути, зорко следившая за маневрами роялистов, и самые широкие слои населения были взволнованы этой ситуацией. Народ ворвался в казармы и стал

брататься с солдатами. Обнимаясь, они давали клятву свергнуть власть вице-короля, даже если придется прибегнуть к оружию.

Большинство членов Кабильдо категорически потребовало отставки вице-короля. Был составлен список новой, революционной Хунты во главе с Сааведрой.

Несколько дней народ не покидал Пласа Майор — площадь, где заседал Кабильдо. Рано утром 25 мая с балкона Кабильдо был оглашен список революционной Хунты. Так был похоронен старый режим колониальной монархической власти в Буэнос-Айресе.

Новой Хунтой руководил ее секретарь Мариано Морено, который начал проводить первые революционные мероприятия. Многие из них вызывали яростное сопротивление консервативных членов Хунты, но Морено непреклонно вел свою линию, опираясь на поддержку членов Хунты Пасо и Кастельи (последнего называли Сен-Жюстом Майской революции). Была установлена новая шкала пошлин на вывоз местных товаров; была начата борьба с контрабандой; была разрешена добыча металлов при условии уплаты специального налога — так было покончено с бесконтрольным вывозом металлов. Были отменены исключительные торговые привилегии, принадлежавшие нескольким откупщикам. Военный отряд, который сопровождали представители новой власти, должен был захватить Линье и других монархистов, устроивших заговор в Кордове, и расправиться с ними на месте. Именно так и поступил Кастельи, второй посланец Хунты в Кордову, имевший специальные и ультимативные указания.

Майская революция имела в лице Морено человека с ясной, холодной головой, сильными руками и неустрашимым сердцем: он весь отдался борьбе за то, чтобы едва родившаяся революция не была задушена. Первые шаги революционной Хунты должны были быть решительными и строго обдуманными. Необходимо было поэтому создать четкий план и разработать четкую стратегию, чтобы вести борьбу с врагами, которые образовали единый фронт от границ Перу до Монтевидео, а также предотвратить изоляцию Хунты и найти пути для установления справедливых отношений с другими странами. Было очевидно, что реакционные силы, поддерживавшие колониальную власть, готовы действовать безжалостно. Поэтому Морено и его друзья из Хунты решили составить «План действий», которому новое правительство будет следовать до тех пор, пока не будет создана целая система мероприятий, обеспечивающих свободу и независимость. «План действий» был подписан 30 августа. Морено поклялся держать его в строгой тайне.

«План действий» родился в результате глубокого осмысления действительности. В нем было учтено множество факторе имевших огромное значение для будущего страны. Приведем важнейшие из этих факторов: революция произошла в стране с огромной пустынной территорией, населенной индейцами и гаучо, с ничтожным числом городов; экономическая система страны зиждилась лишь на деятельности испанских торговцев-монополистов и тех креолов и англичан, которые были связаны с контрабандой, а также на скотоводстве. В стране не было ни промышленной буржуазии, ни капиталов, ни специалистов, с помощью которых можно было бы создать действительно сильное национальное производство.

Что же предлагал Морено в своем «Плане действий»?

«План» предусматривал следующее: экспроприировать имущество пяти или шести тысяч богачей — скотоводов, торговцев, ростовщиков, и получить таким образом капитал в 200–300 миллионов песо, которые «можно будет пустить в оборот, в частности, с его помощью создать фабрики, сахарные заводы, увеличить сельскохозяйственное производство и так далее. В результате в течение нескольких лет возникнет контингент образованного, создающего ценности трудового населения и не будет необходимости закупать вне страны необходимые для населения продукты; конечно, речь идет не о предметах роскоши, которые, будучи бессмысленными и возбуждающими порок, вообще не должны импортироваться, тем более что их ввоз требует много золота».

С этими пунктами была связана и политика укрепления отношений с Англией. В «Плане» говорилось: «Хотя мы и терпим вред от Англии, она все же нам необходима как оплот от возможных попыток восстановления испанского абсолютизма».

И в экономической и в социальной области «План действий» намечал революционную политику, которая «не руководствовалась бы интересами только Буэнос-Айреса, а была бы общенациональной, американской в широком смысле слова».

Между тем в Монтевидео испанцы в предвидении возможных осложнений еще двумя годами раньше начали объединять различные социальные группировки, и прежде всего богачей, для открытой войны против правительства Линье в Буэнос-Айресе. Главным действующим лицом был Элио, упрямый и твердолобый. И Элио, и вице-король Перу Абаскаль, и председатель аудиенсии в Чаркасе Писарро, и архиепископ Чукисаки Моксо, и временный губернатор Потоси де Паула Сане — все они пытались огнем и мечом защитить испанский абсолютизм. К тому же Элио был лично заинтересован в сохранении испанской монополии в

торговле. Его действия в Монтевидео были направлены прежде всего против Национальной партии, которая как бы представляла здесь дух Майской революции. В Монтевидео тщательно скрывали все, что происходило в Буэнос-Айресе. Поэтому приехавший в Монтевидео секретарь Хунты доктор Пасо был вынужден бежать отсюда из-за реальной угрозы его жизни.

Элио уехал в Испанию, чтобы доложить там о происходящих событиях. Временным губернатором был назначен Сория. Когда в Монтевидео стали известны революционные действия Хунты Буэнос-Айреса, Сория ответил на них угрозами: по всему городу были развешаны эдикты, в которых он объявлял изменниками всех тех, кто осмелится, даже в частных беседах, предложить какие-либо изменения в правительстве или назовет имена каких-либо руководителей помимо тех, которые назначены испанским королем Фердинандом VII или Центральной хунтой Испании, являющимися единственной законной властью. Таким образом, в то время как в Буэнос- Айресе бурно развивалась деятельность революционной Хунты, в Монтевидео усиливалась борьба реакции против патриотов.

* * *

В это бурное время Артигас продолжал жить в провинции, «всегда на коне», по-прежнему занятый защитой населения от бандитов. Получив чин капитана улан в сентябре 1810 года, он был направлен в Колонию-дель- Сакраменто по указанию губернатора. В конце того же года он выехал из Колонии в Паисанду. Вскоре он выезжает в провинцию Энтре-Риос, где ему приходится защищать жизнь и собственность испанских семейств, находившихся под угрозой. В местечке Капилья Нуэва он получает письмо и указание от Элио. В это время Элио стал вице-королем Ла-Платы, и теперь резиденцией вице-короля стал не Буэнос-Айрес, а Монтевидео. По распоряжению Элио Артигас со своими ополченцами присоединился к военным частям под командованием бригадира Муэсаса, коменданта Колонии.

Бригадир Муэсас был человеком жестоким, требовавшим суровой дисциплины, особенно от креолов. Артигасу нелегко было служить под его началом, тем более что Муэсас всегда был недоволен его свободолюбием и индивидуализмом, а также некоторыми чертами его войска, свойственными гаучо. Артигас же, сорокашестилетний человек с огромным жизненным опытом и великолепным знанием людей и страны, мало подходил к роли младшего офицера, подчиненного Муэсасу.

В Артигасе происходили глубокие внутренние изменения. Вот уже двадцать лет, как он почти непрерывно ездил по Восточной провинции. Никто не знал так досконально условия жизни в стране, как он. Об этом писал и Морено в своем докладе, рекомендуя привлечь Артигаса к революционной работе. Артигас прекрасно знал те конкретные условия, в которых жили различные слои населения, прежде всего помещики, к которым принадлежала его собственная семья и семьи его родственников. Он понимал, что означала для них экономическая изоляция, не дававшая им возможности продавать и экспортировать продукты своего хозяйства, гнившие на складах из-за отсутствия рынка. Знал Артигас и жизнь крестьян, которые находились в еще худших условиях и были больше всех заинтересованы в свободной торговле. Знал он и жизнь креолов — торговцев и предпринимателей, всегда ограниченных в своей деятельности. Но больше всего сочувствовал он угнетенным массам — чангадорам, неграм-рабам и неграм-вольноотпущенникам, мелким контрабандистам. Весь этот мир, все эти люди, не имеющие никакого будущего, находились в постоянных скитаниях по бескрайним просторам родины в поисках пропитания и справедливости.

Для Артигаса наступает пора, когда надо принять важное решение. Как дальновиден был Морено, когда в «Плане действий» он указывал на необходимость привлечь к революции людей такого типа, как Артигас, которые могут стать лучшей опорой революции. Именно поэтому члены Хунты и направили к Артигасу одного из его старых товарищей по школе и по оружию, Николаса де Ведиа, чтобы тот сообщил ему о революционных событиях.

В 1810 году, после того как в Ла-Плате вспыхнула революция, группа патриотов Восточной провинции образовала Национальную партию. В нее входили многие известные лица: священник Дамасо Антонио Ларраньяга, крупный помещик Томас Гарсия де Суньига, торговец Франсиско Агиляр, отставной офицер улан Хорхе Пачеко и другие. Партия эта быстро росла, и вскоре к ней присоединились многие видные помещики — семейства Пересов, Васкесов, Суфриатеги, Ривера, Габриэль Перейра, адвокат Лукас Хосе Обес и многие другие.

Когда Элио вернулся из Испании и увидел создавшуюся обстановку, он немедленно начал принимать контрмеры. Испанские монополисты щедро субсидировали этого нового вице-короля, рьяно взявшегося за защиту монархии, и тех, кто в ней был заинтересован. Тотчас же после возвращения Элио закрыл все порты Восточной провинции, установил строгий контроль за

реками, укрепил гарнизон в Колонии. Эти события были использованы патриотами для того, чтобы убедить Артигаса присоединиться к революции. Его брат Николас, его Кузен Мануэль и зять Вильягран отправились вместе с Бельграно в Парагвай, где некоторые из них проявили большое мужество в боях. Другой кузен Артигаса, Мигель Баррейро, человек очень одаренный, а также еще некоторые из родственников были тогда видными фигурами Национальной партии.

Все это повлияло на Артигаса, и, отбросив последние сомнения, он переходит в лагерь революции.

Об этом он сообщил только некоторым из близких ему офицеров, в частности Ортигера, с которым он сблизился еще во время совместной экспедиции во главе с Асарой. К тому же и Артигаса и другого известного военачальника Восточной провинции, Хосе Рондо, власти взяли под подозрение; их называли «тупамарос», по имени вождя индейцев Тупак Амару, который в XVIII веке поднял восстание против испанцев. Таким именем окрещивали тогда всех недовольных.

Когда произошел открытый разрыв Артигаса с его командиром Муэсасом, это было объяснено сначала как результат недисциплинированности отрядов Артигаса. В военном донесении за следующий месяц имелось лишь краткое упоминание: «капитан Хосе Артигас бежал 15 февраля текущего года». Другой офицер, майор Саласар, более подробно описал своим начальникам в Испании то, что произошло между Артигасом и Муэсасом.

«Однажды, — писал Саласар, — вызвал Муэсас капитана улан Хосе Артигаса и наговорил ему столько слов по поводу того, что кто-то из его солдат вошел в сад и съел какие-то фрукты, что сам вошел в раж и пригрозил, что арестует Артигаса. Конечно, Артигас пришел в ярость и вышел от Муэсеса, изрыгая проклятия. Артигас был душой всех военных кампаний, любимцем всех начальников; как только возникали какие-либо осложнения, его сразу же призывали в уверенности, что он успешно справится с любым заданием. Артигас обладал исключительным знанием местности, которую он изъездил во время постоянных походов против преступных элементов и португальцев. Все они дрожали, когда узнавали, что на них идет Артигас. И вот такого человека обругали и оскорбили. Он выбежал от Муэсаса, изрыгая проклятия, и тотчас же исчез. А затем случилось то, что по какой бы местности он ни прошел, везде он оставлял дух восстания».

Итак, Артигас бежал, и вместе с ним Ортигера, решивший покинуть королевскую службу, а также священник из Капилья Нуэва (Мерседес) Хосе Энрике де ля Пенья и негр, его раб. Они

скрылись среди холмов, окружающих речушку Сан-Хуан, и начали готовиться к путешествию в Буэнос-Айрес. Местное население снабдило их превосходными конями. Через Мерседес, Пайсанду, провинцию Энтре-Риос они прибыли в город Санта-Фе, откуда, получив необходимые средства для дальнейшего путешествия, снова пустились в путь и в первые дни марта 1811 года прибыли в Буэнос-Айрес.

Отъезд Артигаса стал немедленно известен всей Восточной провинции; он был воспринят как сигнал для подготовки всеобщего восстания. С этого момента на местах стали появляться революционные очаги. К этому и стремились Национальная партия Монтевидео и Хунта Буэнос-Айреса.

Испанцы прекрасно понимали, кого они потеряли в лице Артигаса. Об этом писал майор Саласар в своих донесениях начальнику; об этом говорил в испанских Кортесах и депутат Суфриатеги в августе. Высказав свое удивление бегством Артигаса и его друзей, он сказал, что и Артигас и Рондо «достойны большего доверия и уважения за ту службу, которую они несли».

Прибыв в Буэнос-Айрес, Артигас предложил Хунте свое сотрудничество. Но к этому времени многое успело перемениться. Хунта переживала критический момент. За два с лишним месяца своего существования она утратила ту революционность, которая была ей присуща в дни, когда ею руководил Мариано Морено. Он провел гигантскую работу по осуществлению революционных мероприятий, которая не могла не вызвать сопротивления.

Морено разослал по всей территории военачальников и неустанно напоминал о необходимости срочной мобилизации народа, чтобы пробудить революционное движение в провинциях и разрушить опору феодальной реакции. Посланные им отряды одержали большую победу при Суипаче и расправились с абсолютистами.

В это время в Буэнос-Айрес прибыли депутаты провинциальных кабильдо, которые были избраны в соответствии с резолюцией, принятой на майской ассамблее. Военные победы и прибытие депутатов вернули силы растерявшемуся было Сааведре, и он решил, что именно сейчас следует освободиться от опеки секретаря Хунты Морено: кто знает, как пойдут дела, если он останется у власти. Сааведра заявил, что существование Хунты, избранной временно и в чрезвычайных обстоятельствах, излишне, и приготовился дать решающий бой группе патриотов во главе с Морено. Последний провокационный акт произошел вечером 5 декабря 1810 года на банкете, который военачальники

устроили в связи с победой при Суипаче в честь Сааведры. Морено на банкет не был допущен. Пьяные офицеры предлагали Сааведре корону и провозглашали тосты за него как за «императора Америки». Все свидетельствовало о готовящемся заговоре. Морено в ту же ночь попытался арестовать Сааведру, но это ему не удалось.

Итак, наступление милитаризма против политики Морено и его самого — неподкупного «Секретаря правительства и войны» — было в разгаре. Реакция собрала против него все силы, и Морено был вынужден уйти со своего поста. Через несколько дней он отплыл в Европу и умер во время плавания. Его тело было опущено в море 4 марта 1811 года.

В эти-то дни в Буэнос-Айрес и прибыл Артигас, представ перед Хунтой с предложением служить делу революции.

Горячее стремление Артигаса пронести знамя свободы вплоть до Монтевидео, твердость и решительность его слов, видимо, обеспокоили консервативных членов Хунты, внушив им подозрение — не был ли он одним из последователей Морено?

Артигасу дали чин подполковника, и Хунта предоставила ему двести песо и полторы сотни солдат, «чтобы он испытал счастье». Для человека с такими данными и заслугами, как Артигас, это было мизерным; ему же это показалось «гигантским».

И вновь Артигас едет из Буэнос-Айреса в Энтре-Риос, чтобы сколотить войско из числа своих сторонников по обоим берегам реки Уругвай. В Ногойа, куда он приехал во второй половине марта, он решил задержаться, чтобы наладить связь с единомышленниками. К нему начали стекаться его солдаты-ополченцы, дезертировавшие из лагеря испанцев, и отсюда начал Артигас вести пропаганду среди своих соотечественников, призывая их к борьбе.

Первое восстание патриотов Восточной провинции произошло незадолго до того, как Артигас встал на путь революции, в маленьком местечке Белен, на реке Уругвай; им руководил командир военной части этой местности Франсиско Редруэльо. Патриоты Буэнос-Айреса под руководством Бельграно, которые проходили здесь по пути в Парагвай, заразили революционным духом население Белена. Редруэльо стал душой этого движения.

В начале февраля 1811 года в Касабланке (Пайсанду), расположенной на юге от Белена, восстала другая группа патриотов, которую вдохновил Рондо. Патриоты были арестованы и отвезены в Монтевидео. Эти восстания послужили для Элио поводом объявить войну Хунте Буэнос-Айреса, что он и сделал 13 февраля. Одновременно он объявил войну и всем патриотам,

которых называл «предателями и мятежниками, поднявшимися против короля и родины». Но ни раскрытие заговоров, ни усиленная бдительность испанцев, ни расправа с патриотами, с которыми войска вице-короля обращались как с «шайками преступников», — ничто не могло погасить порыв к свободе и независимости, который овладел людьми.

Вскоре возникло движение в Сориано: здесь помещики и военные, члены кабильдо и священники объединились с народом. Они поставили своей целью овладеть городом. Главную роль в этом сыграл португалец Педро Хосе Виейра, по прозвищу Перико-плясун, так как он был великий любитель ходить на ходулях. Он был управляющим соседней эстансией и сумел привлечь к движению своего хозяина, помещика Альмагро, а также сержанта милиции Венансио Бенавидеса.

26 февраля 1811 года более трехсот жителей Сориано спрятались ночью в лесу Асенсио, на берегу реки Рио-Негро.

На следующий день патриоты добыли оружие. На рассвете 28 февраля Виейра и Бенавидес обратились к восставшим с речами (этот факт вошел в историю под названием «Клич Асенсио»), и колонна двинулась и вскоре подошла к Капилья Нуэва (Мерседес).

Войско патриотов состояло из самых различных людей, «сброда», как их называл Элио. Здесь были негры, бежавшие от жестоких хозяев, индейцы, приобщившиеся к цивилизации и пожелавшие вести оседлую жизнь, гаучо- кочевники. Если не считать отряда регулярных войск, вся эта масса людей представляла собой живописное и вместе с тем странное зрелище. Пришедшие из разных мест солдаты этого стихийно возникшего воинства были вооружены предметами, иногда совершенно не соответствовавшими военным целям: здесь можно было увидеть старые заржавленные карабины, тупые сабли без ножен и рукояток, ножницы для стрижки овец, тесаки для срезания тростника и просто длинные гибкие палки, украшенные разноцветными тряпками.

Город Мерседес был взят без всякого сопротивления; испанцев удалось сразу же окружить и запереть. Пока составлялось донесение Артигасу с просьбой помочь людьми и оружием, пока формировался сильный гарнизон для защиты Мерседеса, основная часть войска под командованием Виейры и Бенавидеса направилась к Санто-Доминго-де-Сориано городские власти которого были ошеломлены взятием Мерседеса. В ответ на грозный приказ Виейры «взять город, опустошить его и не давать никому пощады» они сдались.

Артигас послал из Ногойа в помощь революционерам

восемьдесят солдат. Виейра продолжал свой путь на север. Энтузиазм, вызванный восстанием в Восточной провинции, был так велик, что сам Бельграно стал советовать патриотам подтянуть свои силы к стенам Монтевидео, как это было предусмотрено в «Плане действий» Морено.

Известие о том, что Артигас вошел в союз с Хунтой Буэнос-Айреса, вызвало прилив сил у восставших; оно было подобно толчку, который привел их в движение. По всей территории Восточной провинции как из-под земли начали вырастать местные группы, предводители которых позднее стали знаменитыми офицерами Артигаса. Происходили они из самых разных слоев общества; главным образом это были помещики, которые пришли к Артигасу во главе собственного войска, составленного из пеонов. С севера, из Лунарехо, прибыл Блас Басуальдо, мулат, известный под именем Бласито. Из поселков Такуарембо прискакали всадники на собственных лошадях; среди них были два брата-парагвайца — Валтасар и Панчо Охеда, прекрасно знавшие местность. Из Аройо-Гранде прибыли еще два парагвайца — братья Маркое и Валтасар Варгасы; последнего стали звать Балтаваргас. Появились также помещики бразильского происхождения и священники, с амвона призывавшие свою паству защищать родину.

В эстансию Артигасов постепенно собрались таким образом лучшие молодые силы страны, решившие примкнуть к его делу. Военные, священники, гаучо, горожане — из всех слоев общества формировалась освободительная армия.

Еще находясь в Ногойа, Артигас поддерживал постоянную связь с первыми патриотами, которые начали восстание. По его приказу восставшие начали направляться с запада и севера на юг, захватывая города, находившиеся во власти испанцев. На побережье они взяли Гуалегуай, Гуалегуайчу, Аройо- де-ла-Чина (ныне Консепсион-де-Уругвай) и населенные пункты провинции Энтре-Риос. Бенавидес же двигался к Колонии-дель-Сакраменто.

Артигас, который в каждом ранчо имел своих единомышленников- патриотов и поэтому был осведомлен обо всем, получил известие, что Элио послал подкрепление в Сан-Хосе. Он поручил своему кузену Мануэлю Антонио Артигасу занять этот город. Мануэль, уже успевший отличиться в войсках Бель-грано, вместе с Балтаваргасом взяли Сан-Хосе еще до прихода подкрепления, которое послал Элио. Но когда испанские войска приблизились к городу, патриоты, боясь оказаться между двух огней, решили выйти навстречу врагу и задержать его на реке Сан-Хосе у Пасо-дель-Рей. Бой в открытом поле закончился не в пользу патриотов; испанцы заняли город и укрепились в нем.

Однако патриоты окружили Сан-Хосе и четыре дня держали испанцев в осаде, пока к ним не подошла помощь.

25 апреля прибыли части Бенавидеса, и он предложил испанцам сдать город, чтобы избежать гибели людей. Но испанцы отказались сдаться, и битва началась. Испанцы, прикрываясь огнем, яростно атаковали патриотов, но сдержать их напор не сумели. Мануэль Артигас, который находился во главе одной из колонн, был тяжело ранен, а лошадь под ним убита. Его заменил Кинтерос. Вскоре Сан-Хосе был занят патриотами. Город сдался в полночь, о чем известили победные звуки горна. Патриоты захватили много оружия, снаряжения, продуктов, а также пленных. Эта победа стоила жизни Мануэлю Артигасу, который умер через месяц после ранения.

Другой Артигас, Мануэль Франсиско, младший брат вождя, сумел без кровопролития захватить несколько городов на востоке.

Пока развивались эти бурные события, Артигас в начале апреля выехал из Ногойи в Пайсанду. Успехи Артигаса и его друзей и подчиненных показали Хунте Буэнос-Айреса, сколь велико было его значение как вождя Восточной провинции. Поэтому Хунта 8 марта 1811 года присвоила ему звание полковника. Однако главнокомандующим Восточной провинции был назначен не он, а Рондо. Это свидетельствовало о том, что в Буэнос-Айресе опасались его возраставшего влияния. Это было первым грубым оскорблением, нанесенным Артигасу. Пожалуй, с чисто военной точки зрения Рондо и превосходил Артигаса, но во всех остальных отношениях ему было далеко до него. Не потому ли Хунта и остановила свой выбор на нем?

Из Пайсанду Артигас направился в Мерседес, где и разместил свой штаб. Известие о его походе тотчас же облетело всю округу.

Отныне Артигас начинает свой путь не только как военачальник, но и как основатель будущего государства. Назначенный Хунтой Буэнос-Айреса на пост второго руководителя «Вспомогательной армии Севера», он уведомляет Хунту, что намерен ввести в войсках строгую дисциплину. Он начинает решительно бороться против всех, кто лишь на словах называет себя революционерами. Артигас не желал терпеть бесчинств неповиновения, ибо самым важным для него было полное освобождение родины от власти тиранов.

В Мерседесе Артигас составил 11 апреля 1811 года свою первую прокламацию, обращенную к народу; в ней он призывал соотечественников к единению и победе. Прокламация кончалась словами, которые станут девизом всей его освободительной деятельности: «Победить или умереть — такова наша конечная цель… Лучше умереть с честью, чем жить в позоре, в бесчестье

зависимости». В ответ на это обращение Элио опубликовал заявление, в котором каждому жителю Восточной провинции давалось восемь дней на решение вопроса о том, к какой партии он примкнет; тем, кто перейдет на сторону патриотов, Элио угрожал виселицей. Но это уже никого не могло запугать: энтузиазм народа был слишком велик.

Собрав войско из тысячи человек, Артигас направился выполнять задание Хунты — водрузить знамя свободы в Монтевидео.

Медленно двигаясь к Монтевидео, Артигас подошел к берегу реки Санта-Лусия; здесь он остановился, чтобы подготовиться к переправе. В его распоряжении имелись паромы, которые тянули на канатах, и лодки. Всадники переправлялись вплавь, прикрепив к седлу узлы с одеждой и оружие. Использовались также надутые воздухом кожи и пустые бочки. Переправа была нелегкой: ведь в ней участвовали не только войска, но и масса жителей, которые тащили с собой домашнюю утварь и животных.

Во время переправы в лагерь прибыл посланец из Монтевидео. Это был кузен Артигаса Мануэль Вильягран, который взял на себя переговоры с ним.

Артигас предстал перед ним одетый в скромную синюю куртку без всяких украшений, какую носили ополченцы, и синие панталоны; сапоги — черные, шляпа — тоже синяя. Вся его могучая, суровая фигура картинно вписывалась в пейзаж — песчаный берег широкой и бурной реки. Он был довольно высок, хотя и несколько сутул, держался уверенно и крепко. Широкая грудь, пропорциональное сложение придавали ему крепость и силу, он казался как бы частью самой земли. У, него был высокий лоб и орлиный нос. Цвет кожи был довольно бледный, губы тонкие, глаза светлые, ясные и внимательные. Лицо его было красивым и гордым.

Я приехал по поручению моего друга и родственника, которому вице- король сообщил то, что он хочет передать вам, — пробормотал Вильягран. — Вице-король предлагает вам чин генерала, большие деньги и назначение начальником одной из провинций.

Артигас вскипел:

— Что? Чин генерала, деньги, назначение… И вы приходите предлагать это мне?

Вильягран кивнул головой. Артигас велел позвать секретаря и продиктовал ему ответ вице-королю:

«Оскорбление, которое ваше высочество нанесли мне и тем чувствам, которые мной владеют, направив мне предложения с вашим посланцем Мануэлем Вильяграном, столь же недостойно

вашего авторства, как и моего ответа. Я ни о чем другом не помышляю, как о благе родины и о справедливой цели, к которой я иду».

В конце письма говорилось: «Для этого именно я и возглавил три тысячи вооруженных патриотов, а также большое количество невоенного населения, чтобы повести их на защиту наших прав. Этого требуют честь и достоинство родины».

Отправив Вильяграна в Буэнос-Айрес на суд Хунты, Артигас отдал приказ выступать. Он прибыл в Канелонес 12 мая и расположился здесь лагерем.

Битва при Лас-Пьедрас и первая осада Монтевидео

Находясь в Канелонесе, Артигас узнал, что испанцы заняли местечко Лас-Пьедрас и укрепились там. Тогда он известил своего брата Мануэля Франсиско Артигаса, что тот со своим войском должен присоединиться к нему. Однако это было трудно сделать из-за сильных дождей, ливших с 12 по 16 мая. Мануэль принужден был остановиться невдалеке от Пандо. Он узнал, что испанцы намерены разбить его отряд в одиночку, и попросил Артигаса помочь ему. Несмотря на размытые ливнем дороги, Артигас совершил быстрый марш, и замысел испанцев был сорван; вечером 17 мая его войска соединились с отрядом брата. Испанцы в отместку разгромили поместье отца Артигаса и угнали более тысячи голов скота в Монтевидео.

Ранним утром 18 мая Артигас отправил группу партизан на разведку в лагерь врага. Эта группа встретилась с отрядом противника, который был послан капитаном фрегата Хосе де Посадас по указанию Элио. В результате этой встречи весь отряд во главе с офицером Росалесом перешел на сторону патриотов. К девяти часам утра Артигас уже знал о плане Посадаса, направившегося на его поиски. Тогда Артигас разбил свою кавалерию на несколько колонн, одной из которых было поручено обойти врага с тыла и не дать ему уйти от преследования. На бой против регулярного войска противника численностью около тысячи пехотинцев и кавалеристов, поддержанных артиллерией, под командой опытных офицеров, вышло воинство гаучо и народной милиции, вооруженное самым элементарным оружием. У них было только одно преимущество: они были полны решимости победить или умереть.

Незадолго до начала битвы Артигас послал отряд Антонио Переса, чтобы он отвлек внимание испанцев и заставил их уйти с небольшого холма в пяти километрах от лагеря патриотов. Посадас попался на эту удочку и бросил все свои силы на преследование Переса. Тогда Артигас повел своих солдат в атаку. Битва продолжалась около шести часов. Уже наступали сумерки, когда командующий испанскими войсками признал себя побежденным.

Наступившая ночь покрыла тьмой поле сражения, на котором лежали убитые и раненые. Патриоты потеряли более ста пятидесяти человек. Было захвачено почти пятьсот пленных, пять пушек и много оружия. Но важнее всего был моральный итог:

битва при Лас-Пьедрас укрепила политическое и военное положение Хунты Буэнос-Айреса и патриотов Восточной провинции.

Всю ночь в Лас-Пьедрас горели огни биваков. На следующий день Артигас со своим войском двинулся к Монтевидео, задержавшись на отдых лишь в Арройо-Секо и Трес-Крусес, расположенных недалеко от города. Через несколько часов войска окружили стены города Монтевидео. Энтузиазм народа и войск был так велик, что наполнил тревогой и смятением сердца тех, кто напрасно пытался сохранить рушившуюся монархию.

Представим себе Монтевидео, каким он был в начале XIX века. Окруженный со всех сторон сплошной стеной, он имел вид суровый и мрачный. Дома, в большинстве типичной испанской архитектуры, были построены из камня, извести и глины, с тесовыми крышами. Двери делались прочными, с крепкими запорами; маленькие оконца были защищены железными решетками и навесами. В городе было более девятисот домов и примерно десять тысяч жителей.

Улицы мало изменились за время существования города: в зависимости от времени года они были либо пыльными, либо грязными. Называли их чаще всего в соответствии с ремеслом, которым занимались их жители, например «Рыбачья».

Каждое утро, еще до восхода солнца, со сторожевого корабля раздавался пушечный выстрел. Комендант города выходил из форта с ключом в руках и открывал ворота для горожан, слишком поздно возвращающихся или слишком рано покидающих город. Позднее, когда уже всходило солнце, главные ворота открывались настежь, и начиналось обычное движение трудолюбивого человеческого муравейника. Проходят болтливые торговки, неся лотки с горячими пирожками; они располагаются на большой дороге у входа в город; проходят прачки, неся на голове тюки с бельем; а вот молочники на лошадях, везущие бидоны с молоком, булочники и зеленщики, возы с дровами и углем… И так продолжается весь день, до захода солнца. В восемь часов проезд закрывается.

Так спокойно жил город до битвы в. Лас-Пьедрасе, когда эта патриархальная безмятежность была внезапно нарушена. Повеяло воздухом свободы. Днем шли нескончаемые споры, главным образом среди испанцев, до которых доходили только неясные слухи; ночью царили страх и ожидание нападения, раздавались крики охраны и выстрелы… И все-таки молодежь танцевала, звучали песни под гитару и особенно куплеты-десимы.[3] Эти десимы сочинял секретарь и адъютант Артигаса Вальденегро, командовавший одной из колонн в битве в Лас-Пьедрас, а также

Бартоломе Идальго, один из друзей Артигаса, называвший свои куплеты «сьелитос».[4] Его песенки были очень популярны; на устах у всех было такое четверостишие:

Есть у патриотов пушка
По прозванью «Черная пасть».
Эта пушка всем испанцам
Помогает в ад попасть.

Лагерь патриотов расположился под самыми стенами города и представлял собой экзотическую и живописную картину. Мужчины, женщины, дети, оборванные солдаты, офицеры, самым невероятным образом вооруженные, индейцы, гаучо, негры. Вся эта толпа находилась в постоянном движении. Едва только лагерь обосновался здесь, как к Артигасу явился нарочный, вручивший ему послание, в котором содержалось предложение обменять пленных. Дочитав это послание, Артигас слегка улыбнулся: оно было подписано его бывшим начальником, бригадиром Муэсесом, который когда-то угрожал ему кандалами.

На следующий день был отослан ответ Артигаса, в котором содержалось согласие обменять пленных, при условии, однако, что обмену подлежат только раненые и что в их числе обязательно будет дон Николас Артигас (старший брат вождя, известный под именем Кучо, один из первых пленных губернатора Элио).

21 мая адъютант Артигаса, поэт Эусебио Вальденегро произвел этот обмен. С ним прибыли раненые — свыше 60 человек, среди которых были Николас Артигас и Доминго Гателл, племянник Артигаса, отчаянный пятнадцатилетний мальчишка, проявивший яростное упорство, чтобы вступить в армию «Дяди Пепе».

Первая неделя осады привела город в смятение. Элио направил Артигасу обращение, в котором сообщил о переговорах, которые при посредничестве Англии ведутся в Рио-де-Жанейро между ним и Хунтой Буэнос-Айреса с целью покончить с войной в Ла-Плате. Артигас ответил Элио предложением капитулировать. «Буэнос-Айрес, — писал он, — может вести переговоры, но мое войско не согласится с тем, чтобы мы медлили с помощью несчастному населению, запертому в стенах Монтевидео».

Однако желание Артигаса немедленно напасть на город наталкивалось на сопротивление его начальника Рондо. Артигас чувствовал, что пыл горожан начинает слабеть. Между тем Элио, уверенный в благоприятном исходе своих переговоров, усилил преследования всех, кто сочувствовал восставшим.

Первыми его жертвами стали патриотически настроенные францисканские монахи. Их захватили ночью в монастыре.

Обыщите все кельи и приведите сюда монахов! — приказал своему помощнику офицер Помпильо, войдя в монастырь Сан-Франциско.

«Газета де Буэнос-Айрес» писала:

«Офицер построил монахов, пересчитал их по головам, как скот, и, открыв ворота города, среди глубокой ночи вышвырнул их вон, приговаривая:

— Здесь близко находятся гаучо, ваши соотечественники, можете идти к ним».

На следующий день изгнание патриотов продолжалось. Среди них были Бартоломе Идальго, автор знаменитых куплетов «сьелитос», и известный политический деятель Николас де Эррера со своими семьями. Когда их вели по городу, испанцы («годос», как их презрительно называли) нагло плевали им в лицо: им даже не дали возможности взять с собой самые необходимые вещи.

Одновременно началась конфискация имущества патриотов. Были конфискованы два дома на улице Сан-Луис, принадлежавшие семейству Артигасов. Был вынужден покинуть город старик Мартин Хосе, отец Артигаса, вместе с двумя сыновьями, снохой Рафаэлой, которая так и не излечилась от психического заболевания, и пятилетним внуком Хосе Мариа. Все они отправились в старое поместье Артигасов в Саусе, незадолго до того разграбленное войсками Посадаса. Кажется, это был последний раз, когда Артигас встретился со своей женой и сыном.

Политика Элио, разумеется, лишь сильнее разжигала ненависть и озлобление патриотов, которые теперь сами уходили из города, чтобы присоединиться к осаждающим. Для острастки Элио установил в городе виселицу, первой жертвой которой стал Мануэль Перес. Отважный партизан успел перед казнью бросить в лицо судьям и собравшейся толпе пламенные слова:

— Да здравствует родина! Да здравствует революция!

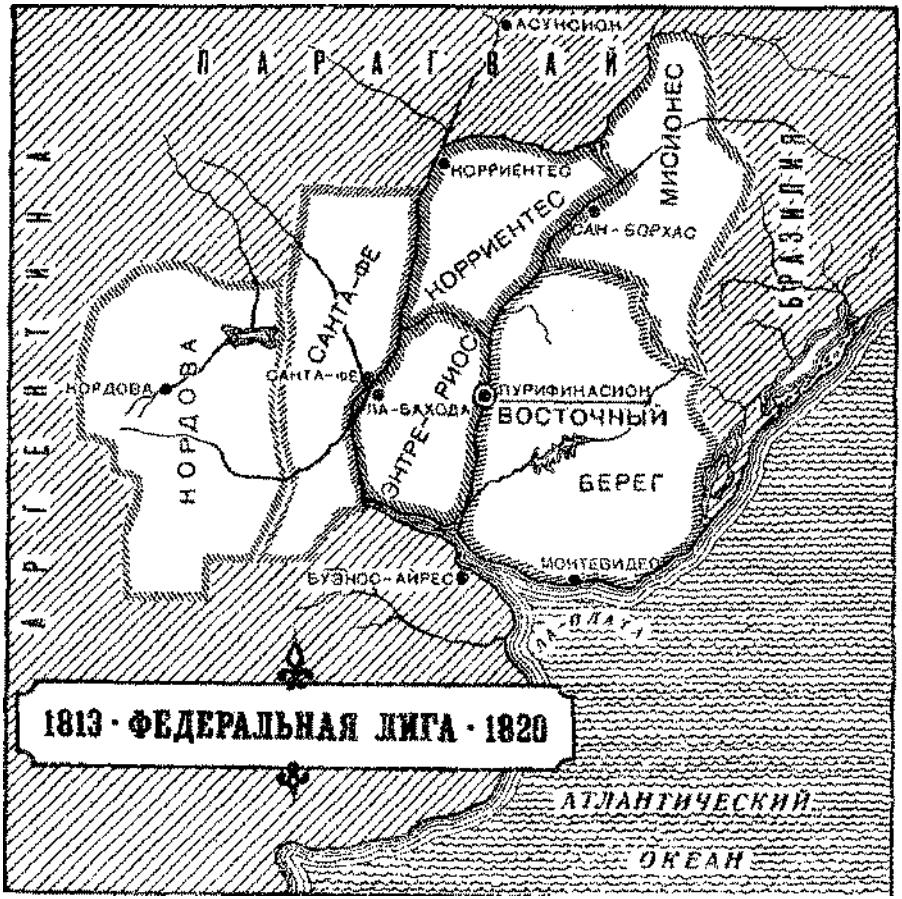
Прошла первая неделя осады. Городские власти, оправившись от первого приступа страха, готовились к обороне. В лагере патриотов нарастало нетерпение. На рейде порта Монтевидео стояли английские суда, готовые «защитить от унижения британский флаг и английскую торговлю», а лорд Стренгфорд, британский посол в Рио-де-Жанейро, плел свои интриги.

Борьба Артигаса за автономию Восточной провинции

Стремление Артигаса начать наступление на город продолжало наталкиваться на сопротивление Рондо, а Хунта по-прежнему не принимала никаких эффективных мер. Все это серьезно беспокоило вождя Восточной провинции. К тому же он не знал, какие переговоры ведутся в Рио-де-Жанейро при дворе португальского короля между посланцами Монтевидео, Хунты Буэнос-Айреса и послом Англии. Не знал он также, что Хунта в своей политике все более и более приближалась к принципам монархизма.

Элио, разумеется, воспользовался нерешительностью войск патриотов и усилил свои интриги в Рио-де-Жанейро, войдя в контакт с принцессой Жоакиной Карлотой и лордом Стренгфордом. Приняв предложение португальского наследного принца дона Жоана о предоставлении военной помощи для того, чтобы заставить врага снять осаду Монтевидео, Элио согласился таким образом на интервенцию в Ла-Плату; он руководствовался при этом исключительно собственными интересами. Посланец Хунты Буэнос- Айреса торговец Мануэль де Сарратеа также имел поручение добиться прекращения гражданской войны и нормализовать торговлю с Буэнос-Айресом, который из-за положения в Монтевидео был блокирован.

В результате власти Монтевидео и Буэнос-Айреса договорились о вторжении португальских войск для усмирения Восточной провинции. Хунта Буэнос-Айреса не сочла нужным сообщить об этом Артигасу, войско которого она рассматривала лишь как вспомогательный отряд армии Буэнос-Айреса. Таким образом, блестящая кампания патриотов в 1811 году как бы вернулась к своему исходному положению; даже хуже — она прямо облегчила положение испанцев, которые в начале кампании были накануне полной гибели. Португальцы же отнюдь не исключали возможности расширить свои границы, как это уже не раз бывало раньше.



Патриоты Восточной провинции, не принимавшие участия в этих переговорах, пытались определить свою позицию и свое будущее на двух заседаниях ассамблеи. Первое из них состоялось 10 и 11 сентября в местечке Панадериа-дель-Видаль. Сюда прибыли сотни видных граждан Восточной провинции, перед которыми выступили посланцы из Буэнос-Айреса. Они пытались объяснить необходимость снятия осады Монтевидео и ссылались при этом на то, что войско надо использовать против испанских сил, собравшихся на севере Аргентины в Верхнем Перу и в Парагвае. Патриоты Восточной провинции, однако, не соглашались с решением снять осаду. Они не могли примириться с тем, что столько усилий и жертв увенчаются таким плачевным финалом. На ассамблее много говорилось о пресловутом войске на севере, тогда как главной опасностью были войска португальцев, которые двигались к границам Восточной провинции.

В Буэнос-Айресе происходили тем временем собственные драматические события: идея восстановления абсолютистской

власти восторжествовала, и революционная майская Хунта была в сентябре 1811 года заменена Триумвиратом. Новое правительство оказалось в крайне тяжелом положении: власть вице-короля усиливалась, с севера угрожали испанские войска, началась португальская интервенция в Восточную провинцию; португальские войска были многочисленны и хорошо подготовлены, ими командовал губернатор провинции Рио-Гранде маршал Диего де Соуза. В этих условиях Триумвират решил как можно быстрее ликвидировать конфликт в самой Ла-Плате, и в первых числах октября было решено заключить договор с испанцами. Ломимо окончательного снятия осады с Монтевидео, о котором имелась договоренность еще в Рио, было признано, что власть Элио распространяется не только на всю Восточную провинцию, но и на территорию вплоть до реки Параны, то есть и на часть Аргентины.

Когда это известие пришло в лагерь Артигаса, оно вызвало здесь невероятное волнение. По инициативе Артигаса было созвано новое заседание, которое состоялось 10 октября недалеко от Трес-Крусеса и получило название заседания в Кинта-де-ла-Парагвайа. В присутствии делегата от Буэнос-Айреса участники заседания высказали свое неодобрение заключенному договору; соглашаясь с рядом обстоятельств, они решительно отвергали перспективу вновь оказаться под властью Элио. Что станется теперь с народом, который в течение трех месяцев боролся и принес столько жертв? Тогда Артигас предложил, чтобы войска Буэнос-Айреса прекратили осаду, но заявил, что его войска будут продолжать борьбу, причем также и с вторгнувшимися португальцами.

Но разве сможет столь плохо вооруженное войско вести войну против обученных и хорошо вооруженных сил? — спрашивал подполковник Виана, который всегда высказывал недоверие к силе вождя Восточной провинции.

Да! — ответил ему Артигас. — Если у нас не будет Достаточно копий, то нехватки в дубинах мы никогда не будем испытывать. За свободу борются зубами и когтями! — Эти слова вызвали бурю оваций.

Артигас добавил:

— Я не могу покинуть своих соотечественников. Я обещал им добыть свободу и не могу бросить их на произвол взбесившихся испанцев и вторгнувшихся в нашу страну португальцев. Лучше я уйду вместе с ними до берега реки Уругвай.

После этого он изложил ассамблее свой план.

— Так что же, полковник, это отступление? — спросили его.

— Нельзя удержать тех, для кого борьба за свободу есть

высший принцип, — ответил он и добавил: — Никто не заставит меня участвовать ни в каких сделках.

Ассамблея утвердила Артигаса верховным вождем Восточной провинции. Это произошло в присутствии делегата Буэнос-Айреса, который и повез с собой эту новость. Артигас тотчас же начал готовиться к эвакуации своих соотечественников. Это был исход уругвайского народа со своей земли.

Великий исход

Политика Артигаса не только соответствовала его личному взгляду, но и выражала настроение народа. Сразу же начали говорить о собственном правительстве. Каковы будут его принципы? Пока был ясен только один из них — свобода. Этот лозунг был провозглашен в «Марше восточных братьев», сочиненном Идальго:

В бой за родину, восточные братья!
Объединившись — в Сальто, вперед!
Наш единственный лозунг — Свобода,
Ведь за Свободу борьба наша идет.

Сальто было тем местом, куда двинулся Артигас. 12 октября начался великий исход населения и войск патриотов.

Вскоре начали появляться жители разных районов провинции, ведя за собой скот, телеги с утварью. Первыми влились жители низин Санта-Тереса и береговых селений Пан-де-Асукара, которые давно уже страдали от опасного соседства с португальцами. К Артигасу стекались сторонники борьбы за освобождение, семьи офицеров и солдат, не говоря уже о множестве его собственных родственников. Это было стихийное и поистине добровольное народное движение.

17 октября, переправившись через реку Санта-Лусия, караван прибыл в Сан-Хосе и расположился лагерем на берегу. 23 октября Артигас получил сообщение о ратификации договора, предусматривавшего снятие осады, и переход провинций Восточного берега под власть испанцев.

Путь каравана шел по гористой цепи Сан-Хосе; обогнув реку Арройо- Гранде, он пришел к Монсону 31 октября. На отдых останавливались два раза в день на высоких неприветливых холмах, отделяющих одну реку от другой.

Для Артигаса это был чрезвычайно тяжелый период: ведь люди теряли своих близких и свое имущество; не имея средств, не получая никакой помощи, они были предоставлены самим себе. Об этом Идальго писал в своем «Марше»:

Лишь колючки встречаются в поле
в эти горькие, черные дни.

В одном из своих писем Артигас с большим драматизмом описал положение участников похода:

«Одни из них сожгли свои дома и имущество, так как не могли взять все это с собой; другие прошли пешком много верст, ибо у них не было лошадей. Женщины, старики, дети — все они следовали за войском, проявляя огромную энергию и самоотречение в условиях жестоких лишений».

Семнадцать дней потребовалось для того, чтобы войско преодолело первый этап пути и дошло до Монсона. Здесь оно разделилось: одни под водительством Рондо по требованию правительства Буэнос-Айреса вернулись в Колонию. Другая часть во главе с Артигасом двинулась на север, верная воле народа и провозглашенным ранее принципам. Обе части войска распрощались под звуки музыки.

Путь Артигаса вел в департамент Япейу, куда правительство Буэнос- Айреса назначило его военачальником. За Артигасом пошли семьсот семейств. Разделение войска означало не только то, что военная судьба обеих частей его пойдет по разным путям: разделение это имело также политический характер. В куплете Идальго об этом говорилось так:

Мы решились погибнуть со славой
За священные наши права.

Караван пересек речку Пердидо и 2 ноября расположился лагерем на ее берегах около Пасо-Ондо. Здесь Артигас решил Реорганизовать поход, который до того протекал стихийно; стекавшиеся со всех сторон отряды присоединялись либо к авангарду, либо к арьергарду; вооруженные волонтеры защищали арьергард и фланги, где шло мирное население.

В походе участвовали три тысячи человек. Повозок и телег было более шестисот. Семья Риверы, например, состоявшая из пяти человек и шестнадцати рабов, ехала на семи повозках. Другая семья, Района Агиляра, которая сдала своих рабов в солдаты, ехала на тринадцати повозках. Были здесь и близкие и дальние родственники Артигаса: Суаресы, Монтерросо, Оторгесы, Гарсоны. Отсюда, с берегов Пердидо, Артигас пишет в одном из писем:

«…Я не хотел бы, чтобы кто-нибудь шел к нам насильно. Каждый должен добровольно отдать себя на борьбу за свободу, а тот, кто не захочет это сделать, останется рабом».

Говоря о семьях, которые следуют за войском, Артигас пишет далее, что он предпочел бы не брать их с собой, но он считает себя обязанным предоставить им свою защиту. Этот поток людей,

конечно, задерживает марш и создает множество трудностей, однако он не видит возможности отказать тем, кто добровольно присоединился к нему.

Из Пердидо путь шел на Кололо, приток реки Рио-Негро, куда они прибыли 3 ноября, а затем в Пасо-Реаль-де-Сориано. Теперь надо было готовиться перейти вброд Рио-Негро. С каждым днем поход становился все тяжелее. Повозок теперь было уже больше восьмисот. Здесь были разнообразные арбы с навесами из соломы или кожи; самодельные телеги с огромными колесами, нагруженные домашней утварью, бороны, которые тащили лошади или мулы; старинные коляски и дилижансы.

И посреди этих повозок двигался людской поток, пешком или на лошадях, поток, все время разраставшийся, так как в него вливались все новые и новые беженцы. Порой к нему присоединялись группы молчаливых индейцев в живописных одеяниях и негры, бежавшие из Монтевидео.

Ни усталость, ни голод, ни нас свернуть не заставят с пути. Наши жены младенцев хоронят, но вперед продолжают идти… — эти строки действительно передают те человеческие чувства, страдания и страсти, которые испытывали участники похода. Здесь были юноши со своими невестами, старики, нередко падавшие замертво прямо на дороге, дети, которые тут рождались и иногда тут же умирали. Священник, шедший вместе с караваном, каждый день совершал бракосочетания.

Медленно двигался этот людской поток, испытывая особые трудности из-за неблагоприятного времени года.

Обычно на ночлег останавливались в лесу, на берегу реки; вокруг телег и повозок устраивались биваки. Погонщики скота по очереди отдавали животных, мясом которых питались люди. Из запасов делили сахар, галеты, мате, одежду, одеяла. Несмотря на усталость от прошедшего тяжелого дня, вечером раздавались песни — сьелитос, тристес; звучали гитары и гармонии и, конечно, куплеты пайадоров,[5] перемежавшиеся с ритмами танцев. Только поздней ночью успокаивался этот шумный мир пилигримов. На время сна назначались сторожа, следившие за тем, чтобы на спящих не напали ягуары, лисы или дикие собаки. С рассветом лагерь вновь оживал, и люди начинали готовиться к очередному маршу по пути на север.

Отдохнув на берегу реки Рио-Негро, караван подошел к небольшой речке, носившей то же название, и 14 ноября остановился около Риваролы. Перейдя эту речку, они двинулись по старой почтовой дороге и 21 ноября пришли в Пайсанду, жители которого сразу присоединились к каравану. Перейдя через реку Сан-Франциско и подойдя к реке Кегуаю, они

остановились на отдых на ее лесистом берегу. Затем они взяли путь на Сальто, задержавшись лишь на берегу Кебрачо посреди тростниковых зарослей. Во время этой остановки военно-полевой суд приговорил к смерти нескольких разбойников, совершивших тяжелые преступления. Смерти избегнул лишь один парень, похожий на индейца, который, бросившись на колени, клялся, что будет честным человеком, и просил помилования. Но он не избегнул, однако, зрелища казни своих товарищей. Когда об этом доложили Артигасу, он не без печали, но очень твердо одобрил смертную казнь. На пути выросло еще несколько крестов, и караван, двинулся дальше, к реке Даиман, которую перешли в направлении к предместьям Сальто.

Отсюда Артигас направил правительству Парагвая письмо: первый серьезный и пространный документ, в котором были сформулированы его мысли, цели, проекты и надежды. В этом письме речь шла о предполагавшемся в будущем союзе. В этом документе содержалась также оценка роли португальской интервенции в Восточную провинцию. Каковы бы ни были причины этой интервенции, для Артигаса было ясно: интервенция представляла собой весьма корыстную военную помощь, которая отвечала экспансионистским устремлениям португальского двора, желавшего расширить свои границы до Ла-Платы.

Это письмо Артигаса повез в Парагвай капитан Ариас. В Буэнос-Айрес было отправлено другое послание, в котором Артигас просил разрешения разместить впоследствии свой лагерь на территории соседней провинции, в Консепсион-дель-Уругвай. А пока что караван двинулся к Сальто-Чико, где он собирался остаться на отдых. Стояли первые числа декабря, и позади остались два месяца тяжкого похода, который потребовал огромных жертв и преодоления множества препятствий…

Еще до наступления нового, 1812 года произошло столкновение с войсками португальского командующего Манеко. Португальцев ждал разгром. Причиной столкновения явились угрозы и бесчинства, которые учиняли португальцы. Это событие послужило для Триумвирата Буэнос-Айреса Поводом к тому, чтобы разорвать договор с испанским правительством в Монтевидео. Триумвират считал, что испанское правительство нарушает договор, так как, несмотря на снятие осады с города, португальские войска оставались в Восточной провинции.

Переправа каравана через реку Уругвай происходила в первые дни 1812 года. В это время года отмель, обычно препятствующая навигации, обнажается почти целиком, и это облегчило переправу, Артигас тотчас же приступил к организации лагеря. Были построены жилища, войска продолжали учебу, хотя

не хватало оружия и командиры использовали для обучения просто палки. Поддерживалась твердая дисциплина, налаживалось нормальное течение жизни.

Артигас находился в постоянной переписке с Триумвиратом Он требовал помощи для населения своего лагеря, которое терпело страшные лишения. Проходя мимо жалких лачуг, он видел сцены, от которых разрывалось сердце. Люди были почти раздеты, у них оставались только пончо, которыми они покрывали тело. Бросив свои дома и пойдя за Артигасом во имя высокой целя, люди стойко выносили все невзгоды. В этой тяжелой обстановке Артигас продолжал поддерживать в войсках дисциплину и веру в свою будущую судьбу. Постоянно действовала почта: нарочные, эти поистине героические связные революции, перевозили письма, на которых можно было прочесть: «Дон Хосе Артигас, полковник защитников родины».

Португальцы, вторгнувшиеся в Восточную провинцию, усиливали свои провокации. Поэтому Артигас поставил перед правительством Буэнос-Айреса вопрос о необходимости разместить лагерь там, где имелись бы жизненно важные ресурсы. Он считал также необходимым немедленно атаковать неприятеля. Это показалось Триумвирату рискованным, и, несмотря на то, что португальцы договор не выполняли, Триумвират ограничился посылкой к Артигасу делегата для обсуждения всех этих вопросов. По-видимому, главной задачей этого делегата было наблюдение за самим войском Артигаса, которое все больше и больше беспокоило Буэнос-Айрес. С этими-то намерениями и прибыл вскоре в Сальто-Чико посланец Триумвирата, офицер Николас де Ведиа, бывший когда-то товарищем Артигаса по школе. В лагере Ведиа увидел население из 14 тысяч человек, среди которого господствовал полный порядок; он убедился в добрых намерениях самого Артигаса и окружавших его людей. Правительство Буэнос-Айреса, которое, по словам Ведиа, выслушало его доклад в мрачном молчании, сообщило вождю восточной армии, что оно «удовлетворено полученной информацией, а также его ревностной деятельностью во имя родины».

В феврале, когда голодное и оборванное население лагеря дошло уже до отчаяния, в лагерь Сальто-Чико прибыл из Буэнос-Айреса транспорт с продовольствием. Почти в то же время прибыл щедрый дар Парагвая. Майор Лагуардиа, который привез продукты в лагерь Артигаса, был встречен — с почестями. Как наблюдатель он провел смотр войск, которые произвели на него самое положительное впечатление. А правительство Буэнос-Айреса продолжало по-прежнему с недоверием следить за

деятельностью Артигаса; оно было обеспокоено популярностью, которую он приобрел в прилегающих провинциях. Это недоверие особенно возросло, когда Артигаса стали называть «отцом всех семейств Восточной провинции, живущих в изгнании».

Через некоторое время после отъезда Лагуардии Артигас получил приказ перейти реку Уругвай и начинать кампанию против португальцев. Многочисленное население, двигавшееся вместе с армией, не захотело оставаться на месте и тоже пустилось в путь. Это началось 29 апреля 1812 года. Естественно, что из-за этого возникло множество трудностей. В результате армия утратила маневренность, и кампания, которую надо было вести быстро и энергично, была сорвана. Пришлось снова перейти реку и вернуться обратно, а затем приложить огромные усилия для обеспечения безопасности тыла, беспрерывно атакуемого португальцами. Необходимость быстро форсировать реку в неблагоприятных климатических условиях и в обстановке постоянной опасности привела к большим потерям.

Тем временем из Рио-де-Жанейро пришло известие, что лорд Стренгфорд, великий мастер политического интриганства, положил конец вооруженной интервенции португальцев. Это была новая попытка английских купцов закрепиться на рынках, которые ему предоставлял Триумвират Буэнос- Айреса. Это событие, которое привело в замешательство испанцев и удивило Артигаса, не было, однако, для него столь неожиданным, как назначение нового командующего армией Севера на его место. Назначен был коммерсант Сарратеа, известный как верный исполнитель всех темных махинаций правительства Буэнос-Айреса.

27 мая 1812 года Артигас вместе со своим войском и всем населением лагеря обосновался на берегу речки Айуи, к северу от маленького селения Конкордии, как раз напротив Сальто. Сюда и прибыл Сарратеа.

Главная цель его приезда заключалась в том, чтобы подорвать авторитет Артигаса. Он плел интриги, вел тайные переговоры, создавал дополнительные трудности, переманивал к себе офицеров. Внося анархию в армию, деморализуя народ, он добивался подрыва единства. Поскольку он был назначен командующим Северной армией, он вынудил Артигаса отказаться от своего чина и службы Буэнос-Айресу. Это было именно то, чего он добивался. Затем начался подкуп офицеров. Особенно огорчила Артигаса измена двух человек: Сантьяго Васкеса, сражавшегося рядом с Артигасом в Лас-Пьедрас, и Эусебио Вальденегро, которого Артигас любил как сына. Вальденегро был родом из бедной семьи; один священник выучил его читать.

Вальденегро прославился своим умением играть на гитаре. Отчаянный гуляка, игрок и любитель выпить, он жил, как жили все гаучо, пока Артигас не встретил его и не привез в город, в дом своего отца. Он поступил в ополчение, сделался сержантом, а когда началась революция, стал одним из первых помощников Артигаса.

Все те месяцы, что лагерь стоял в Айуи, там господствовали подлость и интриганство (письма Сарратеа в Буэнос-Айрес — лучшее тому доказательство). Это приводило Артигаса в отчаяние и лишало его возможности действовать. Хотя причина, вызвавшая поход Артигаса, теперь уже отпала — португальцы должны были эвакуировать занятые земли, — армия Артигаса не могла сдвинуться с места. Приказ вернуться на свои места был получен в начале сентября, но возвращаться было не на чем — не было ни лошадей, ни транспорта, как об этом докладывал Артигас.

Почти около года жил в изгнании Артигас вместе со своими людьми. Тем временем произошло множество важных событий. Вице-король Элио был смещен, и на его место назначен маршал Гаспар Вигодет, который прибыл сюда в качестве генерал-капитана провинции Ла-Плата. Таким образом, вице- королевство в этом районе было ликвидировано. Португальцы нарушили перемирие, заключенное в октябре. Буэнос-Айрес и Артигас пытались изгнать войска Соузы, совершавшие множество бесчинств. Португальский двор продолжал зариться на Восточную провинцию. Лорд Стренгфорд, действовавший в Рио-де-Жанейро в качестве международного арбитра, с опаской смотрел на усиление португальского влияния в Ла-Плате; именно он заставил подписать мирный договор между Триумвиратом и Рио-де-Жанейро, который положил конец португальской интервенции и предусматривал немедленную эвакуацию их войск из Восточной провинции. С другой стороны, при португальском дворе действовал генерал Соуза, пытавшийся убедить короля Жоана сохранить занятые земли и задержать эвакуацию португальских войск. Однако англичане сумели заставить португальского короля уступить: после длительных колебаний он все же отдал приказ отвести португальские войска из Восточной провинции.

Триумвират в Буэнос-Айресе, освободившись от этой опасности, попытался возобновить кампанию против испанцев в Восточной провинции. Для координации действия с Артигасом и был нужен Сарратеа, посланный в Айуи.

Борьба против интриг. Вторая осада Монтевидео

Первые дни сентября 1812 года Артигас в последний раз перешел реку Уругвай. Казалось, что он возвращается на Восточный берег, чтобы уйти в отставку, отдохнуть от интриг, от ссор с правительством Буэнос-Айреса, от предательств. У него и на самом деле было такое желание, когда он двигался по пути в Лаурелес. Но он не мог руководствоваться своими личными интересами. Он чувствовал себя ответственным перед народом и войском. Опираясь на их поддержку, он решил продолжать борьбу.

Эмиссар Артигаса, офицер Фуэнтес, был послан в Буэнос-Айрес с отчетом об интригах Сарратеа и требованием его отставки. Фуэнтеса тотчас же схватили и подвергли оскорблениям. Однако ему все же удалось войти в контакт с друзьями Артигаса и разузнать о махинациях в пользу монархии, которые велись членами так называемой Ложи Лаутаро. Вернувшись, Фуэнтес доложил Артигасу о подробностях низкой политики правительства Буэнос- Айреса.

И все-таки Артигас, чувствуя поддержку народа и своих военных помощников, не теряя веры в справедливость своей борьбы, решил послать ответ Сарратеа на его последнее наглое письмо. Артигас писал, что он отнюдь не намерен молча наблюдать за интригами, которые плетутся вокруг него, что народ Буэнос-Айреса всегда был и будет для него братом, чего он, однако, не может сказать о его правительстве. Поэтому он намерен нанести ему военный удар.

Чтобы выиграть время, Сарратеа направил к Артигасу своего посланца, но миссия эта не увенчалась успехом, так как Артигас требовал одного — чтобы Сарратеа и его свита убрались в Буэнос-Айрес.

Артигас начал опять готовить свое войско к предстоящей борьбе, и в лагере Пасо-де-Арена вновь началась военная учеба. Его помощником был офицер Висенте Пагола, а секретарем — его кузен Мигель Баррейро, образованный молодой человек, уже известный своей политической деятельностью. Войско Артигаса составлял «Корпус драгун — борцов за свободу», которым командовал Оторгес, дивизия его брата Мануэля Франсиско, в которую входили такие видные офицеры, как Хуан Антонио Лавальеха, и еще несколько дивизий: Фрук-туасо Риверы, Бласа Басуальто, Фаустино Техеры и парагвайца Охеда.

Сарратеа, видя, как формируется и обучается такое сильное войско, был очень обеспокоен и в начале 1813 года снова предпринял попытку добиться союза с Артигасом. Но Артигас не дал себя обмануть, он достаточно хорошо знал этого человека. Когда в лагерь прибыли новые посланцы от Сарратеа, Артигас лишь повторил свои прежние требования — убрать, интриганов и осуществить меры, обеспечивающие суверенитет его народа.

Сарратеа решил пустить в ход свой последний козырь: ой заявил правительству Буэнос-Айреса, что Артигас вошел в сделку с испанцами. Однако он не только не достиг своей цели, но, наоборот, способствовал еще большей популярности своего противника.

Зная о неладах между Артигасом и правительством Буэнос-Айреса, Гаспар Вигодет, только что назначенный генерал-капитаном в Монтевидео, решил сделать Артигасу выгодные, по его мнению, предложения. Для этого он воспользовался услугами священника Франсиско Ларробла, с которым Артигас был дружен. В письме Ларробла, которое отвез Артигасу Марселино Вильягран, говорилось, что Вигодет вновь подтверждает ранее данные обещания, если только Артигас согласится на сохранение испанской власти в Монтевидео.

— Что может значить для меня чин, который предлагает мне Вигодет, если единодушие жителей его города, жаждущих освобождения, указывает мне высокую цель! Кроме того, любом случае я предпочитаю быть независимым. — Так ответил Артигас тем, кто пытался (в который — уже раз!) подкупить его.

В то время когда ответ Артигаса шел к Вигодету, Сарратеа опубликовал новое заявление, в котором обвинял Артигаса в измене и призывал войска покинуть его. Этот пасквиль глубоко оскорбил Артигаса, 14 января он писал полковнику Френчу.

«Пожалуйста, поставьте себя на мое место. Услышать такое оскорбление после всего, что я сделал для родины, после всех моих жертв… К тому же ведь это оскорбление для всех».

Однако интригам Сарратеа пришел конец; его офицеры, френч и Рондо, которые были свидетелями его неблаговидных дел, обсудив создавшееся положение, принудили Сарратеа уйти в отставку. Он вернулся в Буэнос-Айрес вместе со своей свитой. Заменивший его Рондо тотчас же соединился с Артигасом. Это произошло в Серрито 26 февраля 1813 года в обстановке необыкновенного энтузиазма, под звуки музыки.

Шестьдесят землевладельцев Восточной провинции, объединившись, назвали Артигаса «непобедимым генералом». Приветствуя правительство Буэнос-Айреса в связи с отставкой Сарратеа, они выражали свое возмущение тем, что он публично

оскорблял мужественного патриота дона Хосе Артигаса, называя его вором, подлецом и обманщиком.

Тем временем в Буэнос-Айресе происходили знаменательные события: члены Триумвирата были заменены другими лицами, которые были навязаны монархистами из Ложи Лаутаро; они стремились создать диктатуру, о необходимости которой начал открыто заявлять Бернардо Монтеагудо, один из главных идеологов Ложи. 31 января 1813 года в соответствии с декретом от 8 октября торжественно открылась сессия Генеральной конституционной ассамблеи. Депутаты, избранные на ассамблею, были представителями той прослойки, которая после смерти Морено вела двойственную политическую игру. Это вполне соответствовало духу создававшегося государства национальной буржуазии.

С объединением двух войск появилась возможность вновь предпринять осаду Монтевидео — последнего бастиона испанской монархии в Ла-Плате. Правда, начало этой второй осаде положил еще раньше некий Хосе Культа, предводитель гаучо, который со своими людьми присоединился к армии патриотов 1 октября, за двадцать дней до того, как приступил к осаде Монтевидео Рондо, приведший свои войска из Буэнос-Айреса. Дивизии, которые Сарратеа отобрал когда-то у Артигаса, были возвращены, и теперь объединенное войско, стоявшее у стен Монтевидео, состояло из семи тысяч человек.

На защиту Монтевидео было брошено несколько полков (кстати, именно из них солдаты переходили на сторону патриотов). Командующий обороной майор Понсе высокомерно заявил:

— Осаждающие — это всего-навсего несколько гаучо и индейцев, вооруженных копьями, стрелами и ножами, да монахи, которые вообще никаким оружием не владеют. Мы быстро выгоним их под музыку.

На самом же деле город находился в крайне тяжелом положении. Гранаты падали на улицы и площади. Не было семьи, которая не была бы погружена в скорбь и отчаяние. Город голодал, и люди буквально дрались из-за куска хлеба. Усиливалась ненависть между партиями. Все шире разворачивались действия партизан, которые самыми различными способами преследовали жителей. Особенно отличался в этом молодой партизанский вожак Лавальеха.

Кольцо осады сжималось все теснее. Царила полная неразбериха, и, чтобы разобраться в принадлежности людей к тому или иному лагерю и отличить осаждающих от защитников города, использовались цветные ленты — белые для патриотов,

красные для испанцев. Это вдохновило поэта Вальденегро, который сочинил куплет-десиму. Начертанный на большом плакате, он служил знаменем, которое патриоты несли во время наступления.

Два цвета — алый и белый — на выбор судьба вам дает. Отныне за вами дело, решайте, что вам подойдет. Если выберешь алый, тотчас навлечешь на себя наше мщенье;; если белым отдашь предпочтенье, под защитою будешь у нас.

Особую популярность получили высмеивающие испанцев сатирические строфы из сьелитос, которые сочинял Идальго. Они как будто перелетали через городские стены и становились известными в осажденной столице. Среди певцов были и женщины; одна из них, Виктория, черноволосая отважная певица с прекрасным голосом, каждый вечер переходила с места; на место, исполняя свои песенки и не забывая о том, что, концерт может быть нарушен перестрелкой.

Самое важное событие конца 1812 года произошло 31 декабря — это была победа Рондо в предместье Монтевидео — Серрито, где он разгромил испанскую армию Вигодета и Муэсаса. В бою особенно отличились негр Видела и патриот Восточной армии Мондрагон, убивший наповал бригадира Муэсеса. Под вечер остатки испанского войска были оттеснены за городские стены. Наступали последние часы осады.

Апрельский конгресс и «Инструкции 13-го года»

Как уже было сказано, в январе 1813 года во время осады Монтевидео в Буэнос-Айресе собралась Конституционная ассамблея. Сарратеа, тогда еще занимавший командный пост в армии, получил от Триумвирата указание об избрании депутатов Восточной провинции — одного от города Мальдонадо и одного от эмигрировавших жителей Монтевидео. Сарратеа, ни с кем не советуясь, сам выбрал депутатов из числа тех, кто сочувствовал правительству Буэнос-Айреса и отнюдь не представлял интересов Восточной провинции. Это вызвало неудовольствие даже у Триумвирата и ускорило смещение Сарратеа с его поста.

В конце марта 1813 года Рондо передал указание правительства Буэнос- Айреса о необходимости принести присягу Конституционной ассамблее, а также предложение жителям Восточной провинции избрать своих делегатов на съезд ассамблеи, который намечалось созвать в апреле. Артигас предложил осуществить все это тогда, когда соберется ассамблея Восточной провинции; именно она должна сформулировать важнейшие проблемы, а затем передать их на рассмотрение Буэнос-Айреса через одного из делегатов — Томаса Гарсиа де Суньига.

5 апреля в просторном доме Артигаса в поселке Трес-Крусес собрался конгресс, на который съехались наиболее видные представители Восточной провинции, идеологи и практики революционного движения.

Заседание протекало в торжественной обстановке. Делегаты были одеты в парадные платья, что вызвало особое любопытство людей, собравшихся у дверей и под окнами дома; они расселись у стола в помещении, отличавшемся аскетической скромностью. Позади стола стоял Артигас, без всякого оружия, в скромной военной одежде. Развернув документ, он начал медленно и спокойно зачитывать его. Читал он, чётко произнося каждое слово своим глуховатым, твердым голосом, без всяких декламационных ухищрений. Хотя речь Артигаса носила отпечаток того пламенного стиля, который был присущ его секретарю Баррейро, составлявшему этот документ, в нем прежде всего обнаруживалась его собственная позиция и характерные для него четкость и ясность в выражении своих концепций.

Граждане, — начал Артигас, — в результате проведенной кампании и благодаря вашей единодушной воле я предстал перед

вами. Мы провели вместе шестнадцать месяцев, которые были временем славы и несчастий. Сегодня я имею честь вновь заговорить с вами, дабы решить вопрос, как будете вы осуществлять свой суверенитет. Далее он сказал:

— Все наши труды, отмеченные энергией и постоянством, не приведут ни к чему, если не будут определены в качестве направляющей силы непреложные принципы политической системы, во имя которой велась борьба.

Одним из принципов, на которых зиждилась доктрина Артигаса, была демократия. Именно для того, чтобы осуществить ее, Артигас предстал перед ассамблеей, дабы она утвердила его мандат.

Мой авторитет исходит от вас, — сказал он, — и кончается в тот момент, когда вы вновь соберетесь. Вы — та сила, которая располагает полностью всеми правами. Пусть возникнут перед вашим взором результаты моих надежд и жертв, и вы сами определите, каково должно быть вознаграждение за мои труды. Сейчас вы решаете, сохранить мои права или нет.

Артигас хорошо знал, каких жертв потребовала борьба. И он с полным правом мог сказать:

— Пепел и руины, кровь и отчаяние — такова картина, которую вы видите на земле Восточного берега, и такова цена ее освобождения. Но зато теперь там живет свободный народ.

Затем он заговорил о необходимости защищать права народа, который, несмотря на то, что прошло уже три года революции, все еще был беззащитен. Он предложил также признать верховную власть Конституционной ассамблеи.

«Призыв Артигаса», как назвали произнесенную им речь, потряс всех присутствующих. Участники ассамблеи прониклись горячим чувством восхищения и признательности к руководителю великого исхода и защитнику народа.

После проверки полномочий делегатов и назначения комиссий приступили к формулированию восьми важнейших пунктов. Среди них было требование публичной сатисфакции Артигасу за нанесенные ему оскорбления. В остальных пунктах содержалась политическая программа ассамблеи: оборонительно-наступательный союз Восточной провинции с другими провинциями, то есть принцип конфедерации, исключающий подчинение одной провинции другой, что имело место при предшествующем правительстве; полная свобода Восточной провинции, жители которой являются независимым народом, хотя и подчиняются конституции, утверждаемой конгрессом всей нации. Затем были избраны пять депутатов, которые должны будут представлять Восточную провинцию в Буэнос-Айресе.

13 апреля, после целой недели дебатов, были окончательно сформулированы двадцать статей, которые составили нечто вроде краткой конституции. Этот документ получил название «Инструкции 13-го года». В ее редактировании приняли участие многие патриоты, но наиболее ярко здесь чувствовалось направляющее воздействие принципов Артигаса. Это был документ, вдохновленный передовой конституцией Соединенных Штатов 1787 года, воплощавшей демократическую идеологию своей эпохи и отражавшей потребности своей страны.

В «Инструкциях» речь шла о взаимоотношениях между центральным правительством и правительством провинции, о правах жителей Восточного берега, об их отношениях с жителями других провинций и других стран. В «Инструкциях» была ясно определена абсолютная независимость колоний от испанской власти — этот пункт стоял первым. Разумеется, его не разделяли монархисты, засевшие в аргентинском правительстве. Хотя они и участвовали в борьбе против Испании, на деле они стремились заменить власть Испании другой, тоже монархической властью.

Простые и мудрые принципы Артигаса, положенные в основу «Инструкций 13-го года», определяли такую политическую форму, которая в то время больше всего отвечала интересам огромных территорий, составлявших вице-королевство Ла-Плата. Территории эти имели важные общие проблемы, но вместе с тем различались географическими факторами и, следовательно, производительными силами и торговлей. С другой стороны, идея конфедерации принадлежала еще Морено, который считал, что, когда будут разрушены старые связи, привязывавшие народы колонии к испанской метрополии, каждая провинция должна стать самостоятельной. Эту идею сразу воспринял Парагвай, и в таком направлении он и действовал. Теперь Артигас предлагал на практике применить принцип конфедерации к другим провинциям. «Инструкции», таким образом, были проникнуты духом прогрессивных конституционных идей, и их разделяли делегаты, которые повезли этот документ на рассмотрение Конституционной ассамблеи в Буэнос-Айресе.

На апрельском конгрессе, после того как был окончательно Разработан текст «Инструкций», а также на предварительных совещаниях, происходивших в доме Артигаса, было обсуждено — и утверждено создание местного экономического правления, первого административного органа, который, как и Кабильдо, был коллегиальным. По этому вопросу Артигас снова взял слово:

— Надо ли вам говорить, что страна наша повергнута в хаос и беспрестанно терпит ужасы насилия, нарушающие спокойствие граждан и общественный порядок. Эти бедствия нельзя

преодолеть, пока мы заняты преследованием врага во вражеском городе Монтевидео. Поэтому я обращаюсь к благоразумию народа для того, чтобы выбрать такие меры, — которые могли бы по крайней мере уменьшить эти бедствия.

Все понимали, какая тяжкая сложилась ситуация. Она была порождена войной и насильственным разделением территории: часть ее все еще подлежала юрисдикции Монтевидео, находившегося в руках испанцев, другая часть относилась к Буэнос-Айресу, а северные земли находились под юрисдикцией Мисионеса. Чтобы решить эту проблему, конгресс постановил образовать «муниципальный орган для осуществления правопорядка и внутренней экономики и торговли страны». В этот орган выбрали Артигаса и других видных участников конгресса.

Аргентинская политика и конец испанского владычества в Ла-Плате

После того как в Буэнос-Айресе узнали о работах конгресса, проведенного Артигасом в апреле, правительство послало следующее заявление: во-первых, государственное управление является делом Конституционной ассамблеи всей Ла-Платы, и потому Артигас не должен создавать какие-либо органы власти в Восточной провинции; во-вторых, население Восточного берега составляет единое целое с жителями остальных провинций, а армия, в том числе и армия Артигаса, является только вспомогательной силой в данных провинциях. Эти тезисы соответствовали духу абсолютистского унитаризма, которого придерживалось правительство Буэнос-Айреса; он резко противоречил принципам федерации, которые отстаивал Артигас и народ Восточной провинции. Еще находясь в лагере Сальто-Чико, Артигас заявлял, что его войско — это не войско наемников, и потому он считал неправильным платить солдатам заработную плату. Для него армия была вооруженным народом. Поэтому он предложил делегатам конгресса отстаивать тезис о том, что каждая провинция должна располагать собственным войском. Приехав в Буэнос-Айрес, делегаты узнали, что их не допускают в ассамблею. Несмотря на протесты многих участников, членам Ложи действительно удалось с помощью чисто формальных уловок лишить восточных делегатов их прав. Истинная же причина заключалась в том, что привезенный ими документ содержал аргументы в защиту интересов провинций. Центральная власть, не скрывавшая своей склонности к монархизму, даже не разрешила их выслушать.

Артигас узнал об этих интригах от Ларраньяги, который просил срочно переоформить их мандаты. Он поспешил подтвердить делегатам необходимость защищать «Инструкции», напомнив, что народ принес жертвы не для того, чтобы в Буэнос-Айресе был восстановлен тиранический режим. Другое письмо Артигас направил правительству.

Длительные переговоры Артигаса с Буэнос-Айресом, которые велись через Ларраньягу, приобретали все более ожесточенный характер. В конце концов в Восточной провинции был созван новый конгресс. Правительство Буэнос-Айреса поручило созыв его Рондо, стремясь к тому, чтобы вновь избранные делегаты не были

бы сторонниками федерализма, который отстаивал Артигас. Предполагалось, что таким образом удастся избежать обсуждения на ассамблее вопросов, изложенных в «Инструкциях». Хотя между Рондо и Артигасом имелась договоренность о совместном проведении конгресса, различие их взглядов, разумеется, не замедлило сказаться.

Рондо распорядился, чтобы конгресс собрался в Масиэль около Мигелете. Он открылся 8 декабря под его председательством. На этом заседании при очевидном нарушении законности игнорировались власть и роль Артигаса (раздавались даже голоса: «А кто такой Артигас?»). Собрание прошло в обстановке слепого подчинения Буэнос-Айресу, и в соответствии с его указаниями были выбраны три делегата — двое священников из этого города и Ларраньяга, приверженность которого к артигасовской идеологии сумели свести на нет тем, что назначили его заместителем директора публичной библиотеки в Буэнос-Айресе. На этом же заседании конгресса, где полностью игнорировались резолюции, принятые до того в Трес-Крусес, был назначен новый орган провинциальной власти. В последний день конгресс получил длинное заявление от Артигаса, в котором он протестовал против того, что не была признана власть народа и его собственная. Артигас направил конгрессу также копию другого заявления, обращенного к местным кабильдо, с подробным объяснением всего происшедшего; в этом, заявлении он просил кабильдо ответить на вопрос о том, признают и они его руководство, ибо в противном случае он немедленно отойдет от борьбы.

Избранные по указке Рондо делегаты отправились на ассамблею без каких бы то ни было инструкций и планов. В эти решающие дни Артигас получил от всех кабильдо письма с подтверждением их преданности ему. Однако положение продолжало обостряться. Потеряв последнюю надежду договориться с правительством Буэнос-Айреса, Артигас 20 января 1814 года снял осаду Монтевидео. Это решение он принял с полной ответственностью; он не мог далее оставаться там, где его окружали враги и где он легко мог попасть в засаду. Ближайшая его цель заключалась в том, чтобы подготовить сопротивление вторжению со стороны правительства Буэнос-Айреса.

Уход Артигаса от стен Монтевидео был воспринят как серьезное событие. Вслед за ним стали уходить его многочисленные друзья. В течение двух последующих дней дороги были заполнены людьми, покидавшими Монтевидео. Ушли пикеты кавалерии патриотов, полк улан, дивизия Оторгеса, защищавшая Серро, и другие отряды. В то же время посланцы

Артигаса разъехались в разных направлениях — в провинции Энтре-Риос, Корриентес, Санта-Фе и в Парагвай. Они везли письма, в которых Артигас объяснял последние события и мотивы своих поступков.

Верховный правитель Буэнос-Айреса Посадас (он заменил второй Триумвират) издал декрет, в котором Артигас объявлялся вне закона как преступник и лишался всех своих постов; голова этого «врага родины», живого или мертвого, была оценена в шесть тысяч песо. В декрете указывалось, что в случае сопротивления он должен быть убит.

Этот декрет, опубликованный 11 февраля, имел лишь одно последствие — еще больше возросла ненависть жителей Восточного берега к правительству Буэнос-Айреса. Именно тогда народ еще теснее объединился вокруг своего вождя и руководителя.

Когда Артигас получил этот декрет, он ответил Посадасу, а заодно и его секретарю, Николасу де Эррера, который когда-то боролся в одних рядах с Артигасом, а затем перешел на сторону правительства Буэнос-Айреса:

«Жители Восточного берега начали революцию во имя свободы, и поэтому, даже если ваше превосходительство и не желает этого, они все равно станут свободными. Вы можете хоть сто раз объявлять меня предателем: я не изменюсь от этого. Вы можете предпринимать самые безумные меры — все равно мы будем свободны, решительны и энергичны».

Теперь два враждебных лагеря определялись так: к одному принадлежали сторонники централистской власти Буэнос-Айреса — «портеньос», как называли жителей порта; они придерживались монархического принципа правлений, монополизма в экономике, и стремились сохранить прогнившие аристократические устои. Им противостояли защитники политики, ясно и четко сформулированной в «Инструкциях», которая основывалась на демократическом республиканском правлении, принципе федерализма, независимости и свободы без всяких ограничений во всех ее общественных аспектах. То был глубокий демократизм, в муках рожденный Великой Французской революцией, которая стала примером для всего человечества.

Артигас во главе войска в три тысячи человек двинулся по направлению к Рио-Гранде, прошел через Дурасно и остановился в Белене. В арьергарде он оставил Фруктуосо Риверу, одного из своих офицеров, обнаружившего блестящие способности партизанского вожака. Ривера должен был перехватывать коммуникации и обозы Рондо. В низинах реки Уругвай Артигас поставил Оторгеса, чтобы воспрепятствовать какому-либо

продвижению по реке.

Жители провинции Энтре-Риос еще раньше ответили на призыв Артигаса: несколько видных граждан этой провинции присоединились к нему. А в этот решительный момент Эусебио Эррера, один из самых уважаемых помещиков, возглавил военный отряд и пошел на помощь Оторгесу. Переправившись через реку Уругвай, он разбил силы противника в местечке Арройо-де-ла-Чина, а затем и войска, посланные Буэнос-Айресом под командованием офицера-монархиста барона Холмберга. Это произошло 22 февраля 1814 года при Эспинильо, около Параны.

Военные действия не прекращались. В марте того же года Артигас фактически контролировал все междуречье. Военная кампания в этом районе завершилась тем, что его союзник, сторонник федерализма Хуан Баутиста Мендес взял власть в Корриентесе.

Так как враги не раз пытались распускать всяческие слухи, чернящие Артигаса, необходимо еще раз подчеркнуть благородство, с которым он обращался с побежденными. Барон Холмберг и его офицеры после окончания битвы были отвезены в штаб Артигаса. Среди бумаг Холмберга был декрет, в котором Артигас объявлялся вне закона. Однако Артигас не только не нанес своим врагам ни малейшего оскорбления, но, наоборот, проявил к ним уважение. Многие из них позднее начали склоняться к федералистским идеям и сообщили правителю Буэнос-Айреса Посадасу о том, что они считают борьбу Артигаса справедливой.

Когда испанскому генерал-капитану Вигодету стало известно об этих противоречиях, он тотчас же начал восстанавливать свой упавший престиж. Он направил своих эмиссаров с письмами к Артигасу и к его кузену Оторгесу, бывшему управляющему королевской эстансией. В своих посланиях Вигодет заявлял, что он крайне заинтересован в мире и счастье жителей Восточного берега и сочувствует личному возвышению Артигаса. Он предлагал множество благ ему самому и его войскам. Однако Артигас не поверил посулам этой сирены, как, впрочем, и никаким другим. Он писал своему кузену Оторгесу:

«Мы переживаем такой момент, когда надо говорить с предельной ясностью и поступать с предельной осторожностью, дабы не возникло никакой возможности ошибочно истолковать наше поведение. Подобные предложения, если вдуматься в них, свидетельствуют лишь о желании воспользоваться ситуацией, в которой мы находимся, и выйти из своего безвыходного положения».

Далее Артигас писал:

«Каждый хочет захватить рыбку на свою тарелку».

Тем временем правительство Бузнос-Айреса, понеся ряд поражений, пыталось вновь начать в Рио-де-Жанейро переговоры о том, чтобы передать Восточный берег под власть испанцев. Одновременно оно послало эмиссаров и к Артигасу. На сей раз посланцами были люди уважаемые и дружественно настроенные к Артигасу: Мариано Амаро, священник, и Фрасиско Антонио Кандиоти, крупный помещик из провинции Санта-Фе. После длительных бесед с Артигасом они в апреле 1814 года пришли к соглашению. Однако это соглашение, подписанное обеими сторонами, не было утверждено Буэнос- Айресом.

Все эти переговоры с правительством происходили в начале 1814 года, то есть тогда, когда знамя федерализма (правда, отличавшегося от того, который в свое время защищал Артигас) реяло уже по всей территории междуречья (Литораль).[6] С этого времени влияние Артигаса стало расти неимоверно быстро, превратившись в настоящее наваждение для сторонников монархического централизма.

Каково было в то время положение испанцев в Монтевидео? После того как потерпели фиаско их планы — отколоть Артигаса от революции, после множества поражений, которые они понесли во время стычек в предместьях Монтевидео, и, наконец, после того как английский офицер Броун, командовавший флотилией Буэнос-Айреса, осадил и блокировал порт Монтевидео, тогда как у армии и у населения ощущалась острая нужда в самых необходимых продуктах, город капитулировал. 20 июня 1814 года пал этот последний и упорный оплот колониализма в Ла-Плате. Утром 23 июня испанские войска с развернутыми знаменами, под барабанный бой покинули город. Таковы были последние жалкие атрибуты некогда гордой испанской власти, которая таяла и подходила к концу на всех континентах.

Согласно договоренности сдача города происходила на «почетных условиях». Оставив город, испанцы направились к Агуаде в северном направлении.

Честь принятия капитуляции выпала на долю молодому генералу Карлосу Марии де Альвеар. Он прибыл сюда в то время, когда крепость уже не способна была держаться, и пожал плоды той длительной тяжкой борьбы, которую вели аргентинцы и жители Восточной провинции, понеся огромные жертвы. Когда испанцы эвакуировались, войска Альвеара под звуки музыки и барабанов вошли в город.

Эусебио Вальденегро, когда-то бежавший из войск Артигаса, теперь в роли победителя, отдавая честь, принимал у испанцев оружие. Ключи от крепости были вручены Николасу де Ведиа.

В тот же день полковник Френч отплыл в Буэнос-Айрес, увозя с собой документ о капитуляции.

Альвеар не выполнил условий договора. Как только Вигодет покинул Монтевидео, было нарушено условие о том, что никто из победителей не посмеет без особых оснований нарушать общественный покой. Грабеж и насилие воцарились в городе, пока он находился под властью правительства Буэнос-Айреса.

Неосуществленная мечта о конституции. Разгром централистов

Несколько раньше, в 1813 году, Артигас поручил своим помощникам разработать конституцию для Восточной провинции на основе тех принципов, которые были уже изложены Ранее. Он считал, что эта конституция сможет послужить нормой и для всех остальных провинций. Возможно, что он думал о том, чтобы рассмотреть эту конституцию на будущем конгрессе провинций. Цель Артигаса заключалась в следующем: по достижении территориального единства всей Ла-Платы наладить социальную и политическую организацию провинций и защитить конституционно их интересы.

За основу проекта была взята конституция штата Массачусетс 1780 года, считавшаяся тогда самой либеральной. Проект конституции содержал вводную часть, пять статей из 64 параграфов и заключительную декларацию. Документ этот всегда вызывал страх у буржуазных историков, которые, как правило, его даже не изучали и в своих работах посвящали ем лишь несколько строк самой поверхностной характеристики.

В первой статье конституции речь идет о свободах, права и обязанностях граждан. Построенная на принципах наиболее передовой мысли XVIII и XIX веков, эта статья во многих отношениях шла дальше, чем самые либеральные европейски концепции.

Первый параграф первой статьи провозглашает «основные и неотъемлемые» права граждан, которые «родятся свободными и равными», обязанность государства защищать личность, и, наконец, право народа, если эти пункты не выполняются, «менять правительство и предпринимать необходимые меры для собственной безопасности, процветания и счастья». Таким образом, освящается в высшей степени революционный тезис о вмешательстве народа (не как определенного класса, а как массы в целом) в дела управления.

В другом параграфе первой статьи речь идет о свобода религии и утверждается тезис о том, что «никакой гражданин не может быть преследуем или ограничен в своих правах по причине того, какой веры, он придерживается». Проблемы культуры сформулированы в параграфе третьем, в котором объявляется основной и главный закон: «необходимость и обязанность всех

жителей, рожденных в этой провинции, уметь читать и писать».

В первой главе, в которой сформулированы основные принципы государственного устройства, утверждается полный, не ограниченный суверенитет народа. Параграф пятый гласит, что различные законослужители и служащие правительства являются исполнителями воли народа, ибо всякая власть исходит от народа. Так утверждал до Артигаса Морено, а еще ранее учитель обоих — Руссо. Этот принцип исключал любой другой, который мог бы способствовать возникновению классовых привилегий. Так как титулы и чины не могли рассматриваться как наследственные и не могли передаваться детям или родственникам, представлялось абсурдным и неестественным предположение, что человек может родиться судьей или законодателем.

Отсюда естественно вытекала мысль, изложенная в следующем параграфе: «люди, принимающие или ищущие какие-либо титулы, или дворянство, или почести от иностранных королей или государств, лишаются своего гражданства».

Таковы вкратце некоторые из принципов, изложенных в проекте конституции, об осуществлении которых мечтал Артигас.

* * *

Теперь вернемся к событиям, развернувшимся после падения Монтевидео. Так как Артигас начал мобилизацию своих сил с целью окончательно ликвидировать маневры централистов Буэнос-Айреса, Альвеар, покинув Монтевидео и сделав вид, что он отправляется в Буэнос-Айрес, на деле высадился в Колонии и приказал Солеру, чтобы тот соединился с ним в Колье (Росарио). Оттуда он направился в Пасо-де-лос-Торос на реке Рио-Негро, где и встал лагерем.

Тогда Артигас разделил свои силы: Лавальеху он послал к Солис- Гранде, Риверу — в Пасо-дель-Куэльо, а Оторгеса — в долину Мармараха. Оттуда-то начал атаки на город Мальдо-надо. 10 сентября 1814 года он был взят. Артигас развернулся вдоль холмистой цепи Арерунгуа и начал собирать и укреплять свои силы, чтобы сорвать план Альвеара; своим летучим отрядам он приказал прервать его коммуникации с Монтевидео. Кроме того, он предложил своим офицерам из Литораля усилить военные действия против Буэнос-Айреса, а своему секретарю Баррейро дал задание вступить в переговоры с португальцами в Рио-де-Жанейро.

Альвеар, разделив свои силы на несколько частей с целью поодиночке разбить артигасовские войска, задумал предпринять

решающее наступление. Колонна под командованием Дор-рего разбила отряд Оторгеса и заставила его отступить в Бразилию. Однако настоящего успеха эта кампания Альвеара не имела; причиной этого было отсутствие связи между его офицерами.

В ответ последовала быстрая реакция Артигаса, который предпринял целую серию атак и контратак. Одновременно блестящую кампанию развернул Ривера. К этому следует добавить, что из войск Альвеара началось дезертирство солдат, на которых нападали крестьяне, сочувствовавшие Артигасу; они захватывали лошадей и продовольствие противника.

Обстановка, сложившаяся на театре военных действий в 1814 году, ясно показывала, что имеется реальная возможность полной ликвидации сил Буэнос- Айреса в Восточной провинции. Самым серьезным событием этого года была операция, проведенная Риверой: Преследуемый Доррего, он сумел, однако, атаковать его с тыла во время одного из своих маневров. (Эти маневры вообще были характерны для тактики Риверы: зачастую он во время своих операций не знал, преследует ли он врага или, наоборот, противник преследует его.) В результате сорок солдат противника были убиты, многие взяты в плен; самому Ривере удалось ускользнуть и обосноваться лагерем в Кегуае.

Развитию этих благоприятных военных факторов во многом мешали ссоры, разгоревшиеся среди офицеров Артигаса. Собрав их всех в Корралесе, он призвал их к порядку. Вновь объединившись, они дали новый бой своим противникам — портеньос, положение которых было тогда весьма неважным. Политика, которую они проводили в Восточной провинции, — политика террора, расстрелов, арестов, — не принесла им ожидаемых результатов. Тем временем в других провинциях — в Литорале и дальше, вплоть до Рио-Гранде (Бразилия) и Парагвая, сторонники федерализма укреплялись все больше и больше. В этих условиях требовалось одно: нанести последний удар сторонникам Буэнос- Айреса, тем более что даже между ними самими не имелось единства. Об этом есть прямое свидетельство верховного правителя Буэнос-Айреса Посадаса, который в письме Солеру сообщает о своем беспокойстве существующим положением и даже спрашивает, не является ли все происходящее «делом сумасшедших».

Последний удар был нанесен в битве при Гуайабосе, в которой против Доррего выступили все артигасовские командиры — Ривера, Руфино Бауса, отличившийся при Серрито, и Лавальеха; каждому из них было в ту пору не более тридцати лет. Битва была жаркой, с бешеными атаками и контратаками. 10 января 1815 года она закончилась полным разгромом армии

Буэнос-Айреса.

За день до этого Альвеар, который уже успел вызвать негодование своих офицеров безудержным властолюбием (он попытался стать главнокомандующим армии в Верхнем Перу), был принужден срочно вернуться в Буэнос-Айрес. Его дядюшка Посадас, устав быть послушным инструментом в руках своего племянника, в тот же день отказался от поста верховного правителя. Ложа Лаутаро благодаря маневрам Монтеагудо не нашла лучшей замены Посадасу, как тот же Альвеар.

Эти события ускорили сдачу Монтевидео войскам Артигаса. Правительство Буэнос-Айреса, а тем более Солер, назначенный губернатором, не смогли этому воспрепятствовать; их армия разваливалась, солдаты и офицеры этого города дезертировали. Артигас дал команду приблизиться к Монтевидео и 8 февраля остановился в Кастро, как раз напротив города. Портеньос попытались договориться с противником, чтобы избежать поражения Альвеара. Но, по указанию Артигаса, его войска, окружившие Монтевидео, даже не допустили прохода посланцам Буэнос-Айреса — Николасу Эррера и Лукасу Обесу, которых они считали «иностранцами на своей родине». Ответ Артигаса был лаконичен: никто больше, чем он и его народ, не мечтает о мире, но для этого необходимо одно условие — эвакуация войск Буэнос-Айреса из Монтевидео и провинции Энтре-Риос.

Побежденный и разочарованный Солер отказался от губернаторского поста, который занял Игнасио Альварес Томас. Провозгласив лозунг: «не оставить ни грамма пороха», — он забрал и увез все, что только можно было. В такой обстановке произошел «третий официальный разгром Монтевидео». Под вечер 23 февраля солдаты-портеньос и толпа жителей принялись срывать двери и окна в здании Кабильдо, уничтожать мебель и ящики с документами. Таким образом пытались они приостановить ход истории.

На следующий день при участии Оторгеса и группы жителей собрался Кабильдо; Хуан Мария Перес от имени всех присутствующих обратился к народу с призывом провести новые выборы органов городского самоуправления, так как в нынешнем его составе оно представляло собой ставленников правительства Буэнос-Айреса, и было недопустимо оставлять их. Это предложение было принято немедленно.

27 февраля в город вошли войска Артигаса во главе с Хосе Льюпесом, одним из самых преданных ему офицеров, полностью разделявшим его идеи. Хосе Льюпес, высокий, с большой бородой, одетый как улан, шагал впереди под звуки барабана, неся знамя дивизии.

Оборванные солдаты Льюпеса шли медленным шагом, с Удивлением оглядываясь по сторонам. Одежда их состояла из простого пончо, или накидки, свисавшей с плеч, а шея была покрыта тряпкой. Седла были сделаны из грубой кожи или сырых овечьих шкур. Так выглядело войско патриотов, которое вызвало удивление немногих зевак, еще остававшихся в городе. Как сообщает хроника, войско было встречено скорее с насмешками, чем с радостью. В толпе, однако, раздавались а приветственные возгласы.

Льюпес взял на себя военное управление городом, а Гарсиа де Суньига, избранный, как и другие рехидоры, 4 марта, — политическое.

Новый состав Кабильдо немедленно приступил к организации порядка. Прежде всего надо было разумно распорядиться имевшимися запасами. Решено было начать коллективный сбор продовольствия. Затем была налажена система платежей и налогов, которая из-за грабежей была доведена до полной разрухи.

Артигас приказал Оторгесу войти в город со своей дивизией, о чем он уведомил Кабильдо. Дивизия расположилась в отведенном ей месте, Каса-дель- Фуерте, 21 марта, а 26 марта, в воскресенье, под звон колоколов на этом здании был поднят флаг Артигаса. Эта церемония как бы символизировала и закрепляла декларированную независимость. Португальский капитан Соуза Пратес, находившийся тогда в Монтевидео, стал свидетелем того, как был поднят «трехцветный флаг, наверху красный, в середине голубой и внизу белый». Три горизонтальные полосы имелись на флагах всех провинций, различавшихся только расположением и формой полос.

Через месяц городское управление Монтевидео решило удостоить Артигаса самыми высокими почестями, «имея в виду всем известные его общественные деяния, его личные и гражданские качества, его ревностную борьбу за свободу Провинции». Артигас был назначен «генерал-капитаном Провинции» и получил титул «Защитника и отца свободы народов».

Федеральная лига и протекторат Артигаса

Укрепив власть в Восточной провинции, Артигас попытался сделать еще один шаг по пути осуществления своей мечты — сформировать Федеральную лигу свободных народов. В течение первого года — года его максимальных успехов — и позднее вся область Литораля, пользуясь поддержкой Артигаса, боролась за те же цели.

Широко растянувшийся район междуречья, окаймленный реками Парана, Уругвай и Парагвай, а также равнины, доходящие до предгорий Анд на востоке и до устья Байа-Бланка на западе, с точки зрения географической представляли большой интерес и давали неисчислимые преимущества для скотоводческого хозяйства. Степи, где паслись огромные стада скота, были необыкновенно плодородными и как бы специально созданными для сельского хозяйства; пересекавшие их многочисленные реки, пригодные для судоходства, соединялись с Ла-Платой, Параной и Уругваем. Прекрасный мягкий климат, много дождей — все это также способствовало процветанию. Область Литораля имела большой порт Санта-Фе, в шестистах километрах от устья Параны, а также другие, не менее важные порты, откуда суда могли перевозить грузы к морю.

Артигас, который всегда стремился, чтобы в Восточной провинции понятия «конституция» и «автономия» были неразрывно связаны, считал, что и другие провинции могут иметь такие же стремления. Он считал, что в тех провинциях, где уже возникло понимание собственной действительности, жители их, особенно землевладельцы (крупные или мелкие), поддержат идею создания оборонительно-наступательного союза провинций, направленного против централистской, монополистической, корыстной политики Буэнос- Айреса.

Артигас горячо приветствовал распространение этих идей в соседних провинциях и всеми силами способствовал формированию сознания необходимости автономии и организации. Артигас неоднократно заявлял, что его миссия ограничивается оказанием братской и дружеской помощи провинциям и что только они сами имеют право определить форму правления и наилучшей, с их точки зрения, организации. Такова была сущность его концепции Федеральной лиги — союза, основанного на взаимной военной помощи, которая сделала бы лигу сильной и уважаемой. Смысл же своего «протектората» он

видел именно в том, чтобы всячески укреплять эту идеологию автономии.

Провинция Корриентес, граничащая на севере с Парагваем, географически изолированная, испытывавшая постоянные угрозы со стороны португальцев во время их продвижения к Мисионес, первой откликнулась на борьбу Артигаса еще во время «Великого исхода». Тогда во главе провинции стоял присланный майской Хунтой Элиас Гальван, бывший школьный учитель. Это был человек честолюбивый и недоверчивый.

В 1813 году парагвайский касик Мандуре, поняв, что цели, и которым стремится Артигас, во многом совпадают с его собственными, тоже призвал население поддержать Артигаса. В Курусу-Куатиа он встретился с войсками Буэнос-Айреса и потерпел поражение, но затем взял реванш, победив противника в сражении при Мандисови. Попытки централистов ликвидировать восстание жителей Корриентеса, также как и победить парагвайцев, не увенчались успехом. Солдаты, возвращавшиеся в Буэнос-Айрес с севера, переходили на сторону восставших, как писали сами историки Буэнос-Айреса, на сторону «системы, противоположной нашей идеологии».

В это же время Блас Басуальдо одержал победу над новым губернатором Корриентеса, централистом Домингесом, и назначил Хосе Сильву на пост военачальника этой провинции. 10 марта Хуан Баутиста Мендес, опираясь на поддержку народа, сместил Домингеса и занял его пост. Немедленно Кабильдо обратился к Артигасу с письмом, в котором извещал о присоединении к нему. Не помешала этому даже измена одного из пламенных сторонников Артигаса, молодого корриентинца Хенаро Педро Горриа, который пытался по договоренности с Буэнос-Айресом воспользоваться лозунгами автономии в своих личных интересах. Горриа был разбит Власом Басуальдо, взят в плен и расстрелян. Знамя федерализма, поднятое Хосе Сильвой 13 января 1815 года, продолжало развеваться, и Корриентес вступил в лигу.

Присоединение провинции Энтре-Риос к лозунгам автономии состоялось еще в 1813 году. Тогда в лагерь Артигаса в Айуи прибыли деятели этой провинции, недовольные существующей властью, а также индейцы Мисионеса. Все они вернулись оттуда сторонниками федерализма.

Мы уже упоминали, что после снятия осады с Монтевидео и появления знаменитого декрета Посадаса, Артигас начал готовиться к сражению с войсками Буэнос-Айреса. Чтобы завербовать себе союзников, Артигас послал в Энтре-Риос эмиссаров для разъяснения смысла «Инструкций» и проекта

создания Федеральной лиги. Жители сочувственно отнеслись к этой идее. Тогда же несколько местных лидеров — Эусебио Эреньу, Грегорио Саманиенго, Хервасио Корреа — возглавили партизанские действия против армии Буэнос- Айреса, которые почти все окончились их победой.

Имеется множество свидетельств того, что восстания в Энтре-Риосе были всеобщими. Говорили, что все дома там опустели, так как даже женщины покинули их; все, буквально все ушли защищать свою территорию от войск Буэнос-Айреса. С этого момента Энтре-Риос стал предметом такой же заботы Артигаса, как и Восточная провинция, и он никогда не оставлял соседей без помощи. Именно здесь впервые был поднят флаг федерализма. Официально же, как символ лиги, этот флаг был поднят 1 марта 1815 года.

Когда 28 февраля 1815 года авангард войск Артигаса подошел к Арройо- де-ла-Чина, туда прибыли также эмиссары из Кордовы, которые просили его защиты от портеньос. Кордова, расположенная у самого подножия Кордильер, где кончается прибрежная область Литораль, больше других провинций страдала и в экономическом и в политическом отношении от политики Буэнос- Айреса.

В начале марта 1815 года Артигас, выполняя просьбы провинций, двинулся к Паране. Это было время, когда рушилось диктаторское правительство Альвеара, подтачиваемое противоречиями и недовольством его честолюбием. Были приняты срочные меры: правительство через английского посла в Рио-де-Жанейро Стренгфорда обратилось за помощью к Англии, но получило отказ. Миссия Николаса Эрреры к Артигасу тоже потерпела неудачу. Тогда Альвеар послал к нему новых эмиссаров из числа тех, кто был с ним как- то связан ранее, но и это не имело успеха. Вождь Восточной провинции не удовлетворялся больше уступками в вопросах торговли и свободного передвижения, которые ему предлагал Буэнос-Айрес, а требовал политических гарантий для всех провинций, входящих в лигу. Эти предложения Артигаса были последней соломинкой, за которую в отчаянии ухватился Альвеар, пытаясь спасти свою монархическую камарилью. События внутреннего порядка ускорили его падение: в Фонтесуэлас. возник бунт, и аргентинские военные лидеры, возглавляемые Альваресом Томасом, покончили с режимом Альвеара. Это произошло 11 апреля 1815 года. Альвеар нашел убежище на английском фрегате, который отвез его в Рио-де-Жанейро, под крылышко его королевского величества.

Пламя революции охватывало и другие провинции. В Санта-

Фе губернатором был централист Эустакио Диас Велес; в начале марта 1815 года, когда Артигас двигался к Ла-Бахаде (Парана) с целью поддержать жителей Санта-Фе и Кордовы, губернатор послал к нему Франсиско Таррагона. Однако результата эта попытка не дала.

Артигас начал снаряжать своего брата Мануэля Франсиско к индейским касикам Кайасты и Сан-Хавьера, а в это же время один из его офицеров, Эреньу, вынудил сдаться Диаса Велеса, который в тот же день (24 марта) отплыл в Буэнос-Айрес, оставив свою столицу в руках артигистов. При таких обстоятельствах провинция Санта-Фе вошла в Федеральную лигу. Два дня спустя Кабильдо назначил губернатором провинции Франсиско Кандиотти и вывесил трехцветное знамя.

Получив приглашение от Кабильдо, Артигас, находившийся в Ла-Бахаде (Парана), переплыл реку и прибыл в столицу Санта-Фе, эскортируемый отрядом в пятьдесят человек. Население города с энтузиазмом приветствовало его. В его привлекательной внешности человека из народа было что-то от патриарха. После окончания торжеств Артигас вернулся в Ла-Бахаду в сопровождении своего кортежа и индейцев. Этим он дал понять, что его миссия «протектора» окончена. 26 апреля он утвердил Кандиотти на пост губернатора.

Как уже говорилось, в начале 1815 года Кордова направила к Артигасу своих эмиссаров, чтобы получить его поддержку в борьбе против гнета портеньос. Борьба между централистами и федералистами внесла такую разруху в эту провинцию, что там все жаждали политической стабильности и восстановления нормальной жизни. Артигас тогда обещал приехать в Кордову, но не раньше, чем он осуществит свою миссию в Санта-Фе. Оттуда он посылал кордовскому Кабильдо свои рекомендации. За это время политическая ситуация в Кордове обострилась до такой степени, что губернатор-централист сам ушел в отставку, уступив свой пост Франсиско Хавьеру Диасу. Таким образом, даже не потребовалось вмешательства Артигаса, достаточно было лишь его морального авторитета.

Порвав с Буэнос-Айресом, Кордова направила к Артигасу своих депутатов для официальных переговоров, которые состоялись в Ла-Бахаде и в итоге которых кордовцы согласились принять участие в конгрессе в Арройо-дела-Чина.

От имени благодарной провинции была заказана шпага с надписью: «Кордова в первые дни борьбы своему протектору и бессмертному генералу Хосе Артигасу. 1815 год». Правда, этот дар так и не был вручен, но история не забыла об этом.

Связь провинции Мисионес с протектором была весьма

давней, еще со времен «Великого исхода». Расположенная на северо-востоке страны, зажатая, как клин, между Бразилией и Парагваем, эта провинция была населена индейцами. Ныне индейцы Мисионеса и соседних районов видели в Артигасе не преследователя, а защитника их прав. Поэтому Мисионес стал одним из главных оплотов федерализма, именно отсюда вышло множество военачальников Артигаса. В 1811 году, во время португальского вторжения, Мисионес превратился в «железный арьергард» армии Артигаса.

Когда в 1814 году началась гражданская война в Ла-Плате, Мисионес также играл важную стратегическую роль, главным образом благодаря своему географическому положению. Военачальником этой местности был назначен Блас Басуальдо, знаменитый Бласито. Талантливый и искусный полководец, он особенно отличался в первые годы войны. Человек он был оригинальный. Он частенько появлялся в живописной одежде: зеленых бархатных брюках, красной куртке с золотыми эполетами и двойным рядом пуговиц, с пончо на плечах и в сапогах из жеребячьей кожи. Таким его видели во время его поездок по провинции Энтре-Риос, когда он объяснял смысл и значение «Инструкций 13-го года». Он умер в первые месяцы 1815 года. Артигас отправил Кабильдо Монтевидео письмо, исполненное печали, в котором сообщал об этом грустном событии и просил воздать высшие почести памяти соратника.

Пост Басуальдо занял после его смерти капитан улан, индеец из Сан- Борхаса, уроженец Мисионеса по имени Андрее Гуакурари-и-Артигас — так он подписывался в своих прокламациях; в историю же он вошел под именем Андресито. Он был убежденным сторонником Артигаса, а этот испытывал к нему горячую привязанность, видя в индейце символ угнетенной расы. Андресито стал верным глашатаем федерализма. Обращаясь к индейцам как к своим братьям, он говорил им:

— Теперь, любимые братья мои, откройте глаза. Я пришел защитить вас, пришел за вами, потому что вы мои ближние, мои родные.

Артигас впервые встретил Гуакурари в Айуи, куда тот пришел просить помощи для своего народа. Это был молчаливый молодой человек, среднего роста, с характерной индейской внешностью. Весь его облик говорил о его древних предках.

Итак, и в Мисионесе в ноябре 1815 года было поднято трехцветное знамя федерализма.

Конгресс в Арройо-де-ла-Чина и лагерь Артигаса в Пурификасионе

Одна за другой провинции, расположенные в междуречье, отказывались признать временный статус, утвержденный в Буэнос-Айресе еще в мае 1815 года, но все они соглашались отправить своих делегатов в город Тукуман, где предполагалось провести завершающий конгресс провинций.

Артигас хотел до этого провести конгресс в Арройо-де-ла-Чина и на нем сформулировать политическую и экономическую программу лиги. В марте Артигас сообщил об этом Андресито и в тот же день отправил аналогичные послания в Корриентес, Энтре-Риос, Кордову и Санта-Фе. Делегаты этих провинций прибыли в Арройо-де-ла-Чина. Провинцию Восточного берега представляли Франсиско Мартинес, Мигель Баррейро и другие. Некоторые делегаты, как например от Санта-Фе, привезли рекомендации, которые во многом совпадали с платформой Артигаса и также основывались на принципах, сформулированных в «Инструкциях 13-го года».

Незадолго до созыва этого конгресса, когда фактически еще шла война между Артигасом и Буэнос-Айресом, пало правительство Альвеара и верховным правителем стал Альварес Томас. Он тотчас же объявил об отмене декрета, которым Артигас был поставлен вне закона, и высказал свое негодование по поводу этого документа, а также послал Артигасу в качестве личных даров и в знак его реабилитации золотые часы и две печати. Со своей стороны, Кабильдо Буэнос-Айреса публично сжег на площади пресловутый декрет Альвеара. Тогда же новое правительство направило к Артигасу двух посланцев. Один из них, Франсиско Бруно Риварола, находился в дружеских отношениях с вождем Восточной провинции и в свое время был даже делегатом, которого Артигас направил в Буэнос-Айрес; другого посланца звали Блас Хосе Пико.

14 июня 1815 года они прибыли в Пайсанду, а затем в Пурификасион — лагерь Артигаса. При переговорах он изложил им свои принципы, главным из которых было заключение наступательно-оборонительного союза Буэнос- Айреса с провинцией Восточный берег и с другими провинциями. В основу этого союза должна быть положена хартия, которая будет принята в Тукумане. В ответ на это посланцы Буэнос-Айреса изложили

свои предложения, которые никоим образом не могли удовлетворить сторонников федерализма. Переговоры поэтому были прерваны.

Артигасу стало ясно, что хотя политика нового правительства Буэнос- Айреса значительно изменилась по сравнению политикой Альвеара, все же в столице по-прежнему господствовали централистские концепции, выражавшие стремление Буэнос-Айреса к экономическому господству и монархическому правлению.

В это же время в Пурификасион прибыла делегация от Кабильдо Монтевидео с целью примирить Артигаса с городскими властями. Видя, как мало внимания проявили они к предложенным им мерам, Артигас ранее отправил заявление об отставке. О том, что произошло в Монтевидео при Оторгесе с февраля по июнь 1815 года, мы расскажем позже. Сейчас, нарушая хронологию, опишем, как проходил конгресс в Арройо-де-ла-Чина, а также расскажем о том, что представлял собой лагерь Артигаса в Пурификасион — своего рода штаб протектора Федеральной лиги.

Первое заседание конгресса в Арройо-де-ла-Чина состоялось 29 июня. Открывая заседание, Артигас начал свою речь с того, что подробно изложил ситуацию, создавшуюся в процессе переговоров с делегатами Буэнос-Айреса Пико и Риваролой. После длительного обсуждения было решено послать в Буэнос-Айрес четырех депутатов, чтобы вновь сформулировать принципы, ранее высказанные Артигасом, а теперь ставшие общей программой объединенных провинций. В Буэнос-Айресе были осведомлены о конгрессе в Арройо-де-ла-Чина, так как Артигас регулярно сообщал о всех происходивших на нем событиях.

11 июля депутация конгресса прибыла в Буэнос-Айрес, а через месяц вернулась в Арройо-де-ла-Чина. Миссия ее закончилась полным провалом. На предложения депутации Буэнос-Айрес ответил отправкой в провинцию Санта- Фе военной экспедиции под командованием генерала Виамонте.

Артигас нередко задумывался над тем, где следовало бы расположить штаб Федеральной лиги. Он должен был находиться в таком месте, откуда можно было бы наблюдать за противником и в случае необходимости быстро приходить на помощь провинциям, входившим в состав лиги. Такое место было найдено на плоскогорье Эрвидеро, на берегу реки Уругвай, в тридцати километрах к югу от города Сальто. Называлось оно Пурификасион (очищение), что как бы подчеркивало чистоту целей лиги. В июне Артигас прибыл сюда со своим штабом.

С географической точки зрения место было очень выгодным. Плоскогорье Эрвидеро заканчивалось глубоким оврагом, на дне которого с шумом мчалась бурная река.

Отсюда, с высоты, видно было все, что происходит на территории протектората. Прямо, на низком берегу реки, лежали степные просторы провинции Энтре-Риос. На флангах протекали реки Чапикуй и Эрвидеро, притоки реки Уругвай. Они растянулись вдоль всего высокого плоскогорья, позади которого терялись в дымке холмы провинции Восточного берега. Таким образом, место было выбрано очень удачно. Отсюда можно было меньше чем за два дня дойти до Монтевидео и еще скорее — до границ с Бразилией. Но ближе всего, примерно в часе езды, находилась провинция Энтре-Риос, за честолюбивыми каудильо которой Артигас должен был наблюдать особенно тщательно.

В лагере Пурификасион, помимо войск и свиты Артигаса, находились пленные, захваченные во время военных действий, а также приезжавшие сюда политические союзники; были здесь и торговцы, мелкие лавочники, ремесленники и различный люд, обслуживавший лагерь.

Сам городок состоял из дюжины домов и нескольких бедных ранчо. Дом Артигаса был более чем скромен, чтобы не сказать беден. В этой спартанской обстановке он жил и руководил теми провинциями, которые находились под его протекторатом.

Сохранились свидетельства людей, посетивших Артигаса в этом доме. Один из них, английский торговец Робертсон, занимавшийся перепродажей кож в местечке Гойа, оставил прекрасные мемуары, в которых он рисует Артигаса в его домашней обстановке. В то время как Артигас «ел жареное мясо, запивая его можжевеловой водкой, налитой в рог», оборванные офицеры из ближайшего окружения Артигаса тоже ели и пили, сидя у очага, зажженного прямо на полу. Робертсон отметил, что Артигас сидел на воловьей шкуре, так как стоявшие в комнате два стула были заняты его секретарями, которые писали что-то под его диктовку, не обращая никакого внимания на суматоху, царившую в доме. Пол был усеян конвертами, на которых можно было прочесть имя адресата; «Его высочеству протектору». Автор воспоминаний добавляет; видя Артигаса за работой, он подумал, что, если бы дела всего мира легли на его плечи, он вел бы себя точно так же: «Этот человек, казалось, был совершенно отрешен от окружавшей его суеты и шума; и если бы можно было говорить о нем только с одной этой стороны, то я назвал бы его самым великим полководцем наших времен».

Чтобы дополнить картину внутреннего убранства дома Артигаса, надо сказать, что в комнате стояла еще походная

кровать. Все здесь говорило об аскетическом, почти монашеском образе жизни хозяина.

Артигас управлял и руководил спокойно, всегда оставаясь таким же патриархальным и демократическим. Это о нем сложили куплеты:

Народ зовет тебя другом,
Солдат называет отцом,
Ты милостив к побежденным
И яростен в битве с врагом…

Артигас управляет Восточной провинцией

Дернемся теперь к тому, что происходило в Монтевидео, который находился тогда в очень тяжелом положении. После того как испанцы оставили город, его начали грабить аргентинцы. За исключением кучки богачей, население жило в нищете. В городе чувствовалось отчаяние и глухое сопротивление жителей (почти без исключения — испанцев) политике новой власти, власти патриотов.

Был еще один важный момент в жизни города — поведение губернатора Монтевидео Оторгеса. Больше всего его заботили его костюмы (он уделял этому много внимания) и его дом, обставленный дорогой мебелью и увешанный коврами. Человек низкой культуры, он как был, так и остался малограмотным сельским управляющим. Ничего не сделал он для того, чтобы наладить управление городом. Естественно, что вскоре Оторгес стал игрушкой в руках бессовестных политиканов, которые попытались противопоставить его власть власти Кабильдо и даже Артигаса. Он постепенно скатывался на путь, ведущий к измене революции.

Эти политиканы (Артигас называл их «плохие американцы») сеяли интриги и ссоры, сталкивая Оторгеса с Кабильдо по всем проблемам, и прежде всего по вопросу о налогах. Они всячески защищали такие меры, против которых выступал Артигас, мечтавший, чтобы народ, наконец, смог свободно вздохнуть, избавившись от бесконечных поборов, и не дрожал бы от страха при одном слове «контрибуция». Столкновения происходили и по многим другим вопросам. Интриганы не только сеяли смуты, но и организовывали беспорядки с целью удержать губернатора у власти даже тогда, когда Артигас предложил Оторгесу уйти в отставку. Оторгес совершал вместе со своей камарильей множество злоупотреблений; Кабильдо, в сущности, тоже занимался вымогательством, хотя и во имя добрых целей, в частности, облагал налогами торговлю, которая и без того влачила жалкое существование. Узнав об этом, Артигас написал письма в Монтевидео, сначала из Ла-Бахады, а затем из лагеря в Пурификасионе. Он писал в них, что чрезвычайно озабочен всем происходящим. А 24 мая Артигас послал просьбу об отставке, в которой писал, что «он отдает народу Восточного берега власть, предоставляя ему возможность предпринимать те меры, которые он сочтет нужным для гарантирования безопасности и счастья».

Одновременно он просил сообщить, кому он должен передать войска и снаряжение, которые находились в его распоряжении. «Я бессилен, — писал Артигас, — служить нашему делу в условиях, когда мои предложения не уважаются и не утверждаются».

Письмо Артигаса взволновало членов Кабильдо — они считали свои действия вполне правильными и не видели за собой вины. Чтобы ликвидировать конфликт, они решили послать к Артигасу миссию. В нее вошли два человека: Антолин Рейна и Ларраньяга, когда-то бывший делегатом от Восточного берега на ассамблее и оставшийся в Буэнос-Айресе после получения там поста. Теперь Ларраньяга занимался в Монтевидео церковными делами и был, как и Антолин Рейна, рехидором городского совета. Получив письменные полномочия, они отправились в Пурификасион: Ларраньяга был человеком наблюдательным и впоследствии написал заметки о своем путешествии. Эти заметки являются весьма важным документом, дающим представление о провинции Восточного берега той эпохи, а также рисующим облик Артигаса и его штаба.

Эмиссары выехали из Монтевидео в последнее воскресенье мая в повозке, запряженной двумя мулами, в сопровождении эскорта из восьми человек. Они пересекли многоводную реку Санта-Лусию и теперь ехали по выжженной дороге. Пустынный и дикий пейзаж смягчали посевы кукурузы, пшеницы и тыкв. Изредка в этой пустынной местности встречали ранчо, рядом с которыми обычно находились своеобразные амбары — вернее, навесы из бычьих шкур, растянутых на четырех жердях, где крестьяне хранили зерно.

Ларраньяга отмечает, что здесь в хозяйстве используется для самых разных целей один и тот же материал — кожи. Из кожи делали крыши, окна, стены, многие орудия труда голубятни и даже лодки.

Кое-где давали о себе знать трудности здешней жизни. Нищета и нехватка жилищ были так велики, что иногда путешественникам приходилось ночевать под деревом, около какого-нибудь ранчо, рядом с амбарами. Так как время было зимнее, они согревались у очага, укрывшись шкурами. Огонь очага спасал их от нападения диких собак — эти собаки были настоящим бичом этих мест еще со времени борьбы против английской интервенции. Ужинали они тут же, у очага, куропатками или тушеным говяжьим мясом с овощами.

Ларраньяга рассказывает далее: после переправы через речку Монсон рехидор Рейна заметил ему, что они находятся на его землях. Как замечает автор, «каждое из здешних поместий было так велико, что территория его была больше многих стран

Европы».

Пройдя Мерседес, они пересекли реку Рио-Негро. Здесь они встретились с Риверой, который переправлялся через реку в каноэ. Они беседовали с ним около часа. Ларраньяга описывает его как молодого человека лет двадцати пяти, хорошего телосложения, с большими глазами. Он был вежлив и выражался изысканно. Одежда его была довольно простой: английские ботинки, панталоны и куртка из тонкой шерсти, большое сомбреро. На нем не было никаких знаков отличия, кроме сабли и шелковой петлички красного цвета. Его сопровождал адъютант, одетый точно так же.

После двенадцати дней путешествия миссия приехала в Пайсанду, куда в то же время прибыли и другие депутации, в том числе двое посланцев Буэнос- Айреса — Пиво и Риварола. Ларраньяга называет Пайсанду «городом индейцев»; он невелик, в нем не более двадцати пяти домов, все они соломенные; вблизи города расположены английская скотобойня и порт, в котором стояли два корабля под английским флагом. «Вот и все, что можно было здесь увидеть», — заключает Ларраньяга.

Лагерь в Пурификасионе, куда они вскоре прибыли, был в то время оживленным политическим центром. В ранчо, которое служило помещением для охраны, находились военачальники, присланные сюда правительством Буэнос-Айреса в распоряжение Артигаса (он приказал им вернуться, и об этом мы расскажем ниже). Эти люди возвращались домой, убедившись в том, что Артигас не был «ни зверем, ни преступником, каким рисовали его соперники и завистники», пишет в своих мемуарах Ларраньяга.

Посланцы Монтевидео были поражены почти нищенской обстановкой, в которой жили Артигас и помощники. Жилище Артигаса, по словам Ларраньяги, состояло из двух комнат в доме с плоской крышей. Рядом с домом находилась кухня. В комнате стояли «кожаный сундук и походная кровать без матраса, которые служили одновременно и для сна и для сиденья. В каждой из комнат было по одному простому столу, из тех, которые стоят здесь в крестьянских домах, один для еды, другой служил как письменный. Мне кажется, — добавляет Ларраньяга, — что в доме была также лавка и три простых стула».

Когда депутаты приехали, Артигас обедал, и потому их принял Баррейро, секретарь и родственник Артигаса, «раздевший его труды и лишения, человек слабой комплекции, разговорчивый и несколько задумчивый». В четыре часа дня явился Артигас со своим адъютантом и небольшой свитой. Ларраньяга пишет:

«Он принял нас без всякой заботы об этикете. Он ни в чем не походил на генерала и был одет как крестьянин, очень скромно:

синие панталоны и куртка без всяких украшений, сапоги и белые чулки, круглая шапка на белой подкладке, поверх одежды был накинут ворсистый шерстяной плащ — вот, пожалуй, и все, что у него было, да к тому же это все было бедное и изношенное».

Артигас, как вспоминает далее Ларраньяга, «был человеком среднего роста, крепкого телосложения, с правильными чертами лица и орлиным носом. Кожа у него была довольно светлая, а волосы темные, с небольшой сединой. На вид ему можно было дать лет сорок восемь. Он был приятен в беседе, разговаривал спокойно, с паузами. Его трудно было удивить долгими рассуждениями, ибо он обладал способностью в нескольких словах сформулировать все сложные проблемы, В нем чувствовался большой опыт, осторожность и исключительная чуткость. Артигас хорошо знал человеческие сердца и прежде всего сердца своих соотечественников, и поэтому никто не мог сравниться с ним в искусстве быть вождем. Все окружающие испытывают к нему чувство любви, хотя и живут в полной нищете и плохо одеты. Происходит это не потому, что в городе нет продуктов и одежды, а потому, что он не хочет обременять население налогами».

Делегаты Монтевидео принялись излагать Артигасу цель своей миссии. Артигас заметил, что Кабильдо не выполнил его указаний относительно налогов и по другим проблемам.

Но мы ничего не замышляли против вашего авторитета, — ответил Ларраньяга. — Как можно даже предполагать это, если Кабильдо предоставил вам самые неограниченные полномочия для организации федерации провинций во имя нашей независимости.

Если это так, — ответил Артигас, — то как могло произойти, что вы не выполнили моих приказаний и Оторгес до сих пор находится на своем посту, в то время как он должен явиться в войска?

Беседа продолжалась до сумерек, но протектор не был удовлетворен объяснениями, которые ему были даны. Затем был сделан перерыв на ужин, который описан Ларраньягои очень подробно.

«Немного жареного говяжьего мяса, бульон, хлеб и вино, которое пили из чашек, так как стаканов не было. Ели оловянными ложками, без ножей и вилок. Присутствовавшие сами принесли несколько тарелок и цинковое блюдо. Для сиденья имелись три стула и кожаный сундук, так что некоторые ели стоя. Чтобы полностью представить обстановку, добавим, что стол был покрыт скатертью из хлопка, выделанного в Мисионес, а салфеток не было. Как я узнал позже, большинство вещей было одолжено

для этого случая. После ужина все отправились спать. Генерал уступил мне не только свою кожаную походную кровать, но и всю комнату, сам же удалился в ранчо. Он не стал слушать моих извинений, не обратил внимания на мое сопротивление, и не было ни малейшей возможности заставить его уступить в этом вопросе».

На другой день, 13 июня 1815 года, Артигас пришел в дом едва рассвело и застал всех в постели. «Мы немедленно встали, — продолжает автор мемуаров, — произнесли молитву и принялись за завтрак. Правда, не было ни чая, ни кофе, ни молока, ни яиц, не было даже мате, а был лишь напиток, нечто вроде горячего пунша, куда положили два взбитых яйца, которые с трудом где-то добыли. Напиток этот подали в большом кувшине, и сосали его через бомбилью (трубку), передавая кувшин из рук в руки. Нам ничего не оставалось, как примириться с этим спартанским обычаем».

После завтрака снова начались переговоры. Обсудив еще несколько пунктов, делегаты дали официальное обещание закрыть порт, как это было раньше приказано, и выполнить инструкции, касающиеся возвращения незаконно взятой контрибуции, выяснения поведения некоторых рехидоров во время беспорядков, учиненных сторонниками Оторгеса, и отправки Оторгеса со своими войсками на границу. Посланцы двинулись в обратный путь и 26 июня уже были в Монтевидео: Они тотчас же доложили Кабильдо о результатах переговоров и начали осуществлять инструкции Артигаса. Таким образом были восстановлены прерванные отношения.

Успехи федералистского движения привели к тому, что в Буэнос-Айресе было принято поистине удивительное решение. Военачальники из числа сторонников смещенного Альвеара были отосланы к Артигасу, чтобы он расправился с ними по своему усмотрению. Прибывшие пленники были высшими офицерами. Их поселили невдалеке от лагеря. Занятый множеством дел, в том числе переговорами, с делегатами Буэнос-Айреса Пико и Риваролой, Артигас позабыл о пленных. Трудно представить себе, что думали об этом в Буэнос-Айресе, как объясняли там поведение Артигаса; возможно, там считали, что он расстреляет пленников.

Незадолго до того, как депутаты Буэнос-Айреса вернулись домой, Артигас навестил пленных офицеров. Они были построены в шеренгу. Он поздоровался со всеми, спросил имена, внимательно вглядываясь в каждое лицо, — рассказывает один из них, майор Антонио Диас, бывший ранее офицером Артигаса, так же как и Вентура Васкес. За исключением Диаса и Васкеса,

Артигас никого из них лично не знал.

Полковник Васкес стоял крайним в шеренге. Артигас быстро взглянул на него и, держа бумагу в руке, начал речь.

— Я сожалею, сеньоры, что вижу в оковах людей, которые боролись и сделали немало во имя общего дела. Правительство Буэнос-Айреса прислало вас ко мне, чтобы я покончил с вами. Но у меня для этого нет никаких оснований. — Артигас поднял бумагу и показал ее пленным. — Здесь мне сообщают, что вы вели войну против меня, но я знаю, что виноваты в этой войне не вы, а те, кто объявил меня в декретах предателем и убийцей, и те, кто называл меня так в газетах за то, что я защищал права жителей Восточного берега и других провинций, обратившихся ко мне за защитой.

Пленные слушали его внимательно, в большинстве опустив головы. Диас пытался сохранить спокойствие, хотя было ясно, что он находится в смятении.

— Если вы вели войну против меня, — продолжал Артигас, — то ведь я могу сказать то же самое и о моих офицерах, которые подчиняются моим приказам, как вы подчинялись приказам своих начальников. Возможно, есть и другие основания для расправы с вами, но к ним я не имею ни малейшего отношения — я ведь не палач правительства Буэнос-Айреса.

Последние слова Артигас произнес медленно и отчетливо, глухим голосом. Лицо его не выражало волнения или слабости, видны были лишь морщины — следы бесконечной усталости.

Артигас снова спросил у каждого пленного его имя и звание. Первыми ответили Фернандес, Бальвастро, Ларреа, Суфриатеги и Пайардели. Затем почти все хором сказали:

— Генерал, мы ни разу не участвовали ни в одной битве против вас.

Тогда Артигас взглянул на Диаса и Васкеса. Оба они заявили:

— Генерал, мы вели войну против вас.

В ответ Артигас тихо промолвил:

— Да, я знаю, но дело от этого не меняется.

Пленные рассказали Артигасу о событиях 15 апреля (путч в Фонтесуэлас) и о том, как жестоко отомстили им нынешние правители. Артигас слушал их молча, потом произнес: «Да, кто способен на такие поступки…» — и, не закончив фразу, обернулся к Диасу и Васкесу и сказал:

— Народ в Ла-Бахаде рассказывал, что вас и других офицеров, всего около десяти человек, приговорили к расстрелу, когда пало правительство Альвеара…

Васкес ничего не ответил. Артигас внимательно смотрел на него — этот уроженец Восточного берега был одним из самых

непримиримых врагов вождя, это он еще в Айуи перешел со своим полком к Сарратеа. Артигас приблизился к ним и спросил Диаса:

— Вы видите теперь, как отблагодарили портеньос нашего друга дона Вентура?

Диас пытался пролепетать что-то, но Артигас остановил его движением руки.

— Ладно, с этим уже давно все кончено, — и он едва заметно улыбнулся. — Это все старые грустные воспоминания. — Повернувшись к седому полковнику Бальвастро, он спросил его: — Сколько вам лет и в каких войсках вы служили?

Бальвастро ответил ему, коротко рассказав о кампании в Перу и о многих битвах, в которых он участвовал с 1810 года. Артигас выслушал его и задумчиво сказал:

— Подумать только, даже среди нехристей вы не встретили бы такого вероломства! — Затем он обратился к пленным: — Вам будет предоставлено все необходимое для удовлетворения ваших насущных нужд. Не удивляйтесь, что я не приказываю снять с вас кандалы: сейчас ведутся переговоры с правительством Буэнос-Айреса, и, если они не увенчаются успехом, я буду вынужден вернуть вас в таком же виде, как получил.

И Артигас удалился. Пленные видели, как он шел медленным шагом, слегка сутулый; лицо его выражало явное огорчение.

Спустя четверть часа пришел начальник охраны с двумя солдатами, которые по приказанию Артигаса были выделены в распоряжение пленных. Начальник охраны сказал:

— По указанию Артигаса дверь в ваше помещение остается открытой. Вы можете ее сами закрыть после восьми часов. Вы можете позвать через часового двух солдат, которые находятся в вашем распоряжении. Вы не имеете права писать кому-либо или использовать кого-либо для отправки сведений о себе.

Наступила зима, а вместе с ней холода. Пленные были плохо одеты. Они попросили, чтобы разожгли огонь в ранчо, где они жили. Это было им разрешено. В солнечные часы им разрешалось выходить на воздух. Вот что писал об этом Диас.

«Положение наше после разговора с Артигасом значительно улучшилось. Страх по поводу нашего будущего совершенно рассеялся. Мы встретили гуманные чувства и принципы справедливости в человеке, которого молва называла чудовищем, и он дал нам доказательства своего сочувствия в тот момент, когда мы со страхом готовились к смерти».

Переговоры с делегатами Буэнос-Айреса не дали никаких результатов, и через двенадцать дней пленные были отправлены обратно.

Прощаясь с ними, Артигас сказал:

— Я хотел бы отпустить вас на свободу и остаться с вами, но мир еще не наступил.

Он проводил их до берега вместе со своей свитой. Когда они начали садиться в лодки, Артигас подал руку старому полковнику Бальвастро, который уезжал совсем больной. На прощание пленные поблагодарили Артигаса за великодушие и внимание, которые, по их словам, они никогда не забудут.

Деятельность и принципы правительства Артигаса. Несколько слов о его личной жизни

После ликвидации конфликта с Кабильдо Монтевидео Артигас вновь занялся делами управления, которое носило своеобразный патриархальный характер, или, как тогда говорили, «патерналистский». Этим во многом определялась и его политическая линия. Оторгес уехал, оставив у жителей не слишком приятные воспоминания о себе и своих войсках, в частности о некоторых его офицерах. Созданная декретом от 16 марта Хунта безопасности, целью которой было ликвидировать последствия злоупотреблений, допущенных под покровительством либерального Кабильдо, отправила в штаб в Пурификасион нескольких антипатриотов. Власть Артигаса в Монтевидео была продлена до 19 июля, когда Фруктуосо Ривера был назначен командующим гарнизона. Ривера прибыл 27 июля и остановился в пригороде Монтевидео; в город он явился только 31-го числа. Шесть эскадронов и отряд гренадеров разместились в Форте; пришлось срочно их экипировать, так как одежда их была в самом жалком состоянии. Новая форма для войска была получена от английского предпринимателя Стюарта, который в уплату за это получил торговые привилегии. Ривера был очень тверд в отношении дисциплины и порядка и руководство войсками осуществлял весьма умело.

Артигас стремился одновременно укреплять административную власть и власть экономическую, а также политическую свободу граждан. Он отправил своего кузена Баррейро в Монтевидео и сообщил Кабильдо в письме от 13 августа, что его посланец, обладающий честностью и прямотой, должен возглавить самые различные области административного управления. Артигас особенно рекомендовал ему обеспечить «личные права граждан» (он был верным последователем руссоизма), установить порядок, исключающий преследование людей за их взгляды, и дать им возможность вздохнуть спокойно после всех перипетий революции.

Баррейро приехал в Монтевидео и занял свой пост 29 августа 1815 года. Он исполнял обязанности с присущим ему здравомыслием и честностью и находился у власти до 18 января 1817 года, когда началась эвакуация из-за вторжения португальской армии, то есть менее полутора лет. И все же этого

времени было достаточно, чтобы определить общее направление политики в новорожденном государстве, появившемся на территории Ла-Платы, политики, которая руководствовалась прогрессивной буржуазно-революционной концепцией.

Мы почти ничего не сказали о личной жизни Артигаса. Неужели этот человек не был подвержен страстям, не испытывал чувства любви? Неужели у него не было собственного дома, жены, близких, среди которых он мог бы найти отдых от тягот походной жизни? Бывали периоды, когда могло показаться, что у него вообще нет семьи. Его деятельная натура не знала ни минуты покоя, и почти всегда его личные заботы отходили на второй план из-за множества государственных забот.

Впрочем, проблемы семейной жизни не раз появляются в его письмах. Он уже давно не жил вместе с Рафаэлой Росалией, так и оставшейся душевнобольной. Немало современников считали, что его единственной большой любовью была Исабель Веласкес, мать его сына Мануэля, с которой он встретился в молодости. Однако нет полной уверенности, что это было на самом деле так.

Что произошло с Исабель? Что потом стало с Рафаэлой Росалией? Действительно ли только ее болезнью вызван был этот развод?

В те годы, когда Артигас находился в самом центре исторических событий, Франсиска Артигас, его теща, которая жила в Монтевидео вместе со своей дочерью и внуком (сын Артигаса Хосе Мариа достиг уже школьного возраста), решила переехать в Гвадалупе. Она сообщала об этом в письме от 17 апреля. Она надеялась, что им там будет легче жить. Ренты от двух домов в Монтевидео ей не хватало, так как квартиросъемщики никогда не платили денег вовремя. Артигас ответил своей теще не как протектор многих провинций, а как солдат революции: он рекомендовал ей «запастись терпением» в ожидании, что все это как-то наладится.

Ларраньяга и его спутники, посетившие лагерь в Пурификасионе, собственными глазами увидели, как беден был Артигас. Кабильдо, узнав о стесненном положении его семьи, решил ему помочь: он предложил донье Франсиске остаться в Монтевидео, чтобы сын Артигаса мог учиться. Кроме того, им была назначена пенсия в сто песо и был достойно обставлен новый дом. Зная щепетильность своего мужа, Рафаэла в письме от 21 июля поблагодарила Кабильдо и заявила, что она не сможет переехать в новое помещение до тех пор, пока ее муж не даст на то согласия.

Через несколько дней, 31 июля, Артигас писал городским властям Монтевидео:

«Я знаю лучше чем кто-либо, как много нужд имеется в провинции, и я никогда не смог бы согласиться на столь роскошные преподношения, не изменив собственным принципам. Я согласен лишь на то, чтобы моя жена и моя теща переехали обратно в собственный дом, дабы мой сын мог получать образование, и на то, чтобы выплачивать им пенсион в 50 песо. Я соглашаюсь на эти расходы только потому, что мои собственные средства не позволяют мне самому это сделать».

Когда депутация вернулась из лагеря в Пурификасионе и стало известно, в какой нищенской обстановке жил Артигас, Кабильдо решил послать ему самому ряд вещей. Были посланы: серебряный письменный прибор (он показался Артигасу ненужным расточительством), две дюжины серебряных вилок, ножей и ложек: стеклянная и фарфоровая посуда, полотно, столовое белье, а также новая походная кровать с матрасом и двумя подушками.

* * *

Что представляла собой тогда провинция Восточного берега? Ее территория состояла из шести департаментов: Монтевидео — столица, с ближайшими окрестностями вплоть до Пеньяоля; Мальдонадо с населенными пунктами Сан-Карлос, Минас, Роча и Санта-Тереса; Санто-Доминго-де- Сориано, включая Мерседес и Сан-Сальвадор; Гвадалупе, иначе называемый Канелонес, с населенными пунктами Пьедрас, Пандо и Санта-Люсия; Сан-Хосе с местечком Флорида и Поронгос, и, наконец, Колония с пунктами Реаль-де- Сан-Карлос, Колья, Вакас и Виборас. В городе Мело был образован собственный новый Кабильдо. Было решено после консультации с Артигасом не производить на севере административного деления на департаменты. Эти местности, очень мало населенные (Пайсанду, Сальто), вполне могли обойтись существующим административным устройством, то есть алькальдами, и в случае необходимости военными комендантами.

Кабильдо были теми административными органами, которые казались Артигасу самыми важными и на которые он возлагал все свои надежды как на аппарат народной власти. Они были для него основой демократической организации общества, стремление к которой и составляет подлинное величие Артигаса. Эти органы власти он ценил за то, что они открыты для всех жителей, за то, что в них осуществляется коллективная власть. Он считал, что, поскольку в Кабильдо входят много людей, там не будет благоприятной почвы для возникновения заговоров, хотя

многие из рехидоров не внушали ему доверия.

Органами военной власти были военные комендатуры в главных городах департаментов. Под контролем Артигаса находилась не только административная власть, но и управление государственными доходами. Чиновники, ведавшие финансами в разных городах, должны были периодически переводить полученные деньги в Монтевидео. Начальник таможни имел чин генерального казначея. Началась работа по налаживанию и унификации всех казначейских операций. Вслед за урегулированием таможенных порядков начали налаживать почтовую службу — улучшать дороги, водные переправы.

Артигас осуществлял нечто вроде верховного контроля за Деятельностью властей в Монтевидео. Несомненно, что именно ˚н придавал демократическую, революционную ориентацию многим областям политики. Для занятия общественных должностей он всегда рекомендовал таких людей, которые по своим знаниям и преданности делу заслуживали общее уважение. Его мышление отличалось широтой. Когда однажды Артигасу сообщили, что один из кандидатов не достоин его расположения, он ответил:

— Личное отношение ко мне не должно касаться дела. Вам следует назначить этого человека и уже самим затем следить насколько справедливо и умно он выполняет свои функции.

Артигас не был злопамятен. Идальго, поэт, воспевший бессмертный подвиг народа во время «Великого исхода», покинул впоследствии лагерь Артигаса в Айуи. Теперь он занимал пост министра финансов и оказался запутанным в одну неприятную историю. Затем установили, что он невиновен, и Артигас приказал немедленно восстановить его на посту. В связи с этим он сказал: «Это проявление доверия должно помочь ему. Думаю, что именно таким способом мы должны решать дела, чтобы впоследствии не нанести себе ущерба».

Артигас был противником разбухания бюрократического аппарата. Он рекомендовал Кабильдо не давать разрастаться административному аппарату, чтобы тот не лег тяжким бременем на нищенскую казну провинции. У него было и другое соображение: когда люди начинают работать за деньги, они становятся тормозом свободного развития народа. Он говор «Достаточно будет немногих, но способных людей, обладают чувством ответственности, чтобы соблюдались интересы и нужды родины».

«Порядочность моего собственного поведения должна стать нормой для всех прочих… Ведь по тому тону, какой задают лидеры, настраиваются и остальные, — писал Артигас губернатору Корриентеса Сильве. — Нельзя нарушать закон

справедливости и необходимо ликвидировать все последствия деспотизма. Каждый человек равен перед законом».

Вслед за образованием Хунты безопасности он создал Гражданский корпус, целью которого было «сохранение порядка и соблюдение прав личности».

Времена были тяжелые, вокруг было немало врагов, и светлую идею автономии нужно было охранять как зеницу ока.

Весь конец 1815 года Артигас был занят множеством дел — и внутренними неурядицами, которые провоцировали богачи, и внешними интригами. Не теряя из виду ни одного из важных моментов политической жизни, Артигас особое внимание уделял экономической проблеме, прежде всего скотоводству. В этот период, когда народ Восточного берега начал заново создавать органы правления, хозяйство провинции было почти полностью разрушено.

* * *

Каково же было экономическое состояние Восточной провинции к исходу четвертого года революции, в момент, когда, патриоты заняли столицу Монтевидео? В политическом и военном отношении революция в провинции победила полностью, в области же хозяйственной положение было совершенно плачевным. Вот что писал об этом Артигас:

«Бедствия войны сказались на всем. Мастерские и ремесленные заведения брошены, города и села остались без всякой торговли, землевладельцы разорены, их имен ия запущены. Контрибуции, которые после периода оккупации были введены в Монтевидео, полностью разрушили всякую торговлю; нищета душит страну». Естественно, что главной заботой Артигаса стало восстановление сельского хозяйства, а также промышленности и торговли, которую он считал «основой счастья народов». В соответствии с его экономическими концепциями были созданы органы экономического управления. Но, пожалуй, самой неотложной задачей он считал восстановление земледелия и скотоводства. Он понимал, что самым необходимым было привязать к земле, хотя бы даже против его воли, огромную массу блуждающего населения, склонного к кочевничеству.

Артигас понимал также, что в стране имелось много неиспользованной земли, которая находилась в руках небольшой кучки крупных землевладельцев, захвативших ее в свое время путем различных ухищрений. Еще к началу XVIII века существовали помещики вроде Мигеля Игнасио де ла Куадра, который владел чуть ли не половиной провинции и перечисление угодий которого заняло бы целую страницу. В начале XIX века не менее ловкие потомки феодальных семейств, занимая посты в правительстве, по существу, владели всей территорий Восточного берега. Эта картина полностью отразилась в докладах вице-королей и различных комиссий, в которых приводились документальные данные.

Произвол в распределении земли сочетался с примитивным, отсталым способом ее использования.

Кризис, особенно обострившийся в последние годы колониального периода, фактическая невозможность для Испании поддерживать монополистическую систему, ускользавшую из-под ее контроля и все еще тяжким бременем лежавшую на всех без исключения землевладельцах и торговцах, острота аграрной проблемы — таковы, как уже говорилось, были причины, которые в 1811 году привели к революции в Восточной провинции. Артигас, возглавив эту борьбу, оказался во главе самых

различных слоев населения, единственная общая цель которых состояла в стремлении сбросить испанское иго. Здесь были люди, пришедшие из самых разных уголков провинции — пеоны, которых привели с собой помещики или приказчики, отряды гаучо и даже индейцы. В тяжелых битвах и испытаниях прошло несколько лет, и только в 1815 году войска Артигаса стали, наконец, хозяевами Монтевидео. Движение, возглавляемое Артигасом, как мы знаем, противопоставило себя правительству Буэнос-Айреса, давно уже утратившему революционный огонь, который вдохнул в него в свое время Морено. Знаменем этого движения был федерализм, который, однако, разные группы понимали различным образом. Представители города Кордовы, например, защищали консервативное начало идеи федерализма. Восточная провинция, наоборот, боролась за народное и прогрессивное содержание этого лозунга. Олигархия Восточного берега, конечно, тоже не раз изменяла Артигасу, но в силу определенных причин в конце концов была вынуждена, хотя и с недовольством, подчиниться ему. Революция вскоре породила свою верхушечную прослойку — военачальников: предоставленную им неограниченную власть они зачастую использовали для того, чтобы покровительствовать «своим» людям. Так возникали узы личной зависимости и как бы восстанавливались в новой форме феодальные отношения. Многие из этих «облагодетельствованных» людей обогащались за счет скотоводов и сделок с перекупщиками.

Когда в конце 1815 года правительство Артигаса начало реорганизацию провинции, перед ним предстала картина совершенно разоренной земли. На всей территории Восточного берега скот был истреблен, поместья заброшены, одни из-за того, что их владельцы бежали от революции, другие потому, что хозяева отсиживались за стенами Монтевидео. Две осады, длительный всенародный поход, гражданская война — все это нанесло экономике глубочайшие раны, залечивать которые следовало незамедлительно.

В июле Артигас дал Оторгесу указание начать раздачу казенных земель и тех земель, которые принадлежали европейцам — врагам революции. Эти земли должны были получить «трудолюбивые жители, желающие ее обрабатывать». Оторгес обратился к Кабильдо, чтобы тот объявил об этом населению. Артигас также написал в Кабильдо, прося его заставить помещиков заселять свои имения и обрабатывать их при необходимости с помощью государства. На это давался двухмесячный срок; в случае невыполнения Артигас предлагал передать земли этих помещиков в казну.

Угрожающий тон заявления Артигаса и многочисленные жалобы помещиков на грабежи, которым они подвергались, привели к тому, что через три дня собралась Хунта землевладельцев в присутствии майора Риверы. Она утвердила регламент, составленный Мануэлем Пересом, и затем его отвезли Артигасу в Пурификасион.

В этом документе ничего не говорилось об острой проблеме землеустройства огромной массы крестьян. Отмечалась лишь необходимость положить конец многочисленным злоупотреблениям военных отрядов, находившихся в сельских местностях в качестве гарнизонов.

Не утвердив привезенный документ, Артигас составил вместо него свой собственный, который назывался «Временный Регламент Восточной провинции касательно развития ее сельского хозяйства и обеспечения безопасности землевладельцев». Этот документ был отослан в Кабильдо для исполнения.

Регламент представлял собой своеобразный краткий аграрный кодекс, основанный «на этическом принципе установления социальной справедливости». Он содержал 29 статей. Согласно первой статье, страна делилась на три зоны, власти которых несли ответственность за распределение земли. Оно должно было осуществляться рационально и справедливо. Прежде всего требовалось определить в каждой зоне те земли, которые можно раздать, а также выявить людей, которые были достойны получить участок. Как говорилось в статье шестой, «самые обездоленные должны были стать самыми обеспеченными». Поэтому теперь «право на земельный надел получали свободные негры, самбо, индейцы, бедные креолы, если только он обладали трудолюбием и достоинством, которых требовало с них благосостояние страны». Землю могли получить также бедные вдовы с детьми.

С предельной краткостью и ясностью были сформулирован в регламенте все основные аспекты аграрной проблемы. К землям, которые надлежало раздать, относились те, которые принадлежали эмигрантам, «плохим европейцам и еще более плохим американцам», а также те, которые начиная с 1810 по 1815 год, то есть до того времени, когда в Монтевидео вошли войска Артигаса, были проданы или пожалованы предшествующим правительством. Но даже и в этих случаях судьбу этих земель не следовало решать на основе чувства мести. Так, если на этой земле жила целая семья, то вопрос о ней должен был решаться в зависимости от числа детей.

Так как аграрный раздел должен был не допускать

сосредоточения земли в одних руках, то было предусмотрено, что каждый может получить не более одного участка; кроме того, запрещалось отчуждать земельную собственность, продавать ее или отдавать под залог. Короче говоря, землю надлежало обрабатывать, и в статье шестой предусматривалось лишение права собственности в случае нарушения этого предписания. Таким образом, регламент возвещал настоящую социальную реформу.

Однако одного лишь распределения земли было недостаточно для решения проблемы ее использования; для этого необходимы были еще животные, скот. Поэтому в последней статье регламента были перечислены меры по восстановлению скотоводства, а также по созданию сельской полиции.

Аграрный закон, сформулированный в регламенте, преследовал одновременно цели экономические, социальные, юридические; он воплощал «истинно революционные принципы, способствующие ликвидации экономического неравенства».

Подписанный 10 августа, этот документ был тотчас же распространен, и через пятнадцать дней началась раздача первых участков, земли. Были изданы и развешаны во всех населенных пунктах соответствующие объявления.

Какова же была реакция на эту реформу и ее последствия? Членами Кабильдо, в большинстве крупными помещиками, она была воспринята холодно. Люди, уполномоченные осуществлять раздачу земель, проявляли медлительность, и их приходилось все время подталкивать. Многие землевладельцы, используя различные маневры, дружбу или родственные связи, пытались избежать изъятия земель. Сами военачальники вели себя недостойно: нарушая революционную дисциплину, они совершали различные преступления, в том числе и кражи.

Препятствия эти были вполне естественны — слишком сильно было еще мрачное наследие колониализма и преодолеть его в сознании нового общества за четыре года было невозможно. Но, несмотря на это, реформа все же двигалась вперед. Постепенно начинал изменяться образ жизни целого деклассированного слоя населения, прежде всего нищих, бродяг, гаучо, контрабандистов. В свое время они немало сделали для того, чтобы подорвать колониальную монополистическую экономику, но затем именно они превратились в консервативную силу, ставшую в последний момент опорой отмирающего старого режима.

Новые исследования (де ла Торре, Родригеса, а также Салы) доказывают, что, несмотря на все препятствия, уругвайская земля в результате реформы начала делиться на маленькие участки;

гаучо, ранее живший на лошади, теперь привыкал к благородному труду на земле, начинал строить ранчо, загоны для скота, сеять первые посевы. Впервые тысячи людей осели на земле, поняв, что теперь она принадлежит им, а не является привилегией лишь колонизатора или нового каудильо. Начинал осуществляться руссоистский принцип равенства людей перед законом: равенство становилось действительностью, а не просто юридической талмудистикой. Это было начало того пути, который Ленин называл «североамериканским путем развития», открывавшим перед страной возможности радикального преобразования. Создание мелкой земельной собственности было, без — сомнения, для того времени прогрессивной мерой. Благодаря ей эффективнее становился человеческий труд, благодаря ей возникали новые социальные отношения свободных людей. Артигас был, таким образом, защитником частной собственности, которой он хотел заменить собственность Феодальную.

Не меньшее внимание уделял Артигас проблеме торговли. Еще в «Инструкциях 13-го года» он предусмотрел основные пункты организации свободной торговли. Теперь надо было выработать конкретные меры для осуществления этой политики.

Прежде всего надо было определить статус порта Монтевидео; реформа торговых операций началась здесь, как только город перешел в руки патриотов. Принципы торговли, установленные в Монтевидео и распространенные затем на все провинции, входившие в протекторат, были таковы: все иностранцы могли вести свободную торговлю в трех портах: Монтевидео, Колония, Мальдонадо; запрещалась лишь торговля с Буэнос-Айресом.

Вводился регламент, предусматривавший налоги на импорт и экспорт.

В июле 1815 года после консультаций с англичанами, находившимися в Ла-Плате, Артигас вновь сформулировал нормы торговли в Восточной провинции, причем подчеркивалась необходимость точного их соблюдения иностранцами; не допускались никакие уступки или исключения. В письме к Кабильдо Артигас указывал: «Если эти условия не будут устраивать иностранных торговцев, то пусть отправляются назад на своих кораблях, а я начну торговать с теми, кто мне более интересен. Англичане должны отдавать себе отчет, что от этой торговли они имеют выгоды, но что мы никогда не допустим навязывания нам иных правил».

Эти меры, предпринятые Артигасом, составляли часть общей политики, направленной на улучшение благосостояния

провинции. Свободный торговый обмен имел при этом и политический аспект, ибо приучал к свободе действий.

Артигас был крайне озабочен тем, чтобы новая политика не привела бы к увеличению административного аппарата, новых чиновничьих постов, которые легли бы тяжким бременем на казну обедневшей провинции. Он писал: «Труд, индустрия, торговля — таковы главные каналы, по которым придут к нашему народу процветание и счастье, и чем больше он будет дышать свежим воздухом свободы, тем меньше будет над ним опеки чиновников».

На этом первом этапе правления Артигаса, вплоть до приезда в Монтевидео Мигеля Баррейро, который был уполномочен проводить дальнейшую реорганизацию управления и хозяйства, либеральные принципы в торговле, в частности в области таможенных сборов, не только успешно развивались, но даже расширялись. Первоначальный регламент был заменен регламентом 10 марта. Была унифицирована система торговли для всех районов федерации.

Когда мы говорим о годах первых реформ Артигаса, надо помнить, каким суровым было то время: новое общество рождалось в окружении врагов, и разговаривать с ними приходилось без светской вежливости. Артигас верил в свой народ, верил в «тех, кто внизу», и на них опиралось его правительство. Он, например, поспешил освободить и восстановить на военной службе рабов, которые во времена Оторгеса были изгнаны оттуда. И в этом случае, как и во многих других, Артигас не терпел промедления со стороны Кабильдо, которому он писал: «Не доводите меня до крайности. Надо проявлять больше энергии, активности, в противном случае мне придется принимать более решительные меры».

Иногда он действительно их принимал. Так обстояло дело, в частности, когда речь шла о наказании преступника Хосе Мельгара. По этому поводу Артигас заявил: «Быстрое наказание — это самое действенное средство против преступности».

Далее Артигас потребовал, чтобы в его штаб были отправлены европейцы, в годы борьбы оказывавшие сопротивление патриотам, а также и те жители провинции, которые оказались недостойными доверия патриотов. Артигас стремился также добиться того, чтобы служители церкви были из числа местных жителей, преданных делу революции. Он воспротивился вредному вмешательству церковной курии Буэнос-Айреса в церковные дела провинции. Викарий Буэнос-Айреса, назначивший, правда, Ларраньягу главой церкви Монтевидео, по всем другим вопросам находился в оппозиции к Артигасу; он не хотел предоставить Ларраньяге полную юрисдикцию в вопросах,

касавшихся провинций Восточного берега и Этре-Риос. В связи с этим Артигас написал Ларраньяге, что он не допустит, чтобы в провинции был хотя бы один священник, получивший назначение из Буэнос-Айреса. «Народы Восточной провинции должны иметь священников, назначенных нашей собственной властью», — писал он. Это положение сохранялось до 1817 года, когда Монтевидео был сдан португальским войскам и Ларраньяга перешел на их сторону.

* * *

Человек получает свободу, не только избавляясь от страха перед сверхъестественными силами. Подлинную свободу человек обретает тогда, когда становится культурным. Этот принцип всегда явственно ощущался во всем, что заявлял и делал Артигас, начиная с первых его шагов. В составленной им конституции, которая никогда не была реализована, в третьей статье первой главы говорится, что обязательная грамотность должна быть всеобщей нормой, способствующей формированию настоящего человека. В конституции раскрывался смысл этого тезиса и предусматривалась кара за нарушение этого принципа. В соответствии с этим всеобщее обучение объявлялось обязательным, ответственность за это несло государство.

Как только в Монтевидео наступил мир и началась организация новой жизни, Кабильдо занялся восстановлением школьного обучения (с 1812 года городская школа была закрыта). В августе рехидоры городского совета постановили: найти детям города такого учителя, который не только научил бы их читать и писать, но и воспитал бы в них сознание свободного человека, преподал бы им принципы общественной свободы и личного достоинства. Прежнего учителя, Хуана Мануэля Пагола, одного из твердолобых испанцев, который продолжал на занятиях вести беседы, направленные против нового строя, заменил монах Хосе Бенито Ламас, который был известен своими знаниями и своим горячим патриотизмом.

Пагола обратился к Артигасу с письмом по поводу своей отставки. Послав в Кабильдо запрос и получив разъяснение, Артигас через месяц посылает Пагола ответ: «Считаю, что вы не можете быть преподавателем городской школы и что вас следует даже лишить права иметь частную школу. Дети должны получать от своих наставников благотворное воздействие чтобы стать полезными и достойными гражданами родины. Такое воспитание они не могут получить от человека, который является врагом

нашей системы».

Другим делом была организация Публичной библиотек в Монтевидео. С этим предложением выступил в Кабилы Ларраньяга. Приветствуя его инициативу, Артигас писал «Я никогда не устану поддерживать всякое предложение, которое делается во имя всеобщего блага. Я представляю себе пользу, которую принесет библиотека, и надеюсь, что Кабильдо окажет ей поддержку».

Еще одна проблема в области культуры была предметом заботы Артигаса: издание газеты в Монтевидео. 3 августа о пишет об этом в Кабильдо. В Монтевидео была типография, в свое время подаренная принцессой Карлотой своим испанским подданным. Эту типографию забрали аргентинцы во время грабежа при отходе войск, затем она была возвращена и теперь стояла без дела. По указанию Артигаса Кабильдо начал предпринимать соответствующие меры, и в октябре Артигас получил первое печатное произведение. Подтверждал получение его, Артигас писал, что новое общество имеет множество врагов и что Кабильдо в будущем должен быть бдительным и пресекать возможное злоупотребление печатным словом. «Ведь печатный орган, в котором господствует свобода, — добавлял Артигас, — с одной стороны, дает сознательным гражданам возможность выражения идей, служащих на благо ближних, но, с другой стороны, злонамеренным людям „Внушает желание высказать, скрываясь под блестящей формой, свое несогласие с системой“».

Согласившись с этим советом и считая, что необходимо установить определенный надзор за прессой, Кабильдо решил назначить Ларраньягу на пост «наблюдателя за печатью». Однако священник отказался от этого назначения, заявив, что оно не соответствует характеру его деятельности, а также его собственным либеральным концепциям: свободу слова он считал «важнейшим правом, которого должны отныне требовать народы Америки». Эти взгляды, казалось, были достойны всяческого уважения. Однако, забегая вперед, скажем, что через несколько месяцев Ларраньяга выступил против Временного регламента, утверждая, что для избежания неурядиц было бы целесообразнее разрешить продажу земли и предоставить состоятельным людям возможность создавать значительные земельные богатства; еще через некоторое время именно Ларраньяга подготовил сдачу Монтевидео португальцам.

Кабильдо сообщил Артигасу о его отказе. Продолжая считать свою позицию в этом вопросе правильной, Артигас отнесся с полным уважением к взглядам Ларраньяги. Однако потом, когда выяснилось, что газета так и не будет выходить, потому что ее

редактор доктор Педро Пабло Видаль тоже отказывается от своего поста, Артигас пришел в негодование. Он пишет в Кабильдо: «Больше энергии, больше действенности, в противном случае мне придется принять более строгие меры».

Однако те люди, к которым он обращался, теперь хотели только одного — покончить с ним и его системой. Артигас это понимал, и тон его посланий становился все более настойчивым и строгим:

«Я уже достаточно устал от противодействия и считаю, что дело, которое я делаю, кровно интересует всех жителей Восточного берега; поэтому они должны его поддерживать. Те же, кто не чувствует в себе силы для этого, пусть лучше покинут родину для ее блага. Много нас или мало, хороши мы или плохи, но наших усилий будет достаточно, чтобы защитить нашу землю от посягательства интервентов».

Конец 1815 года, столь богатый событиями, ознаменовался в жизни Артигаса дыханием новой любви. У него уже давно, с времени несчастья с Рафаэлой, не было своего очага; не был у него и материальной обеспеченности. С сыном он виделся лишь случайно, во время какого-нибудь из своих бесконечных походов. И вот в лагере Пурификасион судьба послала ему утешение в его одинокой жизни: в последние дни этого года началась его совместная жизнь с Мельчорой Куэнка. Испанка по происхождению, уроженка Парагвая, она была красива, молода и довольно образованна. Об этом союзе знали лишь самые близкие Артигасу люди: его секретарь Монтерросо и его племянник Барреиро, находившийся в Монтевидео, которому он написал об этом. Артигас поручил племяннику приобрести некоторые вещи, чтобы обставить свой дом, а также просил держать в секрете этот брак, так как он боялся взрыва ревности у своей свекрови, доньи Франсиски Артигас.

Новый семейный очаг вернул ему, хотя и на короткое время, покой, которого он не имел со времени краткого союза с Рафаэлой. Артигас смело порвал с предрассудками и традициями своего времени и нашел в новой семье то, чего ему так долго не хватало до сих пор. Мельчора Куэнка быстро завоевала всеобщую любовь жителей Пурификасиона, как до этого сумела завоевать сердце неутомимого человека, чья личная жизнь казалась странной и осталась малоизвестной.

Борьба Артигаса с португальскими захватчиками

Артигас управлял Восточной провинцией, имея очень четкую программу. Он проводил максимально демократические для той эпохи принципы и в экономике и в политике. Он приложил много усилий, чтобы создать благоприятные возможности для широкого развития промышленности и торговли внутри провинции; он дал землю самому обездоленному классу, ввел народные органы управления, заботился о повышении культурного уровня населения и особенно о воспитании в людях высокого гражданского сознания и привычки к суровому образу жизни. Его политика способствовала благу и процветанию всей провинции, а не одной лишь кучки привилегированных лиц. Эта политика свидетельствовала о том, что ее создатель был великим человеком своего времени.

Реализация идеалов Артигаса не могла не породить тревогу не только в Ла-Плате, но и за ее пределами. Цели Артигаса и их осуществление в полуфеодальном обществе, в котором были еще сильны абсолютистские нравы, казались кое-кому анархией. В Буэнос-Айресе Артигаса и его сторонников называли смутьянами. Страх, который Артигас внушал привилегированным слоям населения, объяснялся тем, что так называемая «примитивная и стихийная демократия простого народа», как тогда говорили, обрела законченную форму и направление; она была конкретно воплощена в ясных принципах политической свободы и гарантий прав личности. Пример Артигаса и его методов правления в глазах централистов Буэнос-Айреса становился опасным и вредным.

Когда начался 1816 год, второй год правления Артигаса, картина была такова. Провинции Литораля продолжали оставаться под протекторатом Артигаса. Правительство Буэнос-Айреса не смогло решить ни одной из стоявших перед ним проблем: ни проблемы портовых операций и таможни, ни проблемы государственной казны. К тому же и Артигас продолжал оставаться крепким орешком, разбить который не удавалось. Правительство Буэнос- Айреса продолжало посылать в штаб Артигаса одну депутацию за другой, пытаясь воздействовать на него путем политических переговоров, поскольку оружием им не удавалось чего-либо достичь. Когда уже не оставалось никаких надежд на успех этих переговоров, правительство Буэнос-Айреса решило пойти на формирование на территории Ла-Платы

коалиции из антифедералистских сил, в которой оказались воедино связанными самые различные и противоположные тенденции, однако с довольно очевидной общей приверженностью к консервативной политической программе и даже скрытому монархизму. Эта коалиция начала искать контактов с португальским двором в Бразилии, начав переговоры в Рио-де-Жанейро. У Буэнос-Айреса при этом была одна Цель — объединить под своим руководством в рамках абсолютизма всю огромную территорию, некогда составлявшую вице-королевство Ла-Плата. Именно эта идея была господствующей на конгрессе в Тукумане, где даже высказывалась мысль о необходимости установления конституционной монархии.

Не следует забывать, что в своем стремлении нанести ущерб торговле буэнос-айресского порта Федеральная лига одержала победу. Торговцам- портеньос, как заманчивый призрак, виделся большой внутренний порт Санта- Фе, от которого они были отрезаны. Сам же Артигас по-прежнему продолжал, как он это называл, «двигать вперед большую революцию», то есть такую революцию, которая была не только освободительной, но и охватывала сферу экономики и несла социальную справедливость обездоленным классам. Эта политика вызывала сопротивление консервативных элементов, способствуя сколачиванию антиартигасовского, антифедералистского блока.

В качестве первой меры противники предприняли попытку оторвать от Лиги провинцию Санта-Фе путем заключения сепаратного договора с ней — по старому принципу: «разделяй и властвуй». Согласно договору этой провинции предоставлялась, по крайней мере на бумаге, автономия, но при условии разрыва с протекторном. Подписание этого договора было первым актом измены Лиге. Это событие произошло почти одновременно с отправкой в Рио- де-Жанейро миссии, которая должна была договориться о второй интервенции португальцев на территорию Восточного берега под предлогом ликвидации волнений в этой провинции. В Рио поехал Мануэль Хосе Гарсиа, ловкий политикан, не менее способный к интригам, чем Сарратеа. Мысль об интервенции не раз уже приходила в голову правителям Буэнос-Айреса. На этот раз она возникла в период правления Хуана Мартина Пуэйрредона.

Неблаговидные дела властей Буэнос-Айреса вызвали в народе беспокойство, а некоторые газеты даже поместили разоблачающие материалы. Но это быстро замяли — несколько журналистов были высланы, а кое-кто из военных, а также из патриотически настроенных деятелей (Френч, Доррего) были просто упрятаны в тюрьму. «Тот факт, что мы вели борьбу с

Артигасом, — заявил Доррего своим тюремщикам, — не означает того, что мы любой ценой можем добиваться его гибели».

В таких условиях и такими методами готовилась чистка границ от так называемых «артигасовских орд». Однако в Буэнос-Айресе не представляли себе, какой нелегкой будет эта борьба. Артигас же отдавал себе ясный отчет в том, что ждало его, и он начал решительно готовиться к последнему историческому подвигу своей жизни.

Взвесив создавшуюся обстановку, Артигас понял, что может рассчитывать лишь на свои собственные силы. Не заблуждался он и относительно намерений португальцев, несмотря на их многочисленные заверения в миролюбии. В письмах, которые он получал из Рио, говорилось, что там плетутся дипломатические интриги, в которых замешан Буэнос-Айрес «Наше нынешнее положение определяется маневрами португальского двора, а с другой стороны, необходимостью с недоверием следить за Буэнос-Айресом», — сообщал он в письме в Кабильдо.

В этот подготовительный период Артигас проявил себя превосходным организатором, стремившимся предвидеть все малейшие детали. Начиная с сентября 1815 года он заботится об изготовлении оружия. С первых же месяцев 1816 года он усиливает свои приготовления, связывается, со всеми своими военачальниками. День за днем он посылает указания Андресито в Мисионес, просит его быть начеку, ибо португальцы не дремлют, и особенно следить за событиями в Консепсион и Япейу.

В письмах Артигаса от января и февраля 1816 года начинает вырисовываться его будущий стратегический план: «Если португальцы имеют в виду вторгнуться со стороны Мисионес, то надо сделать так, чтобы, отрезав им отступление, вклиниться в их расположение с другой стороны. В этом случае очень важно будет перейти Ибикуй и занять ближайшие к нему местности».

Ни одна деталь не ускользала из его поля зрения: он мобилизовывал, вооружал и снабжал всем необходимым военные части, участвовал в закупке военного снаряжения и пороха в Англии, писал многочисленные послания в Кабильдо и к Баррейро, в которых он просил прислать ему оружие, а также готовиться к обороне города. Артигас хотел, чтобы 1816 год, «седьмой год нашего возрождения», как он его называл, был знаменательным для всей Восточной провинции. В Пурификасионе в эти месяцы наблюдалось непривычное волнение. Об этом свидетельствует, между прочим, англичанин Робертсон — дипломат, торговец и шпион. В своем штабе Артигас все время находился в окружении офицеров; беспрерывно

приезжали и уезжали гонцы из самых различных мест. Главнокомандующий диктовал письма двум секретарям, пол был усеян бумагами, записями, посланиями, прибывавшими из разных мест, от Канделярии до Мальдонадо. Всегда собранный, не теряющий ни минуты времени, Артигас сам вникал во все дела; он рассылал указания и направлял в разные пункты протектората своих военачальников.

Наряду с этими многочисленными заботами он не переставал думать о том, как лучше одеть своих оборванных солдат, одежда которых, по описанию Робертсона, состояла из изношенной куртки, пончо, схваченного поясом у талии, и еще одного пончо, которое накидывали на плечи. Артигас не забывал и множества других вопросов: как увеличить поголовье, скота, чтобы помочь нуждавшимся провинциям, где закупить новые ножи для обдирания кож, как бороться с контрабандой. Он пишет алькальду, чтобы он был строг по отношению к тем жителям эстансий, которые ничем не заняты и ничем не служат родине; он интересуется букварями для школ и приобретением струн для музыкальных инструментов. Ему лично нужно немного: он просит свою кузину Барбару, жену Баррейро, прислать ему крахмал. «Хотя я и стар, — пишет он, — но мне нравится быть подтянутым». Он просит ее также прислать ему книгу под названием: «История Северной Америки, ее открытия, революции и дальнейшие события вплоть до 1807 года». «Я считаю эту книгу настолько интересной, — писал Артигас, — что ее должен прочесть каждый житель Восточной провинции».

Артигас не забывает о необходимости морального воспитания своих сограждан, напоминает им те принципы, за которые идет борьба. Много раз Кабильдо предлагал присвоить ему почетные титулы. На это Артигас отвечал: «Совершенно излишне терять драгоценное время на бессмысленные дела. Всяческие титулы — это пустой мираж. Мне достаточно одного звания — гражданин». То же самое в ответ на подобные предложения он повторил и в письме в Корриентес.

Артигас часто напоминал о необходимости улучшать положение индейцев, в частности в провинции Корриентес, где они составляли большую часть населения. В своих посланиях он просит позаботиться о том, чтобы индейцы стали вести оседлый образ жизни, просит помочь им наладить трудовую жизнь, что, по его мнению, «несомненно будет содействовать процветанию провинции». Артигас писал: «Индейцы, хотя они и дикие, способны оценить добро, и, приложив усилия, можно помочь встать на стезю добродетели, за что они впоследствии отблагодарят нас». И далее: «Надо, чтобы к индейцам относил с

большим уважением, ибо, когда мы боремся за наши права несправедливо исключать их из нашей среды и не добиваться для них того, на что они имеют такие же права, как и мы. Их невежественность, отсутствие цивилизации — это не порок, за который следует карать. Ведь они сами страдают от этого несчастья, а мы не должны забывать, кто был повинен в этом. Так неужели же мы и впредь будем сохранять это зло?»

* * *

Лагерь в Пурификасионе успокаивался только к вечеру. Часто, когда уже смеркалось, Артигас обходил лагерь и проводил смотр войскам; при этом он напоминал скорее отца, который перед сном приходит проститься со своими детьми. Обычно он объезжал лагерь верхом, в сопровождении штабных офицеров. Иногда он руководил маневрами конных партизан, уча их выполнять одновременно роль пехоты и кавалерии. В свите Артигаса, по описанию Робертсона, не было никакой официальности и той строгой дисциплины, за которой всегда скрывается больше условности, чем истинного уважения. Офицеры Артигаса чувствовали себя рядом с ним, как сыновья с отцом; так некогда относились к нему гаучо. Когда они шли вместе с ним, они спокойно беседовали, часто раздавался смех. Офицеры называли друг друга по имени; не были приняты ни чины, ни даже обращение «дон» (господин). Но к Артигасу все обращались одинаково: «мой генерал», и в этих словах всегда чувствовалось уважение и любовь. Так относились к нему и солдаты и те гаучо, которые стекались сюда со всех сторон. Это были не наемники, которые воюют за деньги, а добровольцы, у которых, так же как и у их вождя, была одна цель — построить счастливую жизнь.

Как уже говорилось, переговоры в Рио-де-Жанейро об организации португальского вторжения вел Гарсиа. Незадолго до этого он был послан для переговоров с английским правительством с той же целью — продать интересы провинций Ла-Платы за любую цену. Переговоры эти не увенчались успехом: англичане не согласились на его предложения. Когда Гарсиа приехал в Рио-де- Жанейро, он был уже достаточно опытен по части раболепства и предательства. 4 мая он получил инструкции из Буэнос-Айреса о том, каким путем добиться уничтожения Артигаса. Конгресс в Тукумане, как явствовало, был согласен с его миссией.

Год спустя, подводя итог своей деятельности, Гарсиа писал о

«необходимости прибегнуть к физической и моральной силе извне во имя прекращения наших внутренних междоусобиц». Он признал также неспособность правительства Буэнос-Айреса самостоятельно «покончить с источником всех бедствий».

Между Рио и Буэнос-Айресом в это время шла напряженная переписка; ясно видно, что Гарсиа и его правительство предусмотрели все детали своего предательского предприятия, в частности, посредничество изменника Николаса Эрреры. Находясь в Монтевидео, Эррера должен был служить связным и выполнять другие поручения. Гарсиа особо заботился о выборе человека, который вступит в переговоры с Николасом Эрре-Рой, а затем с командующим португальскими войсками, генералом Карлосом Федерико Лекором. Гарсиа писал, что «эти переговоры следует вести умело, без шума, и человек этот должен быть ловким и вкрадчивым».

Договорившись об интервенции, правительство Буэнос-Айреса решило. завуалировать свои действия дружескими акциями в адрес Артигаса. Эту задачу выполнил Пуэйрредон, занявший тогда пост верховного правителя. Пуэйрредон — один из крупнейших землевладельцев провинции Буэнос-Айреса — не был ни хорошим правителем, ни выдающимся политическим деятелем или военачальником. Он был одним из самых видных членов Ложи Лаутаро, который вместе с Сан-Мартином стремился проводить внешнюю политику Объединенных Провинций в союзе с Чили.

Заняв свой пост, Пуэйрредон направил к Артигасу священника Сапиолу, который повез ему в качестве даров сбрую и порох, а также лицемерное обещание помощи со стороны Буэнос-Айреса в случае португальского нашествия. Все это было дымовой завесой, прикрывавшей истинную политику Буэнос-Айреса. Однако Артигаса это не могло обмануть.

Сведения о начале интервенции, полученные Артигасом еще в феврале, окончательно подтвердились 27 апреля, когда началось продвижение португальских войск из Санта-Катарины по направлению к Восточной провинции. У захватчиков было два основных войсковых соединения. Одно находилось под командованием генерала Карлоса Федерико Лекора, специально прибывшего из Португалии. Это была пятитысячная дивизия, составленная из жителей южных земель, хорошо знающих этот район и методы ведения войны, в большинстве своем ветеранов. Их целью был захват Монтевидео.

Другое соединение находилось под командованием генерал-капитана провинции Рио-Гранде, маркиза де Алегрете; оно действовало во внутренних районах и на границах Рио-Гранде. В

его задачу входило прикрытие флангов и тыла генерала Лекора в случае контратак Артигаса.

Португальские интервенты ставили себе цель захватить не только Мисионес, но и провинции Корриентес (главную опору Артигаса) и Санта-Фе, чтобы помешать отступлению войск Артигаса.

Эти два главных соединения состояли примерно из пятнадцати тысяч солдат, находившихся в полной боевой готовности. Португальцы считали, что эти войска быстро покончат с сопротивлением жителей Восточной провинции.

В конце августа без всякого объявления войны португальские войска под командованием генерала Пинто де Араухо Корреа, составлявшие авангард армии Лекора, вторглись в Восточную провинцию на юго-востоке и взяли крепость Санта-Тереса.

В этих напряженных условиях Артигас, как и прежде, руководил всеми текущими делами провинции. Он часто писал в Кабильдо, беспокоясь о различных административных проблемах. Ни одна из них не оставалась для него чуждой. В самый разгар военных приготовлений, во время майских праздников 1816 года, была торжественно открыта Публичная библиотека Монтевидео. Вступительную речь произнес священник Ларраньяга, который (в последний раз!) не поскупился на восторженные слова в адрес Артигаса. Он назвал его «вождем, который достойно ведет вперед граждан своей страны, и чей патриотический подвиг заслуживает бессмертной славы и вечных лавров». Ларраньяга отметил также, что, «испытывая нужду в самом необходимом, он не жалеет средств на те дела, которые идут на благо его соотечественников». Во время этих празднеств Артигас провозгласил: «Пусть жители Восточной провинции будут столь же образованны, как и мужественны».

Не забывал Артигас и о своих сыновних обязанностях. Его отец, дон Мартин Хосе, уже глубокий старик, был до революции весьма состоятельным землевладельцем. Согласно новым порядкам его земли были у него отобраны, и ему буквально не на что было существовать. Он сообщил об этом сыну.

«Мне в высшей степени больно читать жалобы моего отца, которого я люблю и уважаю, — пишет Артигас в Кабильдо 18 июня. — Я только что получил от него известие о том, в сколь нищенском состоянии он оказался: он крайне нуждается хотя бы в самом небольшом количестве скота для поддержания своего хозяйства и семьи». Хотя Артигас мог помочь отцу, воспользовавшись бесхозным скотом, он предпочел действовать официальным путем, надеясь, что Кабильдо решит это дело по справедливости и предоставит его отцу то, о чем он просит.

Когда замыслы португальских интервентов стали ясны Артигасу, он выработал свой план, состоявший в том, чтобы задержать продвижение войск врага и не дать им занять Ангостуру и Серро-Ларго. Для этой цели он выделил отряды Риверы и Оторгеса, а сам направился в Сан-Диего, чтобы нанести врагу фронтальный удар. Андресито, перебравшись через реку Уругвай, с севера от Ибикуя должен был занять Мисионес и напасть на португальцев со стороны Сан-Борхаса. Войска Сотело тоже должны были перейти реку Уругвай, но по направлению к Япейу; Вердуну надлежало, выйдя из Арройо-де-ла-Чина, занять португальскую территорию на севере реки Арапей.

Этот общий план Артигас сообщил Андресито; он дал ему множество практических рекомендаций, начиная от совета по поводу того, как уберечь лодки во время форсирования реки, в кончая указанием об организации доставки скота и использования при этом стариков, которые уже не могли участвовать в военных действиях. Свое письмо от 3 июля Артигас кончал словами: «Необходимо, чтобы все было подготовлено для решающего и искусного удара, ибо от него будет зависеть судьба нашей свободы».

Обстановка была тяжелой. План Артигаса, достойный большого полководца, сводился к следующему: приостановить наступление врага контратаками и затем вести борьбу против захватчика на его собственной территории. Этот план, восхищавший даже врагов, был тем более величествен, что должен был разворачиваться на огромном плацдарме: около трехсот легв разделяло крайние его точки; местность была пересеченной, по ней протекали большие и труднопроходимые реки, а связь и доставка ресурсов были очень затруднены. Главное же заключалось в том, чтобы перейти в контрнаступление против многочисленного и сильного противника и вести операции на таком обширном плацдарме. У Артигаса было лишь восьмитысячное войско, примитивно вооруженное, плохо дисциплинированное и находившееся под командованием офицеров, достоинство которых состояло лишь в одном — в их храбрости. Но Артигас ни секунды не колебался, его решение было окончательным. Обращаясь к тем, кто мог оказаться слабыми духом, он сказал: «Немало крови придется пролить, чтобы осуществить этот план».

Через семнадцать дней после получения указаний от Артигаса Андресито начал поход на север. Его штаб состоял из одних индейцев — Тирапаре, Маракаху, Арапоти и Гира-Вера. У Андресито было тысяча копий и вдвое меньше ружей. Португальцы попытались помешать войску Андресито пересечь

Уругвай; тогда индейцы, составлявшие это войско, рассыпались, поодиночке переправились через реку и, соединившись на другом берегу, вооруженные лишь копьями, сумели подавить огонь португальских мушкетеров. Это была первая битва, принесшая успех патриотам. Индейцы напали на авангард бригадира Чагаса и одержали победу в Ринкон-де-ла-Крус Чагас нашел убежище в Сан-Борхасе. Укрепив стены этого города, расположенного на холме, он решил отсидеться здесь в ожидании подкрепления. 20 сентября Андресито начал осаду Сан-Ворхаса — города, где он родился тридцать восемь лет назад.

26 сентября в Ибирапиту-Чико войска маршала Курадо столкнулись с авангардом Артигаса, под командованием его племянника Гателла, обнаружившего качества настоящего героя. Казалось, что вот-вот будет одержана победа. Однако тактика удлинения флангов полукруга (именно так всегда воевали индейцы в пампе), несмотря на то, что ею в свое время пользовались Ганнибал и Наполеон, в данном случае при незначительном количестве войск, к тому же недостаточно обученных, в условиях, когда противник противостоял сомкнутым квадратом, привела к поражению.

Солдаты, с большим успехом воевавшие в партизанских отрядах, здесь, на открытом поле сражения, не могли достичь такого успеха.

Артигас не терял присутствия духа и пытался извлечь урок из допущенных ошибок. Он писал своему секретарю Баррейро для передачи Ривере, желая, чтобы тот не повторил тех же промахов:

«Враги нанесли нам немало ущерба своей кавалерией, им всегда удавалось разбивать наши фланги и линию пехоты, которые были слишком примитивными». Артигас советовал серьезно подготовиться к следующим сражениям, так как предвидел, что в дальнейшем война будет становиться еще более трудной. К тому же португальцы были безжалостны и отказывали в помощи даже раненым.

Между тем Андресито слишком долго осаждал Сан-Борхас, теряя время на посылку ультиматумов Чагасу, который ждал подхода подкрепления. 3 октября, когда Чагас уже начал думать о капитуляции, к городу подошли войска полковника Абреу. Андресито пришлось выдержать отчаянное сражение в Паламар-де-Сан-Борхас, завершившееся полным разгромом его войск и потерей всего северного района.

Когда весь север оказался во власти португальцев, Курадо решил напасть на Вердуна, продвинувшегося до Пунтос-де-Ибирокай. 19 октября Мено Баррето, которому была поручена эта операция, разгромил Вердуна. Таким образом, на севере

оставались только те войска патриотов, которыми командовал сам Артигас; он находился в Рио-Гранде и пытался со своими гаучо продолжать борьбу с португальцами и хотя бы частично реализовать свой план.

Штаб Артигаса был расположен на вершине горного хребта Корумбе, над рекой Куарейм. В его распоряжении были тысяча всадников и пятьсот пехотинцев. Это были плохо вооруженные добровольцы-гаучо. Несмотря на тактическое поражение в Санта-Ане, Артигас повторил тот же маневр и совершил те же самые ошибки, от которых он предостерегал Риверу. Португальские войска во главе с бригадиром Оливейра Альваресом 27 октября разбили армию Артигаса. В итоге тридцати шести дней войны и этого последнего поражения все войска Восточной провинции на севере были ликвидированы; преимущество вражеских войск, хорошо обученных, прекрасно вооруженных, во главе которых стояли опытные офицеры, было очевидным. Военные действия были быстрыми и решительными; португальцы полностью разбили все планы Артигаса, чьи солдаты, как говорил Мена Баррето, «сражались отчаянно».

И все же Артигас не был полностью разбит, и португальцы не могли еще считать себя победителями. После того как португальцы заняли Санта-Тересу, ключевую позицию Восточной провинции, они начали бой против войск Риверы, который пытался сопротивляться продвижению Лекора. В ноябре Ривера был разбит в Чафалоте. Убедившись в необходимости достигнуть большей маневренности своих соединений, он сам возглавил быстрый марш и наутро оказался в арьергарде португальцев в Игероне, на реке Индиа-Муэрта, где место было болотистое. Здесь он ждал прихода передовых сил армии Лекора под командованием генерала Пинто де Араухо.

Как рассказывал один из офицеров Риверы, «уже издали португальские войска выглядели величественно». К несчастью, Ривера вновь повторил прежние ошибки: кавалерия, которая располагалась на флангах, напоминала молот, а пехота растянулась на большую дистанцию и была похожа скорее на партизанских стрелков, чем на дисциплинированную армию.

Если бы линия войск не была так расположена, успех мог бы сопутствовать Ривере, который сумел дважды обойти вражеские войска. Однако пассивность некоторых батальонов и явное преимущество португальцев в людях и вооружении обеспечили им победу в этом сражении, продолжавшемся три часа Патриоты сражались самоотверженно и совершали необыкновенные подвиги. Отважная партизанка из города Кордовы Хуана Бустаманте, похожая на индианку, сидя на коне, с искаженным от

гневного возбуждения лицом и развевающимися на ветру волосами, убеждала слабых не покидать поле боя. Подвиг самого Риверы вошел в историю как пример огромного личного мужества.

В разгар битвы, отделившись от фланга, Ривера появился перед врагами совершенно один. Он летел на своем черно белом коне почти стоя, без шляпы, в расстегнутой куртке, с обнаженной загорелой грудью, блестевшей от пота, как бронза. Единственным его оружием было копье. Домчавшись до вражеской колонны, он налетел на офицера, который ее вел. Услышав ржание лошади, офицер быстро повернулся, но Ривера в то же мгновение нанес ему страшный удар копьем. Офицер упал замертво, а его отряд стал разбегаться. Патриоты, которые уже начали было отступать, повернулись и вступили в схватку с врагом, во время которой было убито около двадцати португальцев. В конечном счете бой оказался бесполезным, и все же этот достойный Гомера подвиг служит великолепным примером жестокости и величия, характерных для борьбы за свободу, которую возглавлял Артигас.

«Прошло еще три или четыре часа жестокого боя, и нам удалось добиться поражения противника», — писал после этой битвы португальский военачальник Маркес. Артигас с остатками своей армии скрылся среди холмов.

Примерно в это же время маршал Сильвейра, перейдя реку Ягуарон, направился через Серро-Ларго к Кордобесу. Против него вышли солдаты Оторгеса и около Пало-Паеса разбили португальцев, правда, ценой гибели многих патриотов, в том числе отважного капитана Галеано. Патриоты на быстром марше продолжали атаковать португальцев и окружили их в поместье Касупа. Однако отсутствие достаточной военной подготовки у офицеров Артигаса дало Сильвейре возможность выйти из окружения и соединиться с войсками Лекора.

Подходил к концу 1816 год, принесший длинный ряд поражений. Но даже они не могли вывести Артигаса из равновесия. Он был полон решимости и 30 ноября, уже зная о потерях Риверы, в письме к Баррейро просил ускорить подготовку военных резервов: «Вчера с нами соединились дивизия Вердуна и войска провинции Корриентес, — писал он. — На этой неделе жду прихода войск из Эрвидеро и Сориано; с ними мы предпримем новую кампанию и посмотрим — быть может, судьба пойдет нам навстречу». Еще через два дня из своего временного штаба он послал в Санта-Фе другое письмо, в котором вновь говорил о «необходимости дать энергичный отпор и разоблачить происки Буэнос-Айреса во имя спасения судьбы федерализма и всей Америки».

С самого начала португальской интервенции верховный правитель Буэнос-Айреса Пуэйрредон держал наготове своих сторонников в Монтевидео, к которым в какой-то мере принадлежал и Баррейро. Об этом свидетельствует письмо Пуэйрре-Дона Сан-Мартину, где говорится о двойной игре Баррейро. Баррейро развернул весьма активную деятельность и, насколько Артигас мог судить, действовал честно, хотя за ним числились и не совсем чистые дела при использовании земель, перешедших в общественную казну. Неусыпный, требовательный контроль Артигаса, основным принципом которого был аскетизм, не допускавший никаких уступок, приводил к появлению все большего числа недовольных; вызывали протест и ограничения в торговле с Буэнос-Айресом, а теперь и с Бразилией наносившие, разумеется, ущерб жителям города. Недовольны объединились с теми сторонниками Буэнос- Айреса, которые были связаны с Пуэйрредоном, а к ним, в свою очередь, примкнули сторонники португальцев. Эта последняя группа действовала при помощи Николаса де Эрреры, который, как это явствует из писем Гарсии, подготовлял в Монтевидео переход Восточной провинции под власть Португалии. Баррейро не избег сети интриг Эрреры и оказался втянутым в заговор, Хуан Мариа Перес, возглавлявший этот заговор, ставил свое целью избавиться от Баррейры и заменить его кем-либо, более склонным к сдаче города португальцам. Мятеж батальона Переса разгорелся в начале сентября, когда войска Артигаса истекали кровью в битве при Санта-Ане. Артигас вскоре получил известия о мятеже, о том, что Баррейро поражен в тюрьму, а все военные и гражданские посты заняли мятежники. Однако Кабильдо сумел быстро восстановить положение, Баррейро снова занял свой пост.

Но когда португальцы, не встречая препятствий, двигались на Монтевидео, Баррейро через своего уполномоченного Порфирио Бауса попросил Пуэйрредона о помощи. Тот только этого и ждал. Он потребовал в обмен признания центральной власти Буэнос-Айреса провинцией Восточного берега и другими провинциями и отмены изданного Артигасом закона о закрытии портов. На этих условиях Буэнос-Айрес соглашался оказать помощь Монтевидео в обороне от португальцев.

Кабильдо Монтевидео направил к Пуэйрредону двух делегатов — Хосе Хуана Дурана и Хуана Франсиско Гиро — для переговоров. Артигас, разумеется, ничего об этом не знал и еще за месяц до этого предупреждал Кабильдо о «преступном и возмутительном поведении Буэнос-Айреса, который только и мечтает о нашей гибели».

Баррейро присоединился к позиции Кабильдо. И тогда

делегаты, люди богатые, которых мало беспокоила судьба провинции и пролитая за нее кровь и которых интересовал лишь успех будущих экономических операций, подписали в Буэнос-Айресе все, что от них потребовали.

Ни Кабильдо, ни Баррейро не могли принять условия, на которые согласились делегаты и которые выходили за рамки данных им инструкций. И разумеется, не мог согласиться с ними Артигас, который с огромными усилиями пытался вновь собрать воедино свое обессилевшее войско и вновь начать борьбу с врагом. Подписанный договор он назвал провокацией, — «настоящим оскорблением, нанесенным лично ему и чести всех народов Восточной провинции», а тех, кто захотел продать и предать свою провинцию, он назвал «чужестранцами в собственной стране».

В своем замечательном послании к Кабильдо Монтевидео от 16 декабря 1816 года Артигас сделал заявление, которое он хотел навсегда оставить в памяти своих соотечественников: «Вождь народа Восточной провинции на протяжении долгого времени не раз доказывал, что он слишком горячо любит свою родину, чтобы жертвовать ею во имя жалкой необходимости». И действительно, ни в опасностях войны, ни во время относительного спокойствия и мира не было человека с более чистой совестью и более последовательной позицией, чем Хосе Артигас.

Между тем португальские войска под командованием Декора приближались к Монтевидео. Артигас понимал, что оборона города крайне трудна и что его необходимо эвакуировать. Надо было перенести военные действия в такие районы, где было бы легче решить проблему ресурсов. Прежде чем покинуть город, он предлагал разрушить его стены и вывезти военное снаряжение и припасы, чтобы они не достались предателям.

Начался 1817 год. Артигас хотел дать противнику еще один решительный бой, чтобы задержать войска, двигавшиеся к столице. Артигасу противостояли соединенные войска португальских военачальников Курадо и маркиза де Алегрете, получившие подкрепление. Командование войском Артигас поручил молодому офицеру Андресу Латорре. Сам же он занял позицию на берегу Арапея, куда подошли португальские войска под командованием полковника Абреу. Получив сведения от перебежчиков, он переправился через реку и, оставив за собой охрану, двинулся со своей артиллерией прямо в лагерь Артигаса. Это произошло 2 января.

Артигас открыл огонь по нападающим и заставил португальцев бежать. Бросившись преследовать врага, войска Артигаса покинули свою позицию, и оказались в центре поля.

Однако сильный огонь португальской артиллерии внес полнейшее Смятение в войска патриотов. С огромным трудом Артигасу удалось спастись. Его лагерь был разграблен и подожжен.

Войска полковника Абреу пошли на соединение с Алегрете. А пока Латорре снова перешел реку Куарейм и 4 января оказался почти напротив того места, где расположился Алегрете, на берегу реки Каталан, у самого впадения ее в Куарейм. Направо от него была сильно пересеченная местность, налево — ущелье, смыкающееся с руслом реки Каталан. К сожалению, Латорре снова выбрал неправильную тактику: он атаковал сначала левый фланг португальцев, а затем, перейдя реку, начал атаковать арьергард, но Мена Варрето твердо выдержал этот удар, так же как и Курадо на левом фланге. Тогда Латорре повел свой левый фланг в атаку против правого фланга португальцев. Началось жестокое сражение. Оно продолжалось с переменным успехом, пока на помощь к португальцам не подошли войска Абреу, которые возвращались после победы над Артигасом. Они обрушились на отряды Латорре, и португальцы достигли успеха, но ценой больших потерь. Поэтому они не стали развивать наступление и отошли к реке Куарейм для перегруппировки.

5 января Артигас написал Баррейро лаконичное письмо, в котором четко объяснил положение и дал задание Ривере отойти к Рио-Негро и эвакуировать Монтевидео. Артигас потребовал, чтобы стены города были снесены. Через неделю, когда Лекор подошел уже совсем близко, Артигас снова написал Баррейро и сообщил, что он собирает войска в надежде перейти в наступление. Для этого он просил у Баррейро оружия.

«Мы потерпели поражение и отныне вечно должны сожалеть об этом», — писал он о проигранной битве у Каталана.

Монтевидео был эвакуирован 18 января в условиях полного порядка, как отмечали даже португальцы; требование Артигаса не было выполнено, и городские стены остались нетронутыми. Из города ушли только восемьсот человек из числа вольноотпущенных Баусы и артиллеристов Рамоса, а также некоторые патриотически настроенные рехидоры. Во главе войск шли Баррейро и Суарес. Молча вышли они через ворота Сан-Хуан. Позднее они присоединились к небольшой дивизии под командованием Мануэля Франсиско Артигаса, находившейся в Канелонесе.

Как только патриоты оставили Монтевидео, члены Кабиль-до на следующее же утро отдали дань предательству и раболепию. Они клеймили Артигаса, называли его угнетателем, надругавшимся над свободой. Кабильдо проголосовал за

признание португальского короля. Были зачитаны прокламация Лекора и ответное послание, составленное в весьма медоточивых выражениях; Ларраньяга и Эстрада отвезли его Лекору. Было решено, что весь городской совет выйдет к воротам Монтевидео, чтобы вручить победителю ключи от города. В торжественной обстановке вошел в Монтевидео главнокомандующий португальских войск, генерал Карлос Федерико Лекор, усмиритель мятежных провинций, действовавший от имени его величества дона Карлоса VI, короля Португалии, Бразилии и Алгарви. Лекор вошел в город через ворота Сан-Франсиско, встреченный восторженными кликами толпы. Раздавались, однако, и другие возгласы: «Долой португальцев и их приспешников!» 20 января 1817 года над Монтевидео вместо трехцветного знамени Артигаса взвился флаг португальских королей.

Генерал Лекор начал с подкупа жителей Монтевидео различного рода подачками — чинами, земельными угодьями, почетными титулами. Его офицеры вступали в брак с уроженками города, чему первым подал пример сам Лекор. Между тем на севере, в Мисионес, его войска истребляли население, стирали с лица земли одно поселение за другим, проявляя дотоле еще невиданную жестокость.

И все же Артигас не считал себя окончательно побежденным. В Пурификасионе он с жаром взялся за восстановление своего войска; об этом рассказывал Пуэйрредон в письме к Сан-Мартину. Артигас думал о новых битвах и о новой стратегии. Но его указанию патриоты постоянно преследовали новых хозяев Монтевидео; их неоднократные атаки не раз заставляли Лекора выходить из крепости. Действовали также отряды партизан во главе с Лавальехой и Баррейро. Несколько раз Лекор принужден был дойти даже до Пасо-де-Арена, где патриоты действовали совместно с корсарами, самыми важными союзниками Артигаса в этой войне.

Для Артигаса, не имевшего собственного флота, иностранные пираты были той силой, которая помогала ему бороться с вражеской торговлей. Первые пираты, вышедшие под флагом Артигаса, были снаряжены в Пурификасионе. Затем они стали базироваться в колонии, ставшей их центром. Действия корсаров начали всерьез беспокоить Буэнос-Айрес. Среди тех, кто активно служил делу Артигаса, были англичане Ричард Лич, Джон Кларк и Джон Мерфи; были также французы и североамериканцы. Корабли «Непокоренный» Джона Даниэльса и «Мария» Педро Дутана получили тогда широкую известность не только своими отважными операциями, но и тем, что они пронесли по многим

морям флаг Артигаса.

Провинция Восточного берега была так изнурена войной, что Артигас в поисках ресурсов обратился к провинциям Литораля (Междуречья). Он начал получать помощь от Мендеса из провинции Корриентес, от Веры из Санта-Фе и Рамиреса и Хордана из провинции Энтре-Риос В феврале 1817 года он просит Веру подготовить три тысячи человек. Своим офицерам, которые начали осаждать Монтевидео, он приказал ускорить подтягивание резервов. В апреле Артигас решил подойти ближе к Монтевидео. В Пасо-де-Арена — штабе патриотов — его встретили с радостью. Португальцы были окружены в Монтевидео со всех сторон, и им требовалось прилагать много усилий, чтобы обеспечивать снабжение города всем необходимым. Артигас приехал сюда, так как знал, что среди его офицеров уже появилось неверие в победу, а у некоторых и прямое желание договориться с португальцами и с портеньос. Многие из них уже перешли к врагу, другие только и ждали момента, когда можно будет сделать то же самое. Не было уверенности даже в самых близких людях, родственниках и помощниках вроде Баррейро или Оторгеса. Отвечая на заигрывания Пуэйрредона, Оторгес выражал ему свою преданность и сообщал, что именно следует предпринять, чтобы убедить Артигаса «прислушаться ко всеобщему стону».

Только на севере индеец Андресито был полон решимости и всеми силами стремился преодолеть последствия поражения в Сан-Борхасе. Артигас написал ему письмо, в котором говорилось:

«Не теряйте присутствия духа и продолжайте свой путь на Транкеру. Поднимайте боевой дух индейцев. Кровь, пролитая их братьями, предсмертные стоны славных защитников Сан-Борхаса, цепи, в которые заковывали наших пленных, и их мучения, — все это требует от нас наивысшего напряжения сил, требует мести и борьбы за свободу». И Андресито продолжал отчаянно биться против португальцев.

Артигас тоже не сдавался. Когда перед ним закрывалась одна дверь, он стучался в другую. Так, пока портеньос договаривались об условиях сдачи Восточной провинции португальцам, Артигас послал делегатов в Парагвай, к мрачному диктатору Франсии, и заключил торговый договор с консулом Великобритании. Этот договор был инструментом, с помощью которого Артигас стремился добыть вооружение, столь необходимое его войску. Текст этого договора, подписанного в Пурификасионе 7 августа 1817 года, был напечатан во многих европейских газетах.

Кроме того, Артигас договорился с приехавшим в Пурификасион североамериканским консулом Томасом Хелси по

некоторым внешнеполитическим и торговым проблемам. В результате морское пиратство получило признание и тот масштаб, которого требовали интересы Восточной провинции. Хелси предложил Артигасу корабли и людей, чтобы помочь ему задушить португальскую торговлю. Хелси, внимательно следивший за борьбой Артигаса, докладывал своему правительству в апреле и июле 1817 года, что справедливость на стороне вождя Восточной провинции, и на этом основании просил оказать помощь Артигасу и его соотечественникам.

По совету консула Артигас 1 сентября написал президенту Соединенных Штатов Монро. Хелси сыграл также важную роль в увеличении корсарского флота, центром которого стала Балтимора. Отныне Лекор и Пуэйрредон потеряли покой. Среди названий кораблей встречались такие: «Республика Восточного берега», «Генерал Артигас», «Конфедерация», «Непобедимая Восточная», «Восточный тигр» и т. д. Некоторым из этих кораблей удалось не только совершить рейсы по Ла-Плате, но и выйти в Атлантику и даже дойти до Средиземного моря. Их деятельность нарушала торговлю между портами Бразилии и Португалии и приводила к большим потерям.

Борьба против централизма Буэнос-Айреса

В политической жизни 1817 и последующих годов господстствовал, в сущности говоря, один фактор — постоянное сопротивление политике Ложи Лаутаро, находившейся теперь в руках Пуэйрредона и открыто направленной против Федеральной лиги и авторитета Артигаса. Помимо того, что Ложа вела интриги в Литорале, Барнардино Ривадавия отправился в Европу, чтобы предложить какому-либо принцу из королевской семьи управление Ла-Платой; таковы были пожелания конгресса в Тукумане и правительства Буэнос-Айреса. Победа, одержанная Сан-Мартином в Чакабуко, еще больше укрепляла Пуэйрредона на его монархистских позициях.

Сан-Мартин представлял в Америке революционное якобинство, опиравшееся на демократические тенденции испанской революции; он действительно стал символом американской революции, ибо был руководителем освободительной войны, не будучи связанным никакими интересами ни с помещиками, ни с торговцами. Несмотря на свое ведущее положение в Ложе, он стоял в стороне от многих политико-экономических проблем, служивших причиной раздора среди населения, и всячески стремился отстраниться от участия в гражданской войне.

С другой стороны, по мере того как португальцы углублялись в Восточную провинцию, правительству Буэнос-Айреса становилось ясна, что интервенты (хотя об этом открыто не заявлялось), как и во время первого своего вторжения под командованием Диего де Соуза, стремились окончательно аннексировать территорию, называвшуюся «Залаплатской». Было ясно, что ни Пуэйрредона, ни других участников Тукуманского конгресса португальская монархия тоже не устраивала. «Я хочу, — заявлял Пуэйрредон, — такого монарха, который соответствовал бы чести, которой он удостаивается, то есть я хочу такого монарха, который был бы более значителен, чем дон Хуан, причем он должен быть только нашим и ничьим другим королем».

Когда Артигас узнал об этих намерения Пуэйрредона, он немедленно начал предпринимать всевозможные контрмеры. Он разослал декларации, составленные аргентинцами-эмигрантами в США. Декларации содержали разоблачения маневров правительства Буэнос-Айреса. Однако, учитывая дезертирство и

упадок духа своих офицеров, Артигас хотел выяснить, имеет ли он право брать на себя ответственность за дальнейший ход событий. Когда в ответ на его заявления об отставке от всех кабильдо пришли уверения в преданности и готовности следовать за ним, Артигас из Пурификасиона направил Пуэйрредону обвинительный документ. Он был написан в духе знаменитого письма Цицерона Катилине:

«До коих пор намерены вы усугублять мои страдания? Восемь лет революции, надежд, опасностей, превратностей, несчастий должны были бы, кажется, служить достаточным доказательством моей решимости, а также истинного намерения нашего правительства… Величие жителей Восточной провинции сравнимо только с их готовностью к жертвам; они умеют презирать опасности и преодолевать их, они сопротивляются и будут сопротивляться. Я же во главе их пойду туда, где раньше всего возникнет опасность». Свой меморандум Артигас закончил следующими словами: «Скажу вам раз и навсегда: вы будете нести ответственность перед родиной за предательство ее интересов. Настанет день, и суд всей нации воздаст каждому по всей справедливости».

Это послание Артигас направил открыто через Санта-Фе. Однако ничто не могло заставить Пуэйрредона изменить свои планы — довести до конца борьбу против федерализма и обеспечить торжество централистской политики Буэнос-Айреса. В ответ на меморандум Артигаса по заказу Пуэйрредона был состряпан и опубликован пасквиль, в котором Артигас назывался «чудовищем», «хищным волком», «бичом родины», «новым Аттилой, свирепствующим на несчастных землях, которые ему подвластны». Этот пасквиль, автором которого был Кавиа, один из членов камарильи Пуэйрредона, был разослан по всей стране, чтобы подорвать престиж Артигаса.

В конце 1817 года Пуэйрредон писал Сан-Мартину, что «дела в провинции Восточного берега рушатся», и сообщал о дезертирстве Эреньу и других соратников Артигаса, которым он помогал. Однако в действительности движение за автономию еще не было ликвидировано, и провинции, входившие в Лигу, продолжали оказывать Артигасу большую помощь.

В это время в стане Артигаса начал выделяться Рамирес, который не раз побеждал в сражениях против войск Буэнос-Айреса. Теперь его называли «могучим энтрерианцем». Рамирес, сын парагвайского лодочника, был с 1811 года сподвижником Артигаса. В то время ему было тридцать лет. Среднего роста, сильный и загорелый, с большой головой и густой черной шевелюрой, с густыми бровями и тяжелым взглядом черных глаз,

он внушал скорее страх, нежели симпатию. Мужественный и самостоятельный в своих суждениях и поступках, он отличался твердым характером и жестокостью. Во время войны с Буэнос-Айресом Рамирес в течение двух месяцев одерживал победы над портеньос и стал отважным и опасным вождем провинции Энтре-Риос.

Между тем португальцы, победители во множестве сражений, завладев Монтевидео, все еще не чувствовали себя хозяевами. Артигас продолжал господствовать и во внутренних районах Восточного берега и в провинциях Междуречья, откуда он черпал силы. Наибольшую помощь ему оказывали провинции Энтре-Риос и Корриентес. Чтобы окончательно ликвидировать власть Артигаса, португальцы решили осуществить двойную операцию — на воде и на суше. Для этого они вызвали эскадру Сенна-Перейры, и 2 мая 1818 года она прошла по реке Уругвай на север. Во-вторых, пришло в движение войско Ку-радо, которое бездействовало со времени победы у Каталана и в феврале вновь начало наступление. В результате этой комбинированной кампании португальцам удалось соединить свои коммуникации по всей Восточной провинции.

Артигас немедленно собрал свои батареи в Арройо-де-ла-Чина, Пасо-де- Вера и Перучо-Берна, чтобы закрыть проход португальским кораблям. Однако батареи эти были вскоре разбиты Бентосом Мануэлем, который к тому же наложил военные налоги на население Арройо-де-ла-Чина и увез с собой немало людей и всех лошадей. Затем, находясь под защитой флота Перейры, он снова перешел реку Уругвай.

И все же, несмотря на эти новые неудачи, Артигас не терял надежды укрепиться. Он перешел на реку Кегуай и отсюда написал Ривере, чтобы тот соединился с ним. Льюпесу и своему брату, которые находились напротив Монтевидео, он приказал усилить нападения на португальцев, находившихся в городе. Ривера неохотно двинулся на север. Ему была известна прокламация Дурана, рехидора Монтевидео, ставшего послушным исполнителем воли португальцев. Дуран призывал солдат Артигаса дезертировать, обещая перебежчикам по шесть песо в месяц, которые будут выплачиваться с такой же аккуратностью, как и жалованье офицерам, перешедшим на сторону врага.

А когда Ривера прибыл в назначенное место, оказалось, что Курадо уже переселил семьи, вывезенные им из Арройо-де-ла-Чина, в Пурификасион, куда он вошел 9 апреля 1818 года и где расположил свой штаб. Итак, штаб захватчиков разместился на месте штаба борьбы за свободу!

Ривера решил сделать неожиданный обход, и ему удалось

напасть на Бентоса Мануэля и рассеять его войско. Затем Ривера направился в Ринкон-де- Лино-Перес, а Артигас обосновался в Кегуай-Чико. Здесь он получил еще одну грустную новость: Оторгес, оставшийся почти единственным, кто еще сопротивлялся на юге, укрепившись на берегу Рио-Негро, был захвачен врасплох Бентосом Гонсалесом, и после небольшой схватки войско его было разбито, а сам он захвачен в плен. С разгромом Оторгеса нарушилась связь между вождями восточных войск. Положение становилось все более мрачным. Теперь на юге сопротивляться врагу мог только Хосе Льюпес. Со своим отрядом добровольцев Льюпес изо всех сил пытался разорвать коммуникации португальцев в этом районе.

Бентос Мануэль продолжал двигаться к Кегуай-Чико, где обосновался Артигас. 4 июля он внезапно напал на лагерь Артигаса и наголову разбил его войска. Он захватил его имущество и взял много пленных, в том числе Баррейро с женой. Однако уже через несколько часов на Мануэля напал Ривера, которому после короткой схватки удалось отнять у Мануэля все, что было захвачено в штабе Артигаса.

В конце июля генерал Пинтос, недавно прибывший со своими войсками из Сан-Пауло, напал на войска Риверы и разбил их. Были взяты в плен многие офицеры и среди них брат Риверы Бернабе. Затем Пинтос направился в Сан- Хосе, где не встретил никаких войск. Здесь он захватил группу женщин — жен офицеров Артигаса, ехавших в Канелонес, в том числе жену Льюпеса; жене Риверы удалось бежать. Все они были отправлены в Монтевидео, где их посадили в тюрьму при военной крепости.

Через несколько дней был взят в плен брат Артигаса Мануэль Франсиско, а затем Хоакин Суарес. К этим несчастьям, которые деморализующе действовали на офицеров Артигаса, прибавилось предательство: перешел к португальцам Гарсиа де Суньига, человек, пользовавшийся полным доверием Артигаса, и его советник с самого начала революции.

Лекор, увидя, что его подкупы имеют успех, попытался применить эту тактику к Артигасу. Ответ был кратким и драматическим: несчастный эмиссар, посланный с этим поручением, был убит Артигасом.

Закрепившись в Кегуае, Артигас вновь (в который раз!) начал реорганизацию своего разбитого войска, все еще надеясь предпринять новую кампанию против португальцев.

Тем временем в столице Соединенных Штатов посланец Буэнос-Айреса вел переговоры с министром иностранных дел Адамсом о признании Аргентины, совершенно игнорируя, однако, факт существования Восточной провинции и борьбу Артигаса.

Адаме подробно расспрашивал о положении в Ла-Плате и о важнейших проблемах, волнующих ее жителей. Адаме оказался весьма осведомленным в этих вопросах. Эмиссар Буэнос-Айреса не сумел убедить правительство США в необходимости признать Аргентину, и президент Монро решил послать в Ла-Плату своего делегата. Перед этим в конгрессе велись горячие дебаты по поводу признания независимости Аргентины.

События, связанные с борьбой Артигаса и корсарами, уже давно занимали общественное мнение США. В потоке вопросов, реплик, споров, который бурлил в конгрессе, начали постепенно вырисовываться истинные контуры фигуры Артигаса, не просто выдающегося человека, но и настоящего вождя народов. О нем сообщали консул Хелси и представитель США в Буэнос- Айресе Ворингтон. В своих донесениях он описывал Артигаса как «одинокого и отважного руководителя, который, сидя на бычьем черепе под смоковницей, диктовал свои распоряжения двадцати тысячам своих подданных». Адаме был хорошо осведомлен об Артигасе. Именно он, анализируя в конгрессе ла- платскую проблему, заявил: «Единственный защитник демократии в этих районах Америки — это отважный и рыцарственный республиканец, генерал Артигас, единственный, кто достоин произносить имя Вашингтона. У остальных же при одном только звуке этого имени мурашки бегут по коже».

Комиссия конгресса США прибыла в Ла-Плату в начале 1818 года. К этому времени дезертирство офицеров из армии Артигаса усилилось. Становились ясными причины распада армии. Об этом прямо говорили офицеры, перешедшие со своими отрядами к противнику: «Мы убедились, что при правлении Артигаса разрушается частная собственность и происходят многочисленные беспорядки, которые мешают людям жить». Со своей точки зрения они были правы — ведь этим людям, которые совсем не были революционерами, как Артигас, хотелось сохранить в неприкосновенности свои имения и привилегии, и, в сущности, за это они и боролись. Они рассуждали: что будет, если Артигас окажется победителем? Что станет с их латифундиями, с их доходами, если уже сейчас, несмотря на все трудности, проводился в жизнь регламент, обеспечивавший интересы самых обездоленных за счет интересов людей состоятельных.

Этих людей не пришлось долго уговаривать стать союзниками врага. Но эта жалкая стая предателей не могла заставить Артигаса отказаться от своей великой мечты и прекратить борьбу. «Я буду и дальше бороться, если только у меня останется хотя бы один солдат», — заявил он прибывшим

делегатам. «А с португальцами, — добавил он, — я буду бороться, если у меня не останется ни одного солдата, а только дикие собаки».

Чтобы усилить движение сопротивления в других провинциях, Артигас посылает инструкции Эстанислао Лопесу в Санта-Фе, советуя ему заставить портеньос уйти восвояси. Лопес перешел в лагерь федералистов и стал одним из видных деятелей в своей провинции. Свое войско он одел в яркие чирипа (обычная одежда гаучо) и тигровые шкуры и вооружил их копьями с украшениями из перьев. В течение короткого времени Лопес закрепился на своей территории и вошел в контакт с Рамиресом, который стал теперь вождем в Энтре-Риосе. Их обоих поддерживала эскадра Педро Кемпбелла, ирландского моряка, авантюриста и идеалиста одновременно. Высокий, костлявый, с рыжей бородой и усами, одетый в лохмотья, он выглядел довольно свирепым. Таким его описывает Робертсон. Эту странную фигуру, оставшуюся здесь как живое воспоминание об английской интервенции, сопровождал оруженосец, столь же экстравагантный, как и он сам. Кемпбелл воевал на стороне Артигаса с 1817 года, плавая в водах Параны, а затем помогая Андресито при взятии Корриентеса. Обычно он применял тактику, в успехе которой он убедился при своих морских набегах, — взятие на абордаж.

А в Кегуае Артигас с батальоном из шестисот человек, перенося страшные лишения, ждал окончания зимы. У его солдат не было никакой другой одежды, кроме чирипа. Они просыпались полузамерзшие и разводили огонь, чтобы хоть как-нибудь согреться. Артигас все еще надеялся, закрепившись в Литорале, начать новое наступление против португальцев.

Третий план наступления Артигаса, который относится к началу 1819 года, состоял в том, чтобы с трех сторон ворваться на территорию португальцев. Артигас должен был войти со стороны Санта-Аны, Андресито — через Мисионес, Каере — через Ибикуй. Затем все трое должны были двинуться к Санта-Марии. План этот был таким же отчаянным, как и предыдущий. Кампанию начал Андресито, овладевший многими населенными пунктами Мисионеса за исключением Сан-Борхаса. Полковник Арауче атаковал его в Сан-Николасе и сам погиб в бою. Однако вскоре Абреу сумел отомстить в битве при Итакуруби, заставив Андресито распустить своих всадников под угрозой пленения. В конце 1819 года, в Сан-Лукасе на зеке Уругвай, недалеко от Сан-Николаса, Андресито был пойман кожаным арканом в тот момент, когда он вместе со двоими товарищами сооружал плот. Андресито был взят плен, и это означало полное прекращение

сопротивления патриотов на севере.

Это было настоящее бедствие. Артигас принужден был изменить свой первоначальный план. Он пересек Уругвай в декабре 1819 года и закрепился со своими войсками на другом берегу. После того как Латорре разбил авангард Абреу при Ибирапуита, войско продолжало наступать до Санта-Марии. Здесь после целой серии военных операций, не принесших решающих результатов, Артигас был вынужден вернуться в свою провинцию, чтобы раздобыть лошадей для своей сильно уменьшившейся кавалерии. Его войскам удалось избежать битвы, которую португальцы намеревались дать в Кебрадас-де- Белхармино. Враги решили действовать иначе: когда Артигас уехал, они напали на оставшихся солдат. Много патриотов здесь погибло, в том числе офицеры- индейцы — воспитанники Андресито. Этим разгромом ознаменовалось начало 1820 года — трагического года в жизни Артигаса.

Латорре, один из командиров Артигаса, пересек реку Такуарембо и закрепился на противоположном берегу, ожидая соединения с двигавшейся из Мисионеса дивизией, в авангарде которой был Сотело. Операция эта провалилась, так как воды реки сильно поднялись и это сделало невозможным соединение войск. В это время граф Фигерас, генерал-капитан бразильской провинции Рио-Гранде, прибывший на помощь Абреу с трехтысячным войском, настиг отряд Сотело. Это произошло 22 января. Португальцы жаждали возмездия за поражение при Ибирапуита, и месть их была жестока. От смерти и плена спаслись только те, кто сумел переплыть реку. Латорре с противоположного берега в отчаянии смотрел на эту расправу, не имея возможности прийти на помощь; он видел, как на его глазах гибли люди, в том числе Сотело, который до последнего момента старался внушать мужество своим солдатам. Видел Латорре, как были взяты в плен знаменитые офицеры — Льюпес, Сегундо Агиар и другие. От этой катастрофы спаслись лишь солдаты, которые смогли быстро углубиться во внутренние районы. Голодные, без обуви, они дошли до лагеря Артигаса в Матаохо.

Хотя это и кажется совершенно невозможным, Артигас собирал новые силы для борьбы. Уже двигаясь на Мангрульо, он узнал о разгроме в Такуарембо и был глубоко этим подавлен; слишком жесток и несправедлив был этот удар. В течение нескольких дней он пребывал в совершенном молчании и одиночестве. Единственным его утешением была надежда, что, быть может, Рамирес и Лопес, два выдающихся вождя Литораля, сумеют пойти на Буэнос- Айрес и что Ривера, его отважный «дон Фрутос», еще держится в родной провинции. Но эта надежда

длилась недолго: вскоре он узнал, что Ривера подкуплен португальцами и перешел на их сторону. Артигас понял, что все потеряно. С ним все еще находилась горстка преданных офицеров — Латорре, Техера, Агиар, Монтерросо; они продолжали внушать ему мысль начать все сызнова. Но Артигас, казалось, уже ни во что не верил. Однажды утром он позвал Латорре и сказал ему:

— Собери войско и от моего имени распусти его. Пусть люди уходят куда хотят. Я больше не буду вести борьбу с португальцами. Всякое сопротивление отныне кажется мне бесполезным.

Латорре собрал солдат и передал им эти скорбные последние слова вождя. Их было четыреста человек — все, что осталось от войска Восточной провинции. Произнеся последние слова, Латорре приказал солдатам разойтись. И тут произошло нечто непредвиденное. Армия, от которой осталась горстка людей, закаленных в тысячах битв, оборванных, разутых и голодных, услышав приказ разойтись по домам, не шелохнулась; не двинулась с места. Некоторые из бородатых солдат, покрытые рубцами от ран, заплакали, уставившись в землю, как будто отныне жизнь теряла для них всякую цену.

Когда об этом доложили Артигасу, он был потрясен; это вдохнуло в него новую силу, и он решил продолжать борьбу. Только несколько человек попросили разрешения отлучиться, чтобы «подкрепиться», как они говорили. Среди них был офицер Касерес, единственный, кто в тот памятный день оказался дезертиром.

Артигас теперь надеялся на получение помощи от друзей в Литорале. Прежде чем заняться снаряжением новой кампании, ему надо было устроить свои семейные дела. Для этого он направился в Мандисови к своей жене Мельчоре Куэнка и детям — Сантъяго и Марии.

Когда Артигас пересекал реку Уругвай напротив Конститусиона, его сопровождали несколько близких ему офицеров. Артигас был молчалив и сдержан. Позади оставалась целая жизнь, полная борьбы, гениальных планов и страданий, а главное — огромный мир обездоленного люда, который его никогда не предавал. Этот мир обездоленных, которых он хотел сделать счастливыми, не раз погибал, но всегда возрождался и сейчас вновь ожил в Мангрульо, как мифологический Антей, когда ему удавалось приникнуть к земле. Все это оставалось позади, за едва заметной полоской пены, которую оставляла за собой шлюпка, перевозившая его на другой берег, быть может, навсегда. Его фигура была теперь еще более сутулой, морщины на лице углубились и стали еще заметнее, а глаза, утратившие

блеск, были устремлены вперед, где уже наступали сумерки.

Война провинций Междуречья. Бегство от преследователей

Пока Артигас вел отчаянную борьбу против португальцев, его союзники, каудильо в Литорале, пользовались всеми преимуществами добытой в битвах независимости. Власти Буэнос-Айреса были серьезно обеспокоены тем, что их торговые связи с каждым днем все больше и больше нарушались из- за политики Федеральной лиги. Они предпринимали самые различные меры, чтобы любым способом вновь завладеть внутренними портами страны, и прежде всего городом Санта-Фе ключевым пунктом внутренней торговли. В ноябре 1818 года правительство Буэнос-Айреса начало военные действия с целью подчинить себе эту провинцию. Губернатором Санта-Фе был в то время Лопес. Понимая, что его собственные ресурсы исчерпаны, и учтя выгодные условия, предложенные ему Буэнос-Айресом, Лопес согласился прекратить военные действия и заключить договор. 5 апреля 1819 года договор был подписан Лопесом, а со стороны Буэнос-Айреса — генералом Виамонте.

Ни Артигас, ни Рамирес, каудильо Энтре-Риоса, конечно, не участвовали в этом. Провинция Санта-Фе вторично предала дело единства Лиги, заключив сепаратный договор. Артигас тотчас же отправил в Кабильдо Санта-Фе послание, в котором писал: «Для меня было бы менее тяжким узнать о военном поражении, чем увидеть упадок духа, ранее вдохновлявшего наш союз». В этом же письме он просил дать ему войска для продолжения борьбы с португальцами (это был тот период, когда он намеревался осуществить третий план атаки на врага). Поведение правителя Санта-Фе, который предоставил свои порты в распоряжение нейтралистской власти, подрывало всю политику Лиги.

Примерно в это же время в Монтевидео приехал монархист Альвеар вместе с кучкой других политических авантюристов. Он задумывал организовать пиратскую экспедицию, которая должна была действовать в интересах Буэнос-Айреса. Главная же его цель заключалась в том, чтобы перетянуть на свою сторону лидера провинции Энтре-Риос Рамиреса, оторвать его от Артигаса и воспользоваться его силами для осуществления своих собственных давно лелеемых им планов восстановления монархии.

В июне 1819 года, после тридцати восьми месяцев

беспрерывных неудач, ушел в отставку Пуэйрредон, постоянно колебавшийся между политикой распространения революции на другие американские земли, как об этом мечтал Сан-Мартин, с одной стороны, и защитой корыстных интересов портеньос — с другой. К тому же он устал от борьбы с Артигасом. Его заменил Рондо, который сразу же предложил заключить «длительный мир» с Санта-Фе и, если это возможно, с Артигасом. Он послал к Артигасу эмиссара, вновь предложив ему союз и мир во имя борьбы с общим врагом — испанцами. Артигас ответил посланием, в котором писал: «Сначала откажитесь от презренных планов вашего предшественника и внушите общественному мнению доверие! Сначала разорвите отношения с португальцами! Этими поступками вы сможете обеспечить успех дальнейших совместных шагов».

Артигаса по-прежнему больше всего беспокоило укрепление федерального союза провинций — объединение ресурсов в интересах общей обороны и сотрудничество для обеспечения «свободы всех и каждого», иначе говоря, осуществление его идей так называемой «большой революции». Зная, что сторонники Альвеара и португальцы готовят против него новые атаки, Артигас договорился с Рамиресом и Лолесом, и они, вновь объединившись, 1 февраля 1820 года разгромили централистские войска в Сепеде. Это была как бы компенсация за поражение при Такуарембо. Победители предложили Буэнос-Айресу изменить свою политику. Артигас же продолжал предпринимать меры для спасения Федеральной Лиги. В то же время, войдя в контакт с Сарратеа, Рамирес и Лопес от имени своих провинций договорились с Буэнос-Айресом. 23 февраля 1820 года в Пиларе было подписано соглашение. Его можно рассматривать как победу федерализма над ушедшей в прошлое реакционной формой диктаторского правления, оставшейся в наследство от испанского колониализма. В нем предусматривались такие важнейшие для самостоятельности провинций условия, как свободная навигация по рекам Парана и Уругвай и помощь войск Буэнос-Айреса силам Артигаса в его борьбе против португальцев. И все же в этом договоре не было истинного духа автономизма и программы Федеральной Лиги. Он скорее походил на список временных уступок, которыми Буэнос-Айрес хотел свести на нет дальнейшую борьбу Артигаса за социальные преобразования.

Копию этого договора Артигас получил, находясь в Мандисови. В нем полностью игнорировалось его участие и его роль в многолетней тяжелой борьбе за победу революции. Он снова берется за перо и пишет Рамиресу письмо, одно из последних в его жизни. Он анализирует содержание договора и

заканчивает словами: «Получив этот удар, я, не колеблясь, решил попытаться спасти провинцию Энтре-Риос от вашего всесильного влияния, равно как и от диктаторских тенденций Буэнос-Айреса». Рамирес, предвидевший такую реакцию Артигаса, желая сорвать предполагавшееся нападение его на португальцев, задержал в Ла-Бахаде ружья, которые Артигас посылал в Корриентес.

И Рамирес и Лопес действовали только в своих личных интересах. Артигас уже не мог ждать от них никакой помощи. Поняв это, он написал в Санта-Фе, но ответа не получил. Молчание это показало ему, что он остался теперь в полном одиночестве. Его последние союзники отказались от него и хотят теперь любой ценой навсегда покончить лично с ним и с его системой.

Незадолго до поражения в Такуарембе Артигас написал своему старшему сыну Мануэлю письмо, в котором давал ему наставления относительно его собственной судьбы и судьбы своей семьи — Мельчоры и ее детей. Он писал это письмо, не зная, как в дальнейшем сложится его жизнь. Мануэль находился в Кегуае, где жила также и Мельчора. Земли своего имения Артигас оставлял им обоим. Двадцатилетнему Мануэлю, который уже был женат, он поручал заботиться о своей второй семье. «Я поручаю тебе, — писал Артигас, — особенно беречь моего младшего сына Сантъяго, к которому прошу относиться как к брату. Не допускай, чтобы он терпел нужду, помогай ему. Если Мельчора пожелает уехать в другое место, не разрешай ей ни при каких условиях брать с собой ребенка; ты знаешь, что я буду содержать ее, пока она будет здесь жить, и прошу тебя ей во всем помогать и не стеснять ее ни в чем. Она может распоряжаться всем, кроме судьбы Сантъяго, которого я поручаю тебе». Далее он давал распоряжения о том, как вести хозяйство, как поступить со скотом и повозками. Он велел также раздать кое-что нуждающимся.

Артигас вернулся в родную провинцию. Он снова остановился в Мандисови, где получил ответ от Мануэля, сообщавшего о том, как он выполнил его распоряжения.

В следующем своем письме, напоминающем завещание, Артигас снова повторяет свою последнюю волю: «Думаю, что на средства, посланные тебе ранее, и на те, что посылаю теперь, ты сможешь содержать свою семью, а также твоего младшего брата и четырех наших слуг — дядюшку Панчо, дядюшку Хорхе. Орнеро и Франсискильо, которых ты должен обеспечить всем необходимым, даже если для этого придется продать часть скота».

В Кегуае Мануэль и Мельчора, получившие эти письма, все же ждали свидания с Артигасом, чтобы окончательно решить

дальнейшую свою судьбу.

А в Монтевидео влачила жалкое существование несчастная безумная Рафаэла Росалия. С ней жили ее мать и сын Хосе Мариа, которому уже минуло пятнадцать лет. Только изредка, через кого-нибудь из родственников, удавалось ему получить известия о своем отце, переживавшем самые критические часы своей жизни. Столь же печальное положение было и в старинном родовом имении Касупа, где в доме, построенном еще дедом Артигаса, доживал свой век восьмидесятишестилетний дон Мартин Хосе Артигас. За больным ухаживал его верный слуга. У старика не осталось никакого имущества, и он жил в полной нищете. А его сын, протектор и вождь Восточной провинции, многие годы отдавший революционной борьбе, так и не смог создать для отца возможность безбедно и достойно дожить последние годы.

В Мандисови к Артигасу приехала Мельчора с детьми, чтобы проститься с ним. Артигас объявил Мельчоре, что расстается с ней, быть может, навсегда. Он покидает поле борьбы и будет искать убежища, пока еще неизвестно где, быть может, даже в Парагвае. Сохранились свидетельства того, что Мельчора умоляла разрешить ей сопровождать его. Но Артигас был непреклонен, он хотел уехать один. Мельчора в отчаянии возвратилась в Кегуай оплакивать короткие счастливые месяцы жизни с Артигасом.

В первые дни апреля 1820 года Артигас уже был в Пурификасионе. Отсюда он написал в Кабильдо Корриентеса, сообщив о движении авангардных частей Рамиреса в направлении Консепсиона, куда он, со своей стороны, отрядил своего офицера, индейца из Мисионеса по имени Сити. В Пурификасионе он получил полное проклятий письмо от Рамиреса и ответил ему в последний раз.

Сити с отрядом в восемьсот солдат начал бой около Арройо-Гранде. Индеец сражался как зверь, одержал победу и жестоко разгромил и разграбил Консепсион; впоследствии Артигас сурово упрекал его за это. Покинув свой лагерь в Авалосе, Артигас переправился через реку Мокорета, которая отделяет Корриентес от Энтре-Риоса, и здесь соединился со своей конницей численностью почти три тысячи человек. Он предполагал было обосноваться в Консепсионе, но Рамирес, авангард которого был разбит Сити, перешел реку Уругвай, начав преследовать Артигаса. 13 июня произошла схватка двух вождей. В авангарде артигасовских войск был Латорре, жаждавший отомстить за поражение в Такуарембо. Первым начал сражение Рамирес, молниеносно бросившийся в атаку на приближающуюся колонну противника. Удар был настолько яростен, что часть войска

Артигаса была рассеяна и отступила. Рамирес преследовал ее до берегов Монтиэля. Здесь, в густых зарослях, Артигас сумел восстановить свои силы и, перейдя в контрнаступление, нанес Рамиресу ответный удар.

Рамирес направился в Ла-Бахаду. Происходило нечто удивительное — войско Артигаса как будто вырастало из-под земли. Оно пополнилось почти двумя тысячами солдат. Рамирес, однако, тоже получил подкрепление — к нему присоединились триста пехотинцев под командованием Лусио Мансилья.

Артигас продолжал свой путь на север, по пятам преследуемый Рамиресом. «С Артигасом и его системой надо покончить!» — танов был его лозунг. Понимая безвыходность своего положения, Артигас пытался отступать как можно более организованно. Он обратился за помощью к жителям Корриентеса, но, боясь Рамиреса, они отказали ему в ней. Зная, что промедление может привести к усилению сил Артигаса, Рамирес не дает ему ни малейшей передышки и идет буквально по его следу. На берегу Уругвая, в Юкери, Артигас оставил Перу Кути, одного из индейских офицеров — воспитанников Андресито, и четыреста жителей Мисионеса. Когда подошли войска Рамиреса, начался ожесточенный бой. Перу Кути не удалось сдержать превосходящие силы врага, и он был разбит.

С небольшим войском Артигас двинулся дальше. В Мандисови он оставил еще одного своего офицера-индейца, Матиаса Абаку, ближайшего помощника Андресито. Узнав, что Рамирес приближается к городу, Матиас Абаку ночью покинул Мандисови. Рамирес галопом пронесся по городу и помчался дальше. Этот жестокий коренастый варвар, с геркулесовой силой и бешеным темпераментом рвался вперед и вперед; казалось, что он не остановится до тех пор, пока враг его еще держится на своем боевом коне.

Преследование становится все ожесточеннее. 11 августа Артигас пишет членам Кабдльдо Корриентеса. Он отклоняет всякую помощь с их стороны, считая ее теперь бесполезной. «Я не хотел бы, чтобы лилась кровь в братоубийственной борьбе. Отныне я намерен распустить войско и покончить со всем». Как доказательство вероломства Рамиреса, он посылает перехваченное им письмо португальцев на имя своего противника.

Настигнув Абаку, Рамирес разбил его наголову и три дня спустя, обновив свою кавалерию, снова помчался по земле Корриентеса к северу, вслед за Артигасом. Он во что бы то ни стало хочет его загнать за Парану, чтобы лишить возможности вернуться сюда. Он буквально ворвался в Авалос, где на время

обосновался Артигас, но тот сумел в последнюю минуту бежать с двенадцатью солдатами по направлению к Мисионесу.

30 июля эскадра Монтеверде разбила флотилию отважного ирландца Кемпбелла. В устье реки Корриентес произошло жестокое сражение, и все корабли Кемпбелла один за другим пошли ко дну.

Из Авалоса Рамирес тотчас же отправился дальше в сопровождении монаха Монтерросо, указавшего ему, где можно захватить больного Анисето Гомеса, одного из офицеров Артигаса, который с небольшой кучкой людей вез с собой все имевшиеся ценности. В Эскине Рамирес подтянул свои силы и стал готовиться к новому рывку.

Артигас двигался к Мисионесу. По пути к нему присоединялись индейцы, которые бросали свои дома и уходили за ним. Кажется чудом, что за несколько дней Артигасу удалось собрать вокруг себя восемьсот человек. Рамирес в ярости ускоряет преследование, не давая себе ни минуты передышки. Своему офицеру Пирису он поручает идти вперед. Пирис почти настиг Артнгаса, но по пути как из-под земли встают все новые и новые защитники поверженного вождя.

Объяснить это чудо легко — ведь на свете столько обездоленных, столько бедных, столько несчастных, для которых Артигас — отец и освободитель.

Пирис, рассвирепев, продолжает погоню, он скачет день и ночь вслед за Артигасом. Не желая проливать напрасно кровь, Артигас распустил свое последнее войско и с небольшой кучкой людей ускоренным маршем направился в Канделярию, к скалистым берегам Параны. Всякое сопротивление теперь уже просто невозможно; надо думать лишь о том, чтобы уйти от погони, уйти от смерти.

А преследователи все наступали и наступали — стервятники хотели во что бы то ни стало выклевать глаза тому, кто был живым символом народной борьбы. Пирис был неутомим: без передышки день за днем он двигался за своей жертвой, не давая ей ни минуты покоя. В течение одиннадцати дней этого бешеного преследования они сами вынуждены были питать-ˆся мясом павших лошадей.

На одной из последних остановок перед Мисионесом к Артигасу явились два касика из Чако. Проделав длинный путь, они пришли предложить ему помощь индейских племен. Артигас заколебался, но после долгого раздумья отказался. Было поздно принимать эту жертву. Он двинулся дальше и, вступив на землю провинции Мисионес, направился к Канделярии.

Перед переправой через реку Парана Артигас получил два

предложения: одно от португальцев, которые сообщили ему об амнистии и о возможности получить убежище в Рио-де-Жанейро до конца его жизни; второе аналогичное предложение исходило от правительства Соединенных Штатов, которое с уважением относилось к его борьбе и личным доблестям. Первое предложение Артигас гордо отверг: он не мог простить того, что многие из его офицеров до сих пор находились в застенках португальских тюрем и что по его родной земле как хозяева ходили те, кто так жестоко расправлялся с его народом. Скорее он мог бы принять предложение Соединенных Штатов, где его имя было популярно как имя борца за демократию. Депутаты конгресса США, посланные в свое время в Ла-Плату для изучения обстановки, отмечали, что именно Артигас и его гаучо являются мужественными защитниками прав народа и передовых государственных идей. Здесь его считали человеком выдающимся и талантливым. Ему предлагали пожизненно сохранить генеральский чин и пенсию. Однако и это Артигас отверг. Он предпочел остаться где-нибудь поблизости от своей родины, от своего народа. Возможно, что он все-таки продолжал строить планы на будущее.

Артигас остановился около Сан-Борхаса. С ним оставалось двести человек. Наутро он объявил свое окончательное решение — просить убежища в Парагвае. Сидя на коне, он собственноручно написал диктатору Парагвая Хосе Гаспару Франсии. Он просил у него убежища в любом уголке его страны и добавлял, что он отказывается от политической деятельности. На последней стоянке, в Транкера-де-Сан-Мигель, он собрал всех оставшихся солдат, и они вместе обсудили судьбу каждого из них. Подсчитали имевшиеся средства. Четыре тысячи песо (которые были бы так полезны его собственной семье) было решено отправить офицерам, попавшим в плен и находившимся теперь в тюрьме Рио-де-Жанейро. За пересылку этих денег взялся Франсиско де Сантос, который тотчас же уехал в Бразилию.

Артигас предоставил своим солдатам право самим выбрать свой дальнейший путь. Некоторые отправились в Иберу, другие в Лорето. Многие вместе с Артигасом и Абаку двинулись к Канделярии.

5 сентября 1820 года Артигас передал себя в руки гвардии, специально присланной Франсией из Парагвая. Вместе с ним перешли границу несколько близких ему людей: Абаку, сержант Ледесма и Хоакин Ленсина. Все они были перевезены в Асунсьон. Через пять дней об этом было сообщено Рамиресу.

5 сентября 1820 года! Такова конечная дата революции, самой глубокой и последовательной революции своего времени;

революции, идея которой была намечена в знаменитом «Плане действий» Мариано Морено, основывавшемся на применении доктрин буржуазной революции к конкретным нуждам американской действительности; революции, целью которой была национальная независимость и вместе с тем экономико-политические преобразования. Эта революция была окончена. А ее вождь, своей гениальной интуицией предвосхитивший ее будущие свершения, этот человек, все потерявший, одетый в поношенную куртку, с котомкой в руке (так описал его Франсиа), молча и решительно направлялся навстречу своему мрачному будущему, навстречу своему вынужденному и в то же время добровольному плену.

Эпилог

Из Итапуа Артигаса перевезли в столицу Парагвая Асунсьон и, по приказу Франсии, поместили в монастыре Мерсед. Диктатор только что раскрыл заговор, организованный Негросом и другими известными деятелями, которые были связаны с Артигасом дружескими отношениями. Поэтому Франсиа приказал содержать Артигаса в полной изоляции. Даже сам он ни разу не повидался с Артигасом и не отвечал на его письма, хотя тот не раз выражал желание рассказать парагвайскому правителю о всем пережитом. В монастыре Артигас жил в келье для посетителей, куда ему приносили еду. Каждое утро игумен и секретарь диктатора справлялись о его здоровье. Его близким было запрещено поселиться вместе с ним; они находились в тюрьме Адуаны.

Рамирес был обеспокоен тем, что Артигас может договориться с Франсией о совместных действиях. Он написал парагвайскому диктатору письмо, в котором предлагал заключить с ним дружественный союз и обещал обеспечить свободу торговли; в обмен он просил выдать ему Артигаса для предания его суду. Известно, что эмиссар, который вез это послание, так же как и тот, который был послан с предыдущим письмом Рамиреса, не вернулся из Парагвая.

Уединенная жизнь среди монахов была, конечно, не лучшей долей для солдата. Через три месяца после прибытия в Асунсьон Франсиа распорядился вручить Артигасу его личные вещи и отвезти его в Сан-Исидро-Лабрадор, отдаленное местечко на берегу реки Кургату, в шестидесяти шести легвах от столицы. Из списка вещей, которыми его снабдили, мы узнаем, что Артигас был обеспечен множеством вещей, начиная от английской кашемировой ткани и кончая хорошим вином; за это внимание Артигас поблагодарил Франсию в специальном письме.

В январе 1821 года Артигас — то ли как пленник, то ли как изгнанник — был перевезен в Сан-Исидро, далекое место ссылки на границе с Бразилией, где было много кустарника йерба-мате. С ним. поехал Хоакин Ленсина (Ансина), негр, который сопровождал Артигаса всю его жизнь, начиная с детских лет. Здесь, в этом городке с четырнадцатью тысячами жителей, одиноко стоящем среди тропической сельвы, Артигасу предстояло прожить четверть века, отпущенные ему судьбой.

Ему предоставили дом, где, как ему было заявлено, он мог жить совершенно свободно. Позднее он получил за городом участок земли и сам построил себе жилище из кирпича-сырца с черепичной крышей. Ежемесячно он получал одну унцию золота;

в этом плодородном крае ему этого вполне хватало, тем более что потребности его были весьма скромными.

Одинокий, молчаливый, хотя и не избегавший общения с соседями, всегда готовый помочь нуждающимся, Артигас вскоре завоевал уважение и восхищение жителей городка, которые прозвали его «отцом бедняков». Его щедрость была замечена диктатором, и субсидия, которую посылал Франсиа, становилась все меньше и меньше. В 1829 году «эмигрант с другого берега, Хосе Артигас», как числился он в казначейском списке, получил всего девяносто шесть песо за весь год; сумма была ничтожной; средства к существованию он добывал, обрабатывая землю.

В 1831 году Артигаса навестил известный французский натуралист Бомплан, который привез ему изданный в Монтевидео проект конституции его родной провинции. Очевидцы рассказывали, что Артигас поцеловал эту книжку и возблагодарил судьбу, что дожил до того времени, когда его родина обрела независимость и стала конституционной страной.

Жизнь шла размеренно, ее течение определялось лишь сменой времен года и полевых работ; среди этих забот Артигас узнает о смерти Франсии в 1840 году. Из столицы прибыл посланец с приказом «немедленно доставить в надежную тюрьму бандита Хосе Артигаса». Этот приказ был доставлен за два дня — посланец мчался с бешеной скоростью. Полицейские ворвались в дом и, схватив семидесятишестилетнего старика, в кандалах отправили его в тюрьму, Когда через шесть месяцев его освободили, от его посевов, стада и имущества почти ничего не осталось, кроме знаменитого коня Морито и пса Чарруа, за которыми присматривал его старый слуга.

Консулы, пришедшие к власти в Парагвае после 12 марта 1841 года, отнеслись к Артигасу дружественно. В августе того же года его выпустили из тюрьмы. Ему было дано разрешение вернуться на родину, если он этого пожелает. Однако Артигас отказался от этого. В своем письме он заявил, что он хочет окончить свои дни, которых осталось так мало, в том же городке. Эта покорность ясно говорила о том, что жизнь Артигаса приближалась к концу. Консулы дали приказ оказать ему необходимую помощь, а после его смерти воздать ему почести.

Когда Артигас вернулся в Сан-Исидро, материальное положение его было самое жалкое — все его хозяйство было разрушено. Городские власти сообщили об этом правительству, и Артигасу послали двадцать песо и кое- какую одежду.

Его желание остаться навсегда в Парагвае было ясно и раньше. Ривера, ставший президентом Восточной республики Уругвай, несколько раз писал ему. Эти послания Артигас

возвращал нераспечатанными. Отказывался он и от других предложений о возвращении. Единственное, чего он хотел, — это увидеться со своим сыном Хосе Мариа, которому минуло тогда тридцать восемь лет. Он был подполковником вооруженных сил республики.

Новый президент Парагвая Карлос Антонио Лопес живо интересовался Артигасом и даже хотел назначить его инструктором в армии, хотя старику уже шел восьмидесятый год. По распоряжению Лопеса, Артигаса перевезли в окрестности Асуньсона. Сначала его поселили в Маноре, затем в Ибирае, в доме, который Лопес построил для него на берегу Параны. Здесь можно было видеть, как этот глубокий старец, худой и сгорбленный, без бороды (так это было принято в Парагвае), в коротком пончо, медленно шагает, опираясь на палку, или проезжает верхом на своем старом коне Морито. Сюда часто приезжали посетители, стремившиеся взглянуть на живую реликвию бурных революционных лет, на этого легендарного аскета, в полном спокойствии ожидавшего своего смертного часа. Он любил сидеть в тени большого старого дерева и, казалось, молча подводил итоги своей долгой жизни, вспоминая годы жестокой борьбы, побед, поражений и, наконец, изгнания.

В 1848 году к нему приехал сын Хосе Мариа и провел с отцом три месяца. Ему так и не удалось уговорить отца уехать из Парагвая. «Я захочу вернуться только в одном случае — с почестями, а не как прощенный», — говорил он. По возвращении Хосе Мариа опубликовал взволнованные страницы о своем отце, объясняя причину его нежелания возвращаться на родину.

К Артигасу часто приходил генерал Хосе Мариа Пас, живший неподалеку, и они вели долгие беседы. Несмотря на преклонный возраст, Артигас с предельной ясностью излагал свои идеи и историю своей борьбы. Эти беседы Пас впоследствии воспроизвел в своих мемуарах.

«Моя задача состояла лишь в том, чтобы с помощью моих войск оказать сопротивление темным махинациям правительства Буэнос-Айреса и прекратить нападки на меня, поскольку в моем лице оно видело врага централизма, — говорил Артигас Пасу. — Централистская политика очень мало отличалась от королевской власти. Взяв за образец Соединенные Штаты, я хотел добиться автономии для каждой провинции, хотел, чтобы каждая из них имела собственные правительство и конституцию, свое знамя и право выбирать себе правителей и судей. Это я провозгласил для своей провинции и для тех провинций, которые признали меня своим протектором. Однако Пуэйрредон и его приближенные хотели превратить Буэнос-Айрес в новый Рим, в столицу империи,

и управлять провинциями, посылая туда своих проконсулов. Стремясь лишить их всякого политического представительства, они не признали депутатов, которых выбрали жители Восточного берега».

Артигаса навещал также французский врач и путешественник Альфред Демерсей, который сделал карандашную зарисовку лица Артигаса в последние дни его жизни. Приезжал к Артигасу еще и таинственный посланец от Хуана Мануэля Росаса, диктатора Аргентины. Росас боялся, что беседы Артигаса с Пасом, возможно, таят опасные для его тирании планы, и потому пытался завязать с ним связь. Но этот зловещий тиран забыл, что пресловутый федерализм, начертанный на его знамени, был весьма далек от того подлинного федерализма, за который боролась Лига, и главное — что Артигас был человеком высокой морали.

За четыре месяца до смерти Артигаса посетил еще один человек — сын парагвайского героя Иегроса, расстрелянного Франсией в 1820 году. Артигас был знаком с Негросом еще раньше, во времена английской интервенции. Сыну своего друга Артигас подарил экземпляр книги маркиза Каррачиоли, сделав на ней надпись дрожащей старческой рукой.

До последнего дня Артигас шил в тесном единении с природой, он ездил верхом, ел юкку, пил воду из ближайшего источника. В 1850 году он отметил свой восемьдесят шестой день рождения прогулкой на Морито в компании своих верных негров и внука президента — Лопеса-младшего, который очень любил старика. Когда он уже не мог вставать с постели, его перенесли в дом Лопеса-младшего, где было удобнее за ним ухаживать. 22 сентября ему стало лучше, и он обратился к присутствующим с просьбой: «Я должен умереть не в постели, а на коне. Приведите мне моего Морито, и я сяду на него». Однако сделать это он уже не смог. Истекали последние минуты его жизни. Когда настало утро 23 сентября, глаза Артигаса уже не увидели ни яркого солнечного света, ни окружавшей его пышной зелени. У берега реки, на руках Ансины, своего верного друга и помощника, которому было уже более девяноста лет, Артигас навсегда закрыл глаза.

На следующий день похоронная повозка, запряженная быками, трясясь и громыхая, отвезла его прах на кладбище бедняков — о распоряжении похоронить Артигаса с почестями было забыто. «В третьей могиле, под номером двадцать шесть, похоронен взрослый мужчина, иностранец, под именем Хосе Артигас» — так записал в книге священник, который его отпевал. За гробом шло всего лишь несколько человек, и среди них верный Хоакин Ансина, который лил бесконечные старческие слезы,

оплакивая своего хозяина — защитника негров.

Шесть лет спустя несколько человек осторожно перенесли останки Артигаса из Асунсьона в Адуану. Позднее прах Артигаса был, наконец, перевезен на родину. Теперь он покоится на земле своего народа, который в то далекое время разделял его идеи и сражался вместе с ним, а ныне видит в нем знамя борьбы за полное социальное освобождение.

Послесловие переводчика

Полтора столетия тому назад земли западного полушария, где впоследствии возникли латиноамериканские республики, содрогнулись от могучего исторического потрясения. В удушающую атмосферу, царившую в заокеанских колониях Испании, где власть метрополии была уже подточена безысходными внутренними противоречиями, ворвались освежающие ветры европейских революций. Зашаталось все здание колониального владычества, в течение трех столетий опиравшегося на жестокий деспотизм, расовую иерархию, полнейшее экономическое и духовное подчинение американских народов. В первой четверти XIX века восстание охватило все испанские владения в Америке и после многих лет кровопролития чужеземное иго, наконец, рухнуло. Разорвав цепи колониального рабства Испанская Америка, дотоле прозябавшая в косности и изоляции от других стран и континентов, начинала выходить с задворок мировой истории на ее главные пути.

Это бурное, вулканическое время породило когорту блестящих и оригинальных деятелей — дерзкий, юношески-страстный, с необыкновенными прозрениями Симон Боливар; исполненный сдержанного мужества и достоинства священник Мигель Идальго, стоически принявший смерть; замечательный стратег, человек высокого патриотического чувства и военной доблести Хосе де Сан-Мартин… К этому ряду исторических личностей принадлежал и Хосе Артигас, судьба и характер которого отмечены удивительным своеобразием и трагическим величием.

Артигас родился за полстолетия до начала антииспанской войны, во втором по значению портовом городе вице-королевства Ла-Платы — Монтевидео. В ту пору колонии Испании в Америке были разделены на четыре вице-королевства; вице-королевство Ла-Платы охватывало значительную часть территории на юге континента.

Монтевидео был столицей провинции, расположенной к востоку от многоводной реки Уругвай и потому носившей название Восточного берега — «Банда Ориенталь». Отгороженная естественными водными рубежами от остальной территории Ла-Платы, а на севере примыкающая к португальской колонии Бразилии, эта провинция всегда тяготела к обособленности и самостоятельности. В ней постепенно складывался и особый хозяйственно- этнографический уклад. Безбрежные степные просторы с несметным количеством бродячего скота — так

называемую уругвайскую пампу — населял пестрый своеобразный люд — воинственные индейцы, беглые негры-рабы, бездомные шайки городских беженцев и, главное, лихие и гордые пастухи-кочевники — гаучо, искони презиравшие оседлость и подневольный труд. Благодаря соседству с Бразилией здесь расцвела контрабандная торговля, которая в той обстановке анархии и застоя приносила немалую пользу жителям провинции.

Выходец из почтенной семьи помещиков-креолов, Артигас более ясно, чем большинство людей его круга, отдавал себе отчет в гибельности и обреченности колониального режима. А свойствами своего характера и личными склонностями он был близок удалым и вольнолюбивым сынам степей — гаучо. Проведя многие годы своей жизни в скитаниях по родному краю, испытав множество лишений и превосходно изучив образ жизни обитателей пампы, Артигас вобрал в себя всю мучительную и неразрешимую драму их социального существования.

В 1806–1807 годах, когда британская морская эскадра попыталась овладеть обеими портовыми крепостями Ла-Платы, население Буэнос-Айреса и Монтевидео стихийно бросилось на борьбу с интервентами. В нем пробудился тот дух национального и гражданского самосознания, который через несколько лет подвигнет их на революционное восстание против испанской власти.

В мае 1810 года в столице вице-королевства Ла-Платы произошло восстание, завершившееся, свержением власти вице-короля и образованием революционной Хунты. Пламя революции постепенно перекинулось и на остальную территорию вице-королевства. В 1811 году оно охватило и провинцию «Банда Ориенталь», где события приобрели особенно драматический оборот. Драматизм и сложность исторической обстановки в этой провинции объяснялись тем, что жители ее, так называемые «ориенталес», влившись в общий поток антииспанского движения, одновременно добивались и автономии своей провинции. У них сразу же появился и собственный вождь, уже немолодой, но крепкий, волевой и выносливый воин — Хосе Артигас.

Стремление к самостоятельности, проявлявшееся патриотами Восточного берега, столкнулось с противодействием правительства Буэнос- Айреса, опасавшегося распада территории Ла-Платы. Разгорелся жестокий конфликт. Лидеры «портеньос» — этим словом называли жителей Буэнос- Айреса — желали решительно сохранять политическое и экономическое единство Ла-Платы и свое господствующее в ней положение, а непокорный вождь «ориенталес» проявлял, наоборот, упорное рвение освободить свою провинцию от влияния Буэнос-Айреса. Вот так

наряду с затяжной антииспанской войной в Ла-Плате возник еще один очаг борьбы, уже внутри самого лагеря патриотов — между «портеньос» и «ориенталес».

Но это еще не все. Расположенная на севере Восточной провинции португальская колония Бразилия уже давно проявляла себя как опасный и воинственный сосед. Когда же здесь началась антииспанская война и бурные столкновения Артигаса с правительством Буэнос-Айреса, португальские силы не замедлили воспользоваться этой благоприятной ситуацией и двинули свои войска против «ориенталес».

Так освободительное войско Восточной провинции оказалось перед лицом трех враждебных сил, а его вождь Артигас — на перекрестке жестоких и запутанных политических конфликтов.

Десять лет продолжалась борьба Артигаса, с февраля 1811 года, когда он взял на себя руководство зарождавшимся освободительным движением Восточной провинции, и до сентября 1820 года, когда, разгромленный, он покидает навсегда свою родину. За эти бурные годы, полные неожиданных коллизий, изнурительных сражений, блестящих побед и жестоких поражений, многое менялось и изменялось: тактические задачи и стратегические цели, фронты военных действий и даже сами враги. Но неизменным оставался сам Артигас, подобно одинокому скалистому острову посреди неверного бушующего моря.

Историю жизни этого человека рассказывает нам его соотечественник, уругвайский писатель Хесуальдо, талантливый плодовитый литератор и деятель культуры. Хесуальдо — натура кипучая и разносторонняя; его интересы весьма разнообразны. Большую известность приобрел он как педагог и исследователь проблем просвещения. Хесуальдо — один из энергичнейших представителей прогрессивной уругвайской интеллигенции. Четверть века назад он написал свою первую книгу об Артигасе. Данная книга написана им специально для советских читателей.

При всей своей документальной достоверности книга Хесуальдо не преследует цели собственно научного анализа всех исторических явлений той эпохи. Этот анализ возникает лишь в связи с судьбой и обликом той личности, которой посвящена его биография. В этом, в сущности, и состоит специфика и привлекательность жанра исторических биографий вообще.

В литературно-биографическом жанре писатель, как и всякий художник, исследует и познает историческую действительность не в ее прямых и очевидных проявлениях, а в скрытых импульсах и внутренних тяготениях той личности, в которой эта действительность себя выразила. Индивидуально- неповторимое

и даже случайное нерасторжимо сцеплены в этом портрете с общими и неизбежно-закономерными. При этом, конечно, сам стиль биографической прозы во многом определяется характером самого героя.

Артигас был человеком редкой душевной цельности, волевого напора и ясности мысли. На тяжкую и героическую стезю подвига его привел не юношеский пыл неокрепшего сердца, а твердая решимость уже зрелого человека, успевшего осмыслить окружавшую его жизнь и найти в ней свое место. Он был из той породы людей, которых природа высекает из глыбы: ему были неведомы ни приступы слабости, ни минутные колебания, ни неясные порывы. Неукротимо гордый, не знающий устали труженик и доблестный воин, Артигас был весь без остатка предан делу освобождения родины. Суровое мужество, сдержанность в словах и эмоциях, аскетизм, целеустремленность, не знающая преград и доходящая до одержимости, — все эти качества характера Артигаса в значительной мере повлияли на манеру повествования о нем. Стиль биографии, написанной Хесуальдо, напоминает гравюру. Автор прочерчивает строгие, твердые, выразительные линии; светотени и полутонов в изображении Артигаса нет. Созданный писателем образ исполнен эпического величия и строгой ясности.

В книге Хесуальдо мы находим живое описание той среды, в которой формировалась личность Артигаса. Не менее живо и четко представлен в ней и весь ход его подвижнической жизни. Переломным моментом в ней становится 1811 год, когда, бросив королевскую военную службу, Артигас решает стать во главе патриотов Восточной провинции.

Удивительным и неожиданным событием в истории их борьбы стал так называемый «Исход» уругвайского народа. Вынужденный под напором неблагоприятных обстоятельств покинуть стены осаждавшегося им Монтевидео, Артигас готовится отвести свое войско в соседнюю провинцию. И вот вслед за ним, стихийно, поднявшись с насиженных мест устремляются тысячи беженцев. Масса неимущих и состоятельных граждан, не желая оставаться под пятой вражеских войск, пускается в далекий путь. Этот пестрый людской караван упрямо двигался вперед вслед за войском, пересекая пустынные степи и множество рек и речушек; движение это напоминало бурный весенний разлив, вселявший панический страх и в последних испанцев, засевших в Монтевидео, и в честолюбивых лидеров Буэнос-Айреса. «Исход уругвайского народа» они сравнивали с походом гуннов, а его предводителя называли «новым варваром». Вот так неотразимо проявили жители Восточного берега

зарождавшееся в них национальное самосознание, утверждая свое право на уругвайский патриотизм.

Есть в биографии Артигаса и еще ряд интереснейших страниц, тех, где он предстает как мудрый и справедливый правитель освобожденной земли Восточного берега и как создатель Федеральной лиги провинций. Заключив союз с Артигасом, ряд соседних провинций избрал его своим верховным руководителем и дал ему титул «Покровителя свободных народов».

Однако недолгим был этот счастливый кульминационный период в жизни Артигаса. Один за другим на него обрушиваются удары — военные поражения, понесенные от португальцев, потери близких, измена друзей и соратников. Одинокий и преследуемый, завершает он свой путь добровольным и вечным изгнанием в соседнем Парагвае.

Последний этап жизни Артигаса отмечен скорбным стоическим величием. Непреклонный, несгибаемый, он не желает и не может приспосабливаться, искать легких решений сложных задач. И эта фанатичная приверженность своим принципам, своему пониманию чести и долга оборачивается для него безысходно-трагически. Покидая родину, совершенно одинокий, он отказывает себе даже в любви своей молодой жены. Он оставляет ее рыдающую дома, так как боится увидеть в ее поступке жертву, а себя — униженным этой жертвой.

Тридцать лет продолжается жизнь Артигаса в изгнании, и его фигура в эпилоге приобретает почти что легендарные очертания скованного Прометея. Он остается верным себе до последних минут жизни, когда просит посадить себя на коня, чтобы встретить смерть так, как надлежит воину и гаучо.

В жизни выдающихся личностей их собственная судьба всегда перекрещивается с судьбой родины, и на этих точках скрещения яснее обнажаются порой скрытые, но весьма важные пружины, управляющие ходом истории. Посмотрим с этой стороны на последние главы книги, где Хесуальдо рисует патетически-контрастную картину духовного величия Артигаса и безмерной низости и вероломства всех, кто его окружает. Возникает вопрос: только ли коварство бывших соратников, вражда Буэнос-Айреса и колебания друзей привели его к такому финалу? И не было ли иных причин, объясняющих это?

Предположим, что при ином складе характера и темпераменте Артигас не оказался бы в положении загнанного и покинутого беженца и спустя годы, быть может, сумел бы вновь сыграть какую-то роль в жизни своих соотечественников. Но смог ли бы он при этом (выполнить ту историческую миссию, которую

он себе предначертал? И вот здесь-то и вступают в силу обстоятельства уже не личного, а общеисторического порядка.

Артигас добился первой и главной цели — свержения ига Испании. Через десять лет после того, как он покинул родину, осуществилась и вторая цель «ориенталес» — провинция Восточного берега обрела свою независимость, став самостоятельным государством Уругвай. Но ведь программа Артигаса шла гораздо дальше, не исчерпываясь только этими двумя задачами.

Человек широкой образованности, приверженец наиболее передовых общественных идей своего времени, Артигас в отличие от большинства своих современников был свободен от многих предрассудков, унаследованных от колониального прошлого — от монархизма, аристократизма, расизма. Борьба за независимость американских колоний представлялась ему одновременно и как борьба за республиканский строй с демократической конституцией. Он мечтал о таком устройстве общества, где будет достигнута свобода личности, гарантия прав народа, всеобщая грамотность, культурное и экономическое процветание. Исключительное место в программе Артигаса занимал аграрный вопрос. Он составил план справедливого распределения феодальной земельной собственности, который в случае его реализации не только покончил бы с вековым социальным бедствием, но и поставил бы его страну на путь бурного экономического прогресса. Однако все эти принципы, которые Артигас почерпнул из общественной мысли и практики передовых буржуазных наций, были трудно осуществимы в стране, едва только освобождавшейся от трехвекового колониализма. В условиях засилья феодализма, отсталости, наконец, элементарной анархии, лозунги и принципы буржуазной демократии оказывались просто преждевременными. И из книги Хесуальдо мы узнаем, сколь плачевно закончились попытки их реализации.

То же самое относится и к идее федерализма, которую отстаивал Артигас. Он мыслил себе будущее государственное устройство Ла-Платы как федерацию свободных провинций, которая была бы основана на полном равноправии и уважении их демократических прав. Федерализм Артигас рассматривал как один из главных принципов буржуазно-демократического правления, и он был связан для него со всеми передовыми социальными концепциями века. В реальной же действительности федералистские стремления, существовавшие в ту пору, нередко окрашивались совершенно иным цветом. Многие провинциальные каудильо думали лишь об укреплении своей личной власти на

местах, что, разумеется, приводило к совершенно противоположным целям, а именно — к сохранению деспотизма, раздробленности, а следовательно, и экономической отсталости.

И вот таких-то каудильо имел Артигас в качестве своих союзников по Федеральной Лиге. Надо ли удивляться, что эта Лига вскоре же распалась, а соратники Артигаса превратились в его предателей?

С этой же точки зрения следует взглянуть и на взаимоотношения Артигаса с правителями Буэнос-Айреса. Сложилась поистине драматическая и парадоксальная ситуация, когда перед лицом еще не поверженного векового врага — Испании возникли и разгорелись острейшие разногласия в лагере патриотов; они грозили перерасти в гражданскую войну и фактически привели к братоубийственным кровопролитиям.

Эти столкновения нарисованы Хесуальдо подробно и по преимуществу в лично-эмоциональном, психологическом плане. Автор видит в них лишь противоборство корыстолюбия и интриганства портеньос с самоотверженной рыцарственностью Артигаса. На самом же деле в этих столкновениях были заложены также и некие общие исторические закономерности. Жажда гегемонии, которую лидеры Буэнос-Айреса проявляли в столь откровенной форме, отражала совершенно определенные, объективно действовавшие тенденции. Именно благодаря победе централистских сил в конце концов и смогла консолидироваться на бывшей территории вице-королевства Ла-Платы единая аргентинская нация.

Федерализм в понимании Артигаса не воспрепятствовал бы этому процессу, но реально существовавший федерализм в ту пору представлял собой силу, враждебную ему. Отсюда и проистекала историческая неизбежность конфликта между Буэнос-Айресом и Восточным берегом.

Современником Артигаса был еще один выдающийся деятель и мыслитель Ла-Платы, о котором пишет Хесуальдо, — Мариано Морено. Жизнь этого пламенного якобинца, первого секретаря революционной Хунты, — это еще один живой кусок бурной истории Ла-Платы того времени. Деятельность Морено протекала в Буэнос-Айресе и в иных условиях; она оборвалась как раз в тот момент, когда началась деятельность Артигаса. Напугав своих соратников радикализмом, он был насильственно выдворен со своего поста и отправлен послом в Лондон. И все же при несхожести темпераментов и конкретных событий жизни судьба этих людей была, в сущности, схожа, ибо ее определила невозможность осуществить до конца свою прогрессивную социальную программу. В этом смысле медленная агония старого

Артигаса в чаще парагвайской сельвы и внезапная и таинственная гибель молодого Морено посреди океана — это разные человеческие воплощения одной и той же неумолимой логики исторического развития.

Для бывших американских колоний Испании, которые в результате победы освободительной войны конституировались как независимые республики, XIX век был веком упорной и сложной борьбы за создание основ нового общественного строя. Борьба эта была затяжной, нередко сопровождавшейся войнами и междоусобицами. Особенно пострадала от них родина Артигаса — Уругвай. Много времени потребовалось для того, чтобы некогда разоренная и отсталая провинция Восточного берега превратилась, наконец, в развитую страну.

С начала нынешнего века этой самой малой по площади республике Южной Америки удалось сделать мощный рывок вперед. Сегодня эта страна, добившаяся значительного экономического и политического прогресса, приобрела черты современного государства. По прекрасным шоссейным дорогам, прорезывающим уругвайскую пампу, мчатся потоки автомобилей, вытеснивших собой традиционную фигуру всадника-гаучо. По-прежнему скот является основой благосостояния страны, но уже не контрабандными сырыми шкурами торгуют ее жители, как в эпоху Артигаса, а великолепными изделиями из кожи, шерсти и мяса, выделанными руками квалифицированного рабочего класса.

Неузнаваемо изменилась и столица. Колониальный крепостной город превратился в огромный современный порт; это крупнейшие ворота в океан на юге Американского континента. Широкие нарядные проспекты и парки Монтевидео украшены множеством памятников. Демократический дух уругвайцев воплотился в целой серии символических статуй, посвященных безымянным творцам национальной истории: терпеливому негру-рабу, воинственному, давно исчезнувшему индейцу, трудолюбивому европейскому иммигранту, рабочему, учительнице. Есть даже статуя, изображающая повозку, запряженную быками, — и в ней тоже символ народной жизни. И конечно, есть статуя гаучо, того, кто был первоосновой уругвайской нации. На центральной площади Монтевидео, на перекрестке двух, широких улиц высится главный монумент города — бронзовая фигура Артигаса. Вокруг нее постоянно толпятся люди — деловитые столичные пешеходы, робкие провинциалы, именитые зарубежные гости. Эта статуя напоминает им о далекой эпохе, в которую зарождалась будущая независимость Уругвая, о величественном и отважном ее герое.

Но дух Артигаса жив не только в этом торжественном памятнике, а, быть может, еще больше в другом бронзовом всаднике, горделивом безымянном гаучо, который олицетворяет бессмертие самого народа.

В. Кутейщикова

Основные даты жизни и деятельности Хосе Артигаса

1764, 19 июня — Рождение Хосе Хервасио Артигаса в Монтевидео.

1797 — Артигас вступает в ополчение.

1800–1801 — Артигас участвует в экспедиции испанского ученого Феликса Асара.

1805, 23 декабря — Женитьба Артигаса на Рафаэле Росалии Вильягран.

1808–1807 — Артигас участвует в борьбе против английских интервентов, пытавшихся захватить Буэнос-Айрес и Монтевидео.

25 мая — Начало революционного антииспанского движения в Ла-Плате.

Образование правительственной Хунты в Буэнос-Айресе. **февраль** — Артигас покидает ополчение и становится во главе освободительного движения провинции Восточного берега.

Март — Артигас прибывает в Буэнос-Айрес с целью координации действий.

18 мая — Битва при Лас-Пьедрасе, закончившаяся победой I войск Артигаса над силами испанской короны.

Май — октябрь — Осада Монтевидео силами Артигаса. Вторжение португальцев.

10 октября — Ассамблея в Кинта-де-ла-Парагвайа утверждает Артигаса верховным вождем Восточной провинции.

12 октября — Начало «Великого исхода уругвайского народа». **май** — Лагерь Артигаса в Айуи. **октябрь — 1814, январь** — Вторая осада Монтевидео. **апрель** — Апрельский конгресс Восточной провинции и принятие «Инструкций 1813 года».

11 февраля — Декрет верховного правителя Буэнос-Айреса, объявляющий Артигаса вне закона. **июнь** — Падение Монтевидео под ударом войск Буэнос-Айреса. **февраль** — Вступление войск Артигаса в Монтевидео.

Июль — Конгресс Федеральной лиги в Арройо-де-ла-Чина.

Август — Принятие «Временного регламента» Восточной провинции, предусматривающего раздел земли. Брак Артигаса с Мельчорой Куэнка. Новое вторжение португальской армии в Восточную провинцию.

1817, январь — Падение Монтевидео.

1817–1819 — Поражение Артигаса в военной кампании против португальцев.

1820, январь — Поражение Артигаса при Такуарембо.

1820, июнь — Бывший союзник Артигаса Рамирес начинает против него военные действия.

5 сентября — Артигас передает себя в руки парагвайского диктатора Франсии.

1820–1850 — жизнь Аргигаса в Парагвае.

1850, 23 сентября — Смерть Х. Артигаса в Асунсьоне.

1856 — Прах Артигаса перевезен в Уругвай.

1877 — Захоронение праха Артигаса в национальном Пантеоне Монтевидео.

Краткая библиография

М.С. Альперович, Л.Ю. Слезкин, Образование независимых государств в Латинской Америке. М., 1966.

С.С. Михайлов, Артигас и его значение в истории Уругвая. «Новая и новейшая история», 1965, № 1.

Очерки истории Аргентины. М., 961. Ф.Р. Пинтос, Хосе Артигас. М., 1964.

Ф.Р. Пинтос, Л. Сала, О некоторых предпосылках и противоречиях освободительной революции на Рио-де-ла-Плате. «Новая и новейшая история», 1961, № 4.

А.И. Штрахов. Революция на Ла-Плате. «Война за независимость в Латинской Америке 1810–1826». М., 1964.

Acevedo, E. Jose Artigas, jefe de los orientales y protector de los pueblos libres. Montevideo, 1909–1910.

Barbagelata, H. Artigas y la revolucijn americana. Paris, 1930.

Ban-an J. P. y Nahum. Bases economicas de la revolucion artiguista Montevideo, 1964.

Castellanos, A. Vida de Artigas. Montevideo, 1954.

Jesualdo, Artigas, del vasallaje a la revolucion. Buenos-Aires, 1940; 1961.

Fregeiro, G.Z., Artigas. Esttidio historico, documentos justificativos.

Montevideo, 1886. Maeso, J. El general Artigas y su epoca, Montevideo, 1885.

Menedez, E. Artigas, defensor de la democracia americana. Montevideo, 1955.

Pereda, S. Artigas. t. I–V, Montevideo, 1930–1931.

Petit Munos, E. Artigas y su ideario a traves de seis series documentales. Montevideo, 1956.

Zorilla de San Martin. La epopeya de Artigas. Montevideo, 1927.

Street, J. Artigas and the emancipation of Uruguay. N. Y. 1959.

notes

Примечания

1

Ла-Плата по-испански означает «серебро». *(Прим. перев.)*

2

Мате — парагвайский чай, напиток, широко распространении в Южной Америке. *(Прим. перев.)*

3

Десима — строфа, состоящая из десяти восьмисложных строк.

4

Сьелито — народная песня. Название происходит от припева в котором певец обращается к небу; сьело, сьелито — небо, небушко. *(Прим. перев.)*

5

Пайадоры — народные поэты. *(Прим. перев.)*

Имеется в виду территория между реками Уругвай, Парагвай и Панама, а также прилегающие к ним земли.